

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 7 № 2
2023

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K2 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases: Dimensions, EBSCO, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

16+

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, доцент, МГУ
им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск,
Россия).

Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.),
Prof., Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).

Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow,
Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул,
Россия).

Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altay State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).

Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабурин Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва,
Россия).

Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian
Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург,
Россия).

Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci.
(Law), Ass. Prof., Ural State Law University
(Ekatarinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул,
Россия).

Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul,
Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар,
Россия).

Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar,
Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).

Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci.
(Law), Prof., Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск,
Россия).

Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь,
Россия).

Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.),
Ass. Prof., Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово,
Россия).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo,
Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ (Великий
Новгород, Россия).

Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod,
Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Veronika A. Kameneva, Dr.Sci.(Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово,
Россия).

Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд Кемеровской области (Кемерово, Россия).

Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof., All Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Ляскоуска Катаржина

д-р права (habilit), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof., University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).

Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof., RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия).

Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Росинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства и права РАН (Москва, Россия).

Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП (Казань, Россия).

Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof., Kazan branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).

Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).

Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof., Irkutsk state university (Irkutsk, Russia).

Халяпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия).

Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).

Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof., Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).

Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Специфика развития памяти и внимания детей младшего школьного возраста в условиях социально-реабилитационного центра
Борисенко Ю. В., Белогай К. Н., Аксенова О. А. 125

Особенности проявления когнитивных функций у иностранных студентов в зависимости от свойств нервной системы
Варич Л. А., Желонкина Е. С., Немолочная Н. В. 133

Междисциплинарные исследования языка

Семиотические системы передачи культурно-маркированной информации китайской культуры
Заборская Д. Е., Оленев С. В., Чжао Я. 141

Комплексный анализ ассоциаций, извлекаемых из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом (на материале ассоциаций с вербально-эмблематическими стимулами: герб г. Кемерово и герб Кемеровской области)
Каменова В. А., Морозова И. С., Рабкина Н. В., Каргина А. Е., Тубалова И. В. 149

ПЕДАГОГИКА

Методология и технология профессионального образования

Формирование профессиональных языковых компетенций специалистов комплексной реабилитации в системе дополнительного профессионального образования
Вечканова И. Г., Логинова Е. Т., Матвеева М. В., Родин Е. В. 161

Формирование грамматических навыков корейского языка как второго иностранного на основе технологии учебных станций у будущих учителей иностранного языка
Ларионова И. Ю. 169

Теория и методика обучения и воспитания

Актуальные направления методической поддержки педагогов по реализации онлайн-обучения школьников
Сартаков И. В., Славенинова Н. В., Чикова О. А. 178

Проблемы формирования культуры делового общения у студентов, обучающихся на юридических факультетах вузов
Терехова Е. А. 187

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Некоторые аспекты взаимодействия в системе органов публичной власти в контексте обеспечения доверия
Гуторова А. Н. 195

Совершенствование методов предоставления государственных и муниципальных услуг как фактор снижения коррупции
Кузнецова П. Ю. 204

Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе
Лисина Н. Л., Ушакова А. П., Баев В. Д. 214

Теоретико-исторические правовые науки

Государственный строй Малаккского султаната
Арутюнян Р. А. 224

Совет биев как архетип традиционной правовой культуры казахов в XXI в. (из серии статей про архетипы)
Бакирова А. М. 231

Уголовно-правовые науки

Выявление лиц, склонных к актам поджигательства, включая пироманов (судебно-медицинские, психологические и оперативно-разыскные аспекты)
Драпезо Р. Г. 240

Частноправовые (цивилистические) науки

Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования
Сенотрусова Е. М., Иванчей В. В. 250

COGNITIVE SCIENCES
Interdisciplinary Cognitive Studies

Developing Memory and Attention in Primary School Children in the Conditions of a Social Rehabilitation Center

Borisenko Ju. V., Belogai K. N., Aksenova O. A. 125

Effect of Nervous System on Cognitive Functions in Foreign Students

Varich L. A., Zhelonkina E. S., Nemolochnaya N. V. 133

Interdisciplinary Linguistics

Semiotic Codes of Chinese Culture

Zaborskaya D. E., Olenev S. V., Zhao Y. 141

Comprehensive Analysis of Associations Extracted from Language Consciousness by Heterosemiotic (Verbal-Emblematic) Stimuli: Coats of Arms of the City of Kemerovo and the Kemerovo Region

Kameneva V. A., Morozova I. S., Rabkina N. V., Kargina A. Y., Tubalova I. V. 149

PEDAGOGY
Methodology and Technology of University Education

Professional Language Competencies of Complex Rehabilitation Specialists in the System of Additional Professional Education

Vechkanova I. G., Loginova E. T., Matveeva M. V., Rodin E. V. 161

Station Rotation Teaching Korean Grammar to Potential Foreign Language Teachers

Larionova I. Yu. 169

Theory and Methodology of Education and Upbringing

Current Directions of Methodological Support for Teachers in the Implementation of Online Learning for Schoolchildren

Sartakov I. V., Slaveninova N. V., Chikova O. A. 178

Developing a Business Communication Culture in Law Students

Terekhova E. A. 187

LAW
Public and State Law

Some Aspects of Interaction in the System of Public Authorities in the Context of Trust Assurance

Gutorova A. N. 195

Improving the Methods of Providing State and Municipal Services as a Factor of Reducing Corruption

Kuznetsova P. Yu. 204

Legislative Basis for the Development of Agglomerations in the Kemerovo Region (Kuzbass)

Lisina N. L., Ushakova A. P., Baev V. D. 214

Theoretical and Historical Legal Sciences

State Organization of the Malacca Sultanate

Arutyunyan R. A. 224

The Big Council as an Archetype of Traditional Legal Culture of Kazakh in the XXI Century (from a Series of Articles on Archetypes)

Bakirova A. M. 231

Criminal Law

Identification of Potential Arsonists and Pyromaniacs: Medical, Psychological, and Operational Investigative Aspects

Drapezo R. G. 240

Private and Civil Law

Mala Fides Insurance Agents at the Stage of Acquisition

Senotrusova E. M., Ivanchey V. V. 250

оригинальная статья

Специфика развития памяти и внимания детей младшего школьного возраста в условиях социально-реабилитационного центра

Борисенко Юлия Вячеславовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>
evseenkova@mail.ru

Белогай Ксения Николаевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Аксенова Ольга Александровна

Центр социальной помощи семье и детям города Кемерово,
Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 10.01.2023. Принята после рецензирования 13.02.2023. Принята в печать 13.02.2023.

Аннотация: Цель – выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить возможности развития высших психических функций (памяти и внимания) у детей младшего школьного возраста в условиях социально-реабилитационного центра. В исследовании приняли участие 156 испытуемых: 100 воспитанников социально-реабилитационного центра и 56 детей из общеобразовательных школ в возрасте 7–9 лет ($M = 8,33$; $SD = 11,47$). Диагностический инструментарий включал в себя методики «Кольца Ландольта» (Э. Ландольт), «Запомни и расставь точки» (В. Богомолов), «10 слов» (А. Р. Лурия), «Память на образы» (С. А. Римская), «Воспроизведение рассказа» (А. Ф. Ануфриев и С. Н. Костромина), «Диагностика опосредованной памяти» (Р. С. Немов). Средние значения показателей уровня развития концентрации, переключаемости, распределения, устойчивости и объема внимания, а также видов памяти детей, находящихся в социально-реабилитационном центре, ниже, чем у обучающихся средних общеобразовательных школ, у которых средние значения показателей свойств внимания располагаются в пределах нормы. Реализация специально разработанной программы развития высших психических функций у воспитанников социально-реабилитационного центра позволила отследить положительную динамику в развитии параметров памяти и внимания детей. Воспитанники социально-реабилитационного центра находятся в группе риска по развитию познавательных функций в младшем школьном возрасте. Однако целенаправленная работа в этом направлении способствует оптимизации развития высших психических функций – внимания и памяти.

Ключевые слова: когнитивные функции, память, внимание, младший школьный возраст, трудная жизненная ситуация, социально-реабилитационный центр

Цитирование: Борисенко Ю. В., Белогай К. Н., Аксенова О. А. Специфика развития памяти и внимания детей младшего школьного возраста в условиях социально-реабилитационного центра. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 125–132. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-125-132>

full article

Developing Memory and Attention in Primary School Children in the Conditions of a Social Rehabilitation Center

Julia V. Borisenko

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>
evseenkova@mail.ru

Ksenia N. Belogai

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Olga A. Akseanova

Center for Social Assistance to Families and Children, Russia,
Kemerovo

Received 10 Jan 2023. Accepted after peer review 13 Feb 2023. Accepted for publication 13 Feb 2023.

Abstract: The aim of this study was to identify, substantiate, and test the possibilities for developing higher cognitive functions, i.e., memory and concentration, in young residents of a social rehabilitation center. The experiment involved 156 subjects: 100 pupils from the social rehabilitation center and 56 children from comprehensive secondary schools aged 7–9 ($M = 8.33$; $SD = 11.47$). The diagnostic measures included the following techniques: Landolt Rings (E. Landolt), Remember and Dot (V. Bogomolov), Ten Words (A. R. Luria), Image Memory (S. A. Rimskaya), Retell

a Story (A. F. Anufriev, S. N. Kostromina), Diagnostics of Mediated Memory (R. S. Nemov). The experimental group had poorer memory and lower average indicators for concentration and such attention characteristics as set-shifting, distribution, stability, and volume. In the control group, the mean values remained within the norm. A tailored program for developing higher cognitive functions triggered positive dynamics in memory and attention parameters in the children from the social rehabilitation center, whose cognitive functions are at risk at the primary school age. However, the targeted development of higher mental functions was able to improve their attention and memory.

Keywords: cognitive functions, memory, attention, primary school age, difficult life situation, social rehabilitation center

Citation: Borisenko Ju. V., Belogai K. N., Aksenova O. A. Developing Memory and Attention in Primary School Children in the Conditions of a Social Rehabilitation Center. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 125–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-125-132>

Введение

Социальные, экономические и демографические проблемы современного общества определяют множественные факторы, обуславливающие детскую безнадзорность, бездомность, социальное сиротство. Возрастает роль социально-реабилитационных центров (СРЦ) для несовершеннолетних, т.к. количество детей и подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, не становится меньше. Особенно в группе риска находятся дети младшего школьного возраста. В силу того, что в данном возрасте высшие психические функции (ВПФ) становятся опосредованными, произвольными и более осознанными, развитие памяти, мышления и внимания происходит активно и интенсивно.

К настоящему времени в отечественной науке накоплено немало теоретических и экспериментальных работ, посвященных исследованию вопросов развития ВПФ [1–4]. Программы по развитию внимания младших школьников представлены в работах [5; 6]; по развитию памяти – в работах [7; 8]. Современные зарубежные ученые активно исследуют возможности кратковременной, рабочей и долговременной памяти [9–13].

Внимание и память являются универсальными психическими процессами. Их следует рассматривать как необходимую характеристику для любой деятельности. Внимание и память обеспечивают осуществление деятельности и являются важным условием познания, но не сводятся к нему [14, с. 554–555].

Изучение показателей психического развития детей младшего школьного возраста (1–4 класс), проведенное Л. Я. Олиференко, Т. И. Шульгой и И. Ф. Дементьевой, позволило определить, что в закрытых учреждениях у детей обнаруживаются преимущественно средний и низкий уровни психического развития и лишь в единичных случаях отмечается более высокий уровень развития [15]. Также было установлено, что именно среди воспитанников этих учреждений имеется значительная группа детей с низким уровнем психического развития, классифицируемым как уровень риска [16, с. 91].

Согласно А. В. Быкову и Т. И. Шульге, дети, оторванные от семьи, входят в группу риска по развитию психической депривации и госпитализма. Отрыв ребенка от семьи и помещение его в учреждение для детей-сирот провоцирует серьезную психическую травму, нарушение чувства безопасности и привязанности ребенка. В итоге развиваются не только различные соматические заболевания (в силу отсутствия заботы о здоровье в биологической семье), проблемы в поведении, задержка психического развития разной степени выраженности, но и педагогическая запущенность, затрудняющая психопрофилактическую работу с такими детьми [17, с. 7].

Т. Ю. Разумовская полагает, что важнейшим фактором, определяющим проблемы развития познавательных процессов у детей, являются утомляемость и истощаемость при незначительных физических и психических нагрузках. При этом снижаются возможности различных видов памяти, наблюдается недостаточность в развитии свойств внимания, особенно концентрации и объема, и операций мышления. Поэтому дети избегают поисковой и познавательной активности, не имеют познавательных интересов и испытывают трудности в постановке вопросов, анализе данных задачи или учебного материала [18].

Неравномерность и недостаточность развития познавательных функций у младших школьников – воспитанников интернатов – выявлены и в исследовании В. А. Медюшко, который полагает, что им свойственны «отставание в развитии высших психических функций...; неоднородный характер этого отставания; низкий уровень развития функций программирования и контроля произвольных форм деятельности, переработки слуховой информации и конструктивного мышления... по сравнению со сверстниками» [19, с. 96].

У детей, воспитывающихся вне семьи, наблюдаются дискоординация различных мыслительных и познавательных процессов (проблемы в освоении чтения, задержка развития функции вербального кодирования

и упорядочивания информации, сложности в описании картинки или запоминании порядка месяцев в году, упрощенность, схематичность повторяемость и цветовая бедность рисунков); трудности в выполнении простых заданий, предъявляемых на слух, зрительных заданий на использование комбинаций точек и тире, заданий, в которых необходимо установить отношения порядка или последовательности между вещами [20, с. 322].

Кроме того, имеются и специфические социальные условия развития личности таких детей. Воспитанники учреждений интернатного типа общаются со взрослым достаточно ограниченно и практически всегда вместе с группой сверстников. Ограниченность личного общения со взрослым указаниями и инструкциями, жесткий режим дня и отсутствие возможности для принятия решений даже в мелочах (выборе игрушек, одежды, способа времяпрепровождения), – все это формирует привычку к пошаговому выполнению чужих указаний. Поэтому у воспитывающихся вне семьи детей недостаточно сформированы планирование и самоконтроль – основные элементы произвольной регуляции поведения [21, с. 294]. Фрустрация потребности в общении со взрослыми при постоянном формальном контроле со стороны взрослых может привести к появлению агрессивного поведения и потребительского отношения младших школьников, воспитывающихся в интернатах, по отношению ко взрослым [21, с. 295].

Таким образом, дети младшего школьного возраста, воспитывающиеся вне семьи, имеют специфические психологические особенности, проявляющиеся в замедленном и неравномерном развитии как познавательной сферы, так и эмоционального и личностного развития [16, с. 91–92]. Специфика условий развития таких детей, обедненность контактов со взрослым, психотравматический опыт не только создают трудности для психологической развивающей работы с детьми, но и определяют ее настоятельную необходимость.

Цель исследования – выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить возможности развития ВПФ у детей младшего школьного возраста в условиях СРЦ.

При организации исследования мы исходили из двух гипотез:

1. ВПФ детей младшего школьного возраста, пребывающих в условиях социально-реабилитационных центров, характеризуются выраженной гетерохронностью развития структурно-функциональных компонентов и сниженным уровнем развития в целом.

2. Специально разработанная коррекционно-развивающая программа обеспечивает оптимизацию развития ВПФ у младших школьников – воспитанников социально-реабилитационных центров.

Методы и материалы

В исследовании были использованы следующие методы: теоретические методы (анализ психологической и педагогической литературы по изучаемой проблеме), психодиагностические методы и методики, метод формирующего эксперимента, математико-статистические методы.

Подобранный нами диагностический инструментальный включает в себя следующие методики:

- «Кольца Ландольта» (Э. Ландольт) – для изучения уровня развития устойчивости, концентрации, переключения и распределения внимания. Методика использовалась в виде экспериментальной пробы.

- «Запомни и расставь точки» (В. Богомолов) – для оценки объема внимания. Методика использовалась в виде экспериментальной пробы.

- «10 слов» (А. Р. Лурия) – для изучения состояния слуховой кратковременной и долговременной памяти. Исследование состояло из 5 серий заучивания и воспроизведения испытуемым десяти слов. Показатель кратковременной слуховой памяти определялся по количеству воспроизведенных слов после первой серии, показатель долговременной слуховой памяти – после пятой серии.

- «Память на образы» (С. А. Римская) – для определения уровня развития образной (зрительной) памяти. Испытуемый за 20 сек. запоминал максимальное количество образов из предъявляемой таблицы с изображениями 16 различных предметов. После отведенного на запоминание времени ребенок воспроизводил вслух все запомнившиеся предметы.

- «Воспроизведение рассказа» (А. Ф. Ануфриев и С. Н. Костромина) – для изучения уровня развития словесно-логической памяти. Исследование осуществлялось в формате запоминания и воспроизведения рассказа по определенной схеме.

- «Диагностика опосредованной памяти» (Р. С. Немов) – применялась для оценки уровня развития опосредованной памяти младших школьников. Испытуемому последовательно зачитывались 10 слов и выражений. Цель – запомнить и воспроизвести слова в конце процедуры по вспомогательным рисункам и записям, которые ребенок сделал во время специальных пауз после каждого произнесенного экспериментатором слова.

Для обработки данных использовались следующие статистические методы: описательные статистики, t-критерий Стьюдента (для независимых и зависимых выборок), корреляционные матрицы и дисперсионный анализ. Применялась программа Statistica 10.0.

Описание выборки. Исследование проходило с декабря 2016 г. по апрель 2018 г. на базе ГКУ СРЦ «Маленький принц», а также средних общеобразовательных школ № 12, № 92, № 94 г. Кемерово. Выборку составили младшие школьники в возрасте 7–9 лет, всего

156 испытуемых: 100 воспитанников СРЦ и 56 детей из школ. Всех воспитанников СРЦ мы разделили на две группы: 50 человек входили в состав контрольной группы (КГ), 50 – в состав экспериментальной группы (ЭГ). ЭГ проходила занятия по коррекционно-развивающей программе развития ВПФ, включающей 24 занятия. Занятия проводились с периодичностью два раза в неделю в течение трех месяцев. Дети из КГ участия в данной работе не принимали и занимались по обычной программе СРЦ.

Результаты

Сравнение средних значений показателей развития ВПФ у детей из СРЦ и из общеобразовательных школ с помощью описательных статистик и t-критерия Стьюдента для независимых выборок позволило заключить, что существуют статистически значимые различия между исследуемыми группами по показателям свойств внимания и показателям видов памяти (табл. 1). Большая часть воспитанников СРЦ имеют сниженный уровень развития произвольного внимания, тогда как у обучающихся средних

общеобразовательных школ преобладающим является средний уровень. Отметим, что у детей обеих групп менее других свойств развиты переключаемость и распределение внимания.

Согласно результатам исследования уровня развития памяти, выявлено, что такие ее виды, как слуховая (кратковременная и долговременная) и зрительная кратковременная, находятся в пределах нормы и имеют средний уровень развития у большей части испытуемых обеих групп. Значимо хуже у испытуемых развита словесно-логическая и опосредованная память. Результаты воспитанников СРЦ не превышают границы среднего уровня: у каждого второго ребенка ЭГ рассматриваемые виды памяти находятся ниже нормы. Младшие школьники недостаточно владеют и не пользуются мнемотехническими и рациональными приемами при заучивании материала, чаще опираясь на механическую память.

Согласно ключу диагностической методики «Кольца Ландольта», концентрация, переключаемость, распределение внимания имеют низкий уровень развития, т. к. их значения находятся в интервале от 0,00 до 0,49. В соответствии с интерпретацией диагностической методики «Запомни и расставь точки» значение коэффициента объема внимания, находящегося в интервале от 4 до 5 баллов, свидетельствует о низком объеме внимания воспитанников СРЦ обследуемой возрастной группы (4,30); значение от 6 до 8 баллов – о среднем объеме внимания детей из общеобразовательных школ (7,60).

Таким образом, средние значения показателей уровня развития концентрации, переключаемости, распределения, устойчивости и объема внимания у детей, находящихся в СРЦ, ниже, чем у учащихся средних общеобразовательных школ, у которых средние значения показателей свойств внимания располагаются в пределах нормы.

Далее с целью выявления возможностей развития ВПФ у детей младшего школьного возраста в условиях СРЦ нами была реализована специально разработанная программа, основанная на разработке А. С. Родионовой [22]. С помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок на начальном этапе исследования было произведено сравнение средних значений по каждому из исследуемых показателей в КГ и ЭГ детей, пребывающих в СРЦ (табл. 2). Анализ результатов показал, что статистически значимых различий не обнаружено, что подтверждает однородность состава КГ и ЭГ до проведения формирующего эксперимента.

После реализации специально разработанной программы развития ВПФ у воспитанников СРЦ в КГ и ЭГ была проведена повторная диагностика уровня развития свойств произвольного внимания и видов памяти. Для анализа результатов

Табл. 1. Средние значения показателей развития ВПФ у воспитанников СРЦ и обучающихся средних общеобразовательных школ

Tab. 1. Higher mental functions: test group vs. control, mean values

Показатели	Воспитанники СРЦ	Обучающиеся средних общеобразовательных школ	p
Концентрация внимания	46,50	63,40	0,001
Переключаемость внимания	38,70	54,80	0,001
Распределение внимания	31,90	51,90	0,001
Объем внимания	4,30	7,60	0,001
Устойчивость внимания	4,40	6,30	0,001
Слуховая память (кратковременная)	5,20	7,10	0,001
Слуховая память (долговременная)	6,70	8,00	0,001
Зрительная память (кратковременная)	6,90	8,50	0,001
Словесно-логическая память	4,23	5,97	0,020
Опосредованная память	4,37	5,34	0,030

Табл. 2. Средние значения показателей развития ВПФ в КГ и ЭГ до воздействия

Tab. 2. Initial mean values of higher mental functions: test group vs. control

Показатели	КГ	ЭГ	р
Концентрация внимания	47,60	46,50	0,772
Переключаемость внимания	38,30	38,70	0,917
Распределение внимания	30,90	31,90	0,760
Объем внимания	4,40	4,30	0,810
Устойчивость внимания	4,50	4,40	0,780
Слуховая память (кратковременная)	5,20	5,15	0,913
Слуховая память (долговременная)	7,10	6,70	0,406
Зрительная память (кратковременная)	7,00	6,85	0,796
Словесно-логическая память	4,35	4,23	0,775
Опосредованная память	4,50	4,37	0,735

был использован t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок по используемым нами методикам для сравнения средних значений и прослеживания динамики развития ВПФ у младших школьников (табл. 3).

У детей КГ статистически значимых различий значений показателей между начальным и заключительным этапами выявлено не было. У воспитанников СРЦ, вошедших в ЭГ, за время исследования произошли

статистически значимые изменения в показателях *концентрация, переключаемость, объем и устойчивость внимания*. Они значимо увеличились после проведения развивающей работы. В уровне развития показателя *распределение внимания* статистически значимых изменений не произошло.

В процессе математико-статистической обработки данных нами были обнаружены значимые различия в средних значениях показателей видов памяти в КГ и ЭГ на начальном и заключительном этапах исследования (табл. 4).

У воспитанников КГ после проведения формирующего эксперимента значимо улучшились показатели *слуховая память (кратковременная и долговременная), зрительная память (кратковременная)*. У воспитанников ЭГ произошли статистически значимые изменения показателей *слуховая память (кратковременная и долговременная), зрительная память (кратковременная), словесно-логическая память, опосредованная память*. Эти показатели статистически значимо увеличились.

За время исследования произошли статистически значимые изменения в показателях ВПФ – произвольных форм внимания и памяти у воспитанников СРЦ. Статистически значимые изменения по показателям *слуховая память (кратковременная и долговременная) и зрительная память (кратковременная)* у испытуемых КГ могут быть обусловлены влиянием программы СРЦ, а также возрастно-временным развитием испытуемых. Полагаем, что специально разработанная программа развития ВПФ оказала влияние на повышение результатов внимания и памяти.

Табл. 3. Средние значения показателей свойств внимания в КГ и ЭГ по t-критерию Стьюдента

Tab. 3. Initial T-test: test group vs. control

Показатель	КГ		р	ЭГ		р
	До	После		До	После	
Концентрация	47,6	49,50	0,020	46,5	57,3	0,001
Переключаемость	38,3	40,00	0,050	38,7	48,2	0,050
Распределение	30,9	32,10	0,100	31,8	37,7	0,120
Объем	4,4	4,65	0,001	4,3	6,2	0,001
Устойчивость	4,5	4,95	0,001	4,4	6,3	0,001

Табл. 4. Средние значения показателей видов памяти в КГ и ЭГ по t-критерию Стьюдента

Tab. 4. T-test for memory parameters: test group vs. control

Показатель	КГ		р	ЭГ		р
	До	После		До	После	
Слуховая (кратковременная)	5,20	5,65	0,050	5,15	6,55	0,001
Слуховая (долговременная)	7,10	7,50	0,030	6,70	7,65	0,001
Зрительная (кратковременная)	7,00	7,80	0,030	6,85	8,55	0,001
Словесно-логическая	4,35	4,55	0,110	4,22	4,90	0,050
Опосредованная	4,50	4,68	0,140	4,37	5,55	0,001

Обсуждение

Результаты экспериментального исследования показали, что целенаправленная работа по развитию ВПФ в условиях СРЦ обеспечивает оптимизацию развития ВПФ (внимания и памяти) у младших школьников, способствует улучшению концентрации, переключаемости, объема и устойчивости внимания.

Обнаруженное нами снижение возможностей различных видов памяти и недостаточность в развитии свойств внимания были выявлены также Т. Ю. Разумовской [18]. Наши данные согласуются и с выводами В. А. Медюшко о низком уровне переработки слуховой информации у воспитанников учреждений интернатного типа по сравнению со сверстниками [19].

Обучение и дальнейшее использование детьми рациональных приемов запоминания и мнемотехник совершенствует мнемическую деятельность, оказывает благотворное влияние на развитие словесно-логической и опосредованной памяти, что соотносится с более ранними исследованиями данной проблематики [23; 24]. Кроме того, наши выводы о результативности психопрофилактической развивающей работы с детьми, воспитывающимися вне семьи, подтверждаются данными других исследователей [25–27], описывающих возможности социализации таких детей с помощью специально организованных занятия с использованием различных психологических и педагогических средств, а также результатами нашего предыдущего исследования [28].

Заключение

Полученные результаты позволили заключить, что в сравнении с младшими школьниками общеобразовательных школ воспитанники СРЦ имеют сниженный уровень развития показателей внимания и памяти и в большей степени нуждаются в коррекционно-развивающей работе.

Развитие памяти и внимания детей младшего школьного возраста в условиях СРЦ осуществляется средствами коррекционно-развивающей программы, включающей в себя такие методы, как рассказ и беседа, специальные упражнения, направленные на развитие свойств внимания и изучение приемов запоминания, релаксационные упражнения и игротехники. Такие дети, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации, составляют особую группу риска и нуждаются

в социально-психологической поддержке и психолого-педагогическом сопровождении развития.

С помощью сравнительного анализа результатов первичного и заключительного (повторного) диагностического обследования испытуемых КГ и ЭГ нами выявлены статистически значимые различия в уровнях развития внимания и памяти. Динамика изменений показывает значительные улучшения показателей в ЭГ.

Доказано, что специально организованная коррекционно-развивающая работа по развитию ВПФ у детей младшего школьного возраста в условиях СРЦ способствует оптимизации развития ВПФ – внимания и памяти. Так как эффективное функционирование памяти и внимания является важным компонентом успешного обучения младшего школьника, целенаправленная работа в этот период, обращенная на развитие свойств внимания и овладение мнемической деятельностью, является наиболее продуктивной.

Примечания

Исследование проводилось с соблюдением норм профессиональной и исследовательской этики. Все испытуемые принимали участие в исследовании добровольно после подробного описания предполагаемой работы, им была гарантирована анонимность и возможность выйти из исследования на любом этапе работы. В силу специфики полученных данных открытый доступ к ним отсутствует. Материалы можно получить при обращении к авторам статьи. Авторы выражают благодарность всем участникам исследования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с. [Vygotsky L. S. *Selected works. Vol. 3. The issues of psychological development.* Moscow: Pedagogika, 1983, 368. (In Russ.)]
2. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с. [Luria A. R. *Lectures on general psychology.* St. Petersburg: Piter, 2006, 320. (In Russ.)]
3. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. 392 с. [Leontev A. N. *Selected psychology works.* Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 1, 392. (In Russ.)]

4. Гальперин П. Я. К проблеме внимания. *Хрестоматия по вниманию*. М.: МГУ, 1976. С. 220–228. [Galperin P. Ya. The problem of attention. *The anthology for attention*. Moscow: MSU, 1976, 220–228. (In Russ.)]
5. Ермолаев О. Ю., Марютина Т. М., Мешкова Т. А. Внимание школьника. М.: Знание, 1987. 80 с. [Ermolaev O. Yu., Maryutina T. M., Meshkova T. A. *Attention in schoolchild*. Moscow: Znanie, 1987, 80. (In Russ.)]
6. Дубровина И. В., Андреева А. Д., Данилова Е. Е., Кравцова Е. М., Москвитина О. А., Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Младший школьник: развитие познавательных способностей. М.: Просвещение, 2003. 208 с. [Dubrovina I. V., Andreeva A. D., Danilova E. E., Kravtsova E. M., Moskvitina O. A., Prikhozhan A. M., Tolstykh N. N. *Primary schoolchild: development of cognitive abilities*. Moscow: Prosveshchenie, 2003, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wqjvid>
7. Возрастные и индивидуальные различия памяти, под ред. А. А. Смирнова. М.: Просвещение, 1967. 300 с. [*Age and individual differences in memory*, ed. Smirnov A. A. Moscow: Prosveshchenie, 1967, 300. (In Russ.)]
8. Волков Б. С. Психология младшего школьника. М.: Акад. Проект, 2005. 208 с. [Volkov B. S. *Psychology of a junior high school student*. Moscow: Akad. Proekt, 2005, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsgnj>
9. Oberauer K., Lewandowsky S., Awh E., Brown G. D. A., Conway A., Cowan N., Donkin C., Farrell S., Hitch G. J., Hurlstone M. J., Ma W. J., Morey C. C., Nee D. E., Schwenke J., Vergauwe E., Ward G. Benchmarks for models of short-term and working memory. *Psychological Bulletin*, 2018, 144(9): 885–958. <https://doi.org/10.1037/bul0000153>
10. Bartsch L. M., Shepherdson P. Freeing capacity in working memory (WM) through the use of long-term memory (LTM) representations. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2022, 48(4): 465–482. <https://doi.org/10.1037/xlm0001024>
11. Bartsch L. M., Oberauer K. The contribution of episodic long-term memory to working memory for bindings. *Cognition*, 2023, 231. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105330>
12. Chuderski A. Even a single trivial binding of information is critical for fluid intelligence. *Intelligence*, 2019, 77. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2019.101396>
13. Cowan N. Item-position binding capacity limits and word limits in working memory: a reanalysis of Oberauer (2019). *Journal of Cognition*, 2022, 5(1). <https://doi.org/10.5334/JOC.193>
14. Петухов В. В. Основные определения собственно познавательных и универсальных психических процессов. *Общая психология. Тексты. Т. 1: Введение*. М.: Психология; Генезис, 2001. С. 554–559. [Petukhov V. V. Basic definitions of cognitive and universal mental processes proper. *General psychology. Texts. Vol. 1: Introduction*. Moscow: Psikhologii; Genезis, 2001, 554–559. (In Russ.)]
15. Олиференко Л. Я., Шульга Т. И., Дементьева И. Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2004. 256 с. [Oliferenko L. Ya., Shulga T. I., Dement'eva I. F. *Social and pedagogic support for children of risk group*. 2nd ed. Moscow: Academia, 2004, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtxxcb>
16. Верхотурцева Е. Е. Социально-психологическая адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к общеобразовательному учреждению. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 1-2. С. 90–97. [Verkhoturteva E. E. Socio-psychological adaptation of children-orphans and children left without parental care, educational institutions. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (1-2): 90–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbelpp>
17. Быков А. В., Шульга Т. И. Психологическая служба в учреждениях социально-педагогической поддержки детей и подростков. 2-е изд. М: Юрайт, 2023. 121 с. [Bykov A. V., Shulga T. I. *Psychological service in institutions of social and pedagogical support for children and adolescents*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2023, 121. (In Russ.)]
18. Разумовская Т. Ю. К проблеме школьной дезадаптации детей с нарушением психического развития органического генеза. *Электронный сборник статей портала психологических изданий PsyJournals.ru*. 2009. Т. 1. № 1. [Razumovskaia T. Iu. School disadaptation in children with impaired mental development of organic genesis. *E-Proceedings PsyJournals.ru*, 2009, 1(1). (In Russ.)] URL: https://psyjournals.ru/serialpublications/pj/archive/2009_1/22716 (accessed 5 Feb 2023).
19. Медюшко В. А. Сравнительный нейропсихологический анализ высших психических функций младших школьников, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 4-2. С. 92–97. [Medyushko V. A. Comparative neuropsychological analysis of higher mental functions observed in primary school pupils brought up in families and in orphanages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4-2): 92–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rswmmd>
20. Раттер М. Помощь трудным детям. М.: Прогресс, 1987. 424 с. [Rutter M. *Helping troubled children*. Moscow: Progress, 1987, 424. (In Russ.)]
21. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Работа психолога в учреждениях интернатного типа для детей, оставшихся без попечения родителей. In: Дубровина И. В., Акимова М. К., Борисова Е. М., Гуткина Н. И., Козлова В. Т., Круглов Б. С., Прихожан А. М., Снегирева Т. В., Толстых Н. Н., Юферева Т. И. *Рабочая книга школьного*

- психолога. М.: Просвещение, 1991. С. 274–302. [Prikozhan A. M., Tolstykh N. N. The work of a psychologist in residential institutions for children left without parental care. In: Dubrovina I. V., Akimova M. K., Borisova E. M., Gutkina N. I., Kozlova V. T., Kruglov B. S., Prikozhan A. M., Snegireva T. V., Tolstykh N. N., Yufereva T. I. *Workbook of a school psychologist*. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 274–302. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xijjwn>
22. Родионова А. С. Психолого-педагогические условия развития памяти у детей младшего школьного возраста. *Концепт*. 2015. Т. 10. С. 106–110. [Rodionova A. S. Psychological and pedagogical conditions of memory development in children of primary school age. *Concept*, 2015, 10: 106–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsjqar>
23. Barsagayeva S. V., Korbmakher T. V., Grotskaya N. N., Urvantseva A. K. Learning methods of memorization poems for primary school children. *Economic and social trends for sustainability of modern society: Proc. ICEST-II 2021, Krasnoyarsk, 19–21 May 2021*. European Publisher, 2021, vol. 116, 1381–1387. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.02.155>
24. Рыбакова Л. А., Бабынина Т. Ф. Особенности детей, оставшихся без попечения родителей. In: Рыбакова Л. А., Бабынина Т. Ф. *Дети группы риска: особенности развития, психолого-педагогические технологии работы с детьми группы риска*. Казань: Бриг, 2015. С. 92–103. [Rybakova L. A., Babynina T. F. Children left without parental care. In: Rybakova L. A., Babynina T. F. *Children at risk: features of development, psychological and pedagogical technologies of working with children at risk*. Kazan: Brig, 2015, 92–103. (In Russ.)]
25. Луговская Т. В. Развитие ресурсов личности подростков в процессе психопрофилактики отклоняющегося поведения в условиях детского дома. *Вестник Якутского государственного университета*. 2009. Т. 6. № 4. С. 84–90. [Lugovskaya T. V. Development of teenagers' personality in the process of psychological prevention of aberration behavior in boarding school. *Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, 6(4): 84–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/laladt>
26. Авдеева С. Н., Криванчикова А. А., Чистякова С. В. Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в домах ребенка. *Современная психология: III Междунар. науч. конф.* (Казань, 20–23 октября 2014 г.) Казань: Бук, 2014. С. 21–24. [Avdeeva S. N., Krivanchikova A. A., Chistiakova S. V. Psychological and pedagogical problems of raising children in orphanages. *Modern psychology: Proc. III Intern. Sci. Conf.*, Kazan, 20–23 Oct 2014. Kazan: Buk, 2014, 21–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sxibtcb>
27. Стукалова О. В., Михайлина Е. В., Береговая Е. Б. Эффект занятий искусством в социальных учреждениях: социализация воспитанников и профилактика профессионального выгорания педагогов. *Казанский педагогический журнал*. 2021. № 1. С. 235–241. [Stukalova O. V., Mikhailina E. V., Beregovaya E. B. The effect of art classes in social institutions: pupils' socialization, and prevention of teachers' professional burnout. *Kazan Pedagogical Journal*, 2021, (1): 235–241. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51379/KPJ.2021.145.2.032>
28. Аксенова О. А., Борисенко Ю. В. Развитие внимания детей младшего школьного возраста в условиях социально-реабилитационного центра. *Гуманитарные научные исследования*. 2018. № 5. [Aksenova O. A., Borisenko Ju. V. Development of attention of primary school children in the conditions of a social rehabilitation center. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 2018, (5). (In Russ.)] URL: <https://human.snauka.ru/2018/05/25004> (accessed 5 Feb 2023). <https://elibrary.ru/uqktps>

оригинальная статья

Особенности проявления когнитивных функций у иностранных студентов в зависимости от свойств нервной системы

Варич Лидия Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

varich2002@mail.ru

Желонкина Елена Сергеевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Немолочная Нина Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

Поступила в редакцию 10.03.2023. Принята после рецензирования 04.04.2023. Принята в печать 05.04.2023.

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы проявления когнитивных функций у иностранных студентов. Цель – выявить и описать особенности проявления когнитивных функций у иностранных студентов в зависимости от свойств нервной системы. Предмет исследования – количественные характеристики когнитивных функций (объем кратковременной памяти, объем и концентрация внимания, продуктивность комбинаторного мышления). Изучаемые показатели рассматривались с позиции теоретического анализа, определялись различия в интерпретации когнитивных функций разными исследователями. Обоснована необходимость комплексного подхода к изучению когнитивных функций с учетом нейродинамических особенностей. К числу нейродинамических показателей отнесены скорость простой зрительно-моторной реакции, функциональная подвижность нервных процессов, уравновешенность нервной системы по реакции на движущийся объект и сила нервной системы по показателю работоспособности головного мозга. Особенности проявления когнитивных функций иностранных студентов стали низкая скорость протекания процессов смены торможения возбуждением, в отличие от русских студентов, а также низкий объем зрительной памяти на числа и на слова. Определено, что русские студенты обладают большей силой нервной системы по сравнению с иностранными студентами, свидетельствующей о высокой степени активации центральной нервной системы при выполнении заданий. Выявлены особенности когнитивных функций иностранных студентов с различным уровнем силы нервных процессов: студенты со слабой нервной системой отличаются низким уровнем простой и сложной зрительно-моторной реакции, функциональной подвижности нервных процессов, большим количеством ошибок при выполнении тестирования; с высоким уровнем силы нервной системы – более высокими значениями показателей комбинаторных способностей мышления и хорошей концентрацией внимания. Показатели механической и смысловой памяти достоверно не отличаются.

Ключевые слова: когнитивные функции, сквозные когнитивные процессы, работоспособность, свойства нервной системы, нейродинамические характеристики

Цитирование: Варич Л. А., Желонкина Е. С., Немолочная Н. В. Особенности проявления когнитивных функций у иностранных студентов в зависимости от свойств нервной системы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 133–140. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-133-140>

full article

Effect of Nervous System on Cognitive Functions in Foreign Students

Lidia A. Varich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

varich2002@mail.ru

Elena S. Zhelonkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Nina V. Nemolochnaya

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

Received 10 Mar 2023. Accepted after peer review 4 Apr 2023. Accepted for publication 5 Apr 2023.

Abstract: The research identified and described the correlation between the nervous system and the cognitive profile in foreign university students. The quantitative properties of cognitive functions included short-term memory, concentration, and combinatorial thinking. The indicators and their neurodynamic features were subjected to an integrated cognitive approach. The neurodynamic indicators included the rate of simple visual-motor reaction,

functional mobility of nervous processes, equilibrium of the nervous system in response to a moving object, and nervous system stability in terms of brain performance. Unlike the Russian control group, the foreign students demonstrated a slow inhibition – excitation cycle and a poor visual memory for numbers and words. The control group had a stronger nervous system with a higher degree of activation. In the test group, the cognitive functions depended on the expression degree of nervous processes. Students with a weaker nervous system demonstrated a lower level of simple and complex visual-motor reaction and functional mobility of nervous processes: they made more errors in the test tasks. Those with a stabler nervous system showed better combinatorial thinking abilities and concentration. The indicators of mechanical and semantic memory did not correlate with the nervous system stability.

Keywords: cognitive functions, transversal cognitive processes, working capacity, nervous system characteristics, neurodynamic characteristics

Citation: Varich L. A., Zhelonkina E. S., Nemolochnaya N. V. Effect of Nervous System on Cognitive Functions in Foreign Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 133–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-133-140>

Введение

Когнитивные функции и особенности их проявления на протяжении достаточно длительного времени были объектом научных исследований большого количества как отечественных [1–5], так и зарубежных [6; 7] ученых. В современных психологических трудах изучение когнитивных и познавательных процессов личности относится к числу наиболее актуальных психолого-педагогических проблем [8–10].

В. Н. Дружинин является автором т.н. ресурсного подхода к изучению природы когнитивных функций. Н. Г. Немировская подчеркивает, что именно В. Н. Дружинин является автором идеи описания когнитивного ресурса, выступающего в качестве параметра когнитивной системы, комплексно функционирующей в ситуациях решения разноуровневых по степени сложности познавательных задач [11].

В исследованиях А. Ф. Корниенко показано наличие взаимосвязей объектов и явлений действительности, проявляющееся как следствие функционирования когнитивных процессов [9]. Б. П. Яковлев и А. В. Прибега считают, что благодаря функционированию познавательных процессов осуществляется практически любая деятельность. Исследователи указывают на факт взаимообусловленности функционирования познавательной, эмоциональной и волевой сфер, подчеркивая идентичность понятий *познавательные процессы* и *когнитивные процессы* [10].

Работа Т. В. Решетовой и др. посвящена изучению нарушений высших когнитивных функций при стрессах и тревоге и возможностям осуществления превентивных мер, приводящих к нейтрализации снижения продуктивности их функционирования [12]. О наличии взаимосвязи когнитивных функций, стилевых особенностей организации деятельности и эмоциональных состояний свидетельствуют междисциплинарные исследования, например [13].

Формирование внутреннего мира человека, желаемого понять окружающий мир и улучшить его, ориентируется в основном на образовательную

и познавательную деятельность, что способствует развитию основных функций психики в комплексе с важными когнитивными процессами, включающими память, внимание, воображение, мышление, восприятие и др. [5]. Содержание психики есть результат отражения действительности и ее субъективно-идеального образа, где когнитивные процессы позволяют обеспечивать процесс восприятия мира и формировать в нашем сознании совокупность идеальных образов. Уровень развития когнитивных процессов определяет эффективность взаимодействия человека с окружающим миром, его психическое и физическое состояние. Нарушения, связанные с когнитивными процессами, могут сделать человека нездоровым, неполноценным или помешать его нормальной социальной адаптации.

В изучении процессов человеческой психики когнитивные механизмы считаются основополагающими. Несмотря на развитие психических явлений, выделяют наиболее древние когнитивные процессы – внимание и память. Расположенные в неокортексе центры данных процессов выполняют значимые функции:

- прием сигналов из окружающего мира и передача информации через чувственные рецепторы: слух, зрение, обоняние, осязание, вкус;
- распознавание базовой информации и формирование целостной картины мира через обработку информации;
- запоминание образной и чувственной информации;
- сопоставление новой когнитивной информации с накопленным опытом;
- формирование абстрактных образов и понятий, идентифицирующих внешние связи, включая речь как важнейшую функцию общения;
- определение в деятельности человека основных целей, задач, поведенческих стратегий и мотиваций;
- развитие способностей контролировать свое поведение, планировать виды и результаты своей деятельности.

В функциональной совокупности когнитивных процессов выделяются познавательные способности, в которых прослеживается связь между когнитивными функциями и уровнем человеческого интеллекта, а также изучается эффективность данной взаимосвязи. Познавая окружающий мир, человек рационально использует полученные знания, осмысливает, сравнивает между собой общие и различные явления.

С помощью когнитивных процессов человек приобретает новые знания и опыт, действует и принимает решения. В данных процессах задействованы различные когнитивные способности: восприятие, внимание, память, мышление и др. [5]. Когнитивные процессы лежат в основе психической деятельности человека, оказывая влияние на образы восприятия окружающих предметов и явлений, детерминируя возникновение познавательных, эмоциональных и волевых феноменов [10].

Комплекс всех когнитивных процессов определяет когнитивную сферу человека, имеющую сложную структуру, и состоит из нескольких этапов:

- сбор информации и первоначальная обработка данных;
- запоминание информации;
- формирование новых знаний, понятий, образов;
- владение информацией на высшем уровне сознания и выработка стратегии познания;
- анализ, сравнение, обобщение и синтез.

Рассмотрим подробнее когнитивные процессы, активно задействованные в познавательной деятельности человека: внимание, память и мышление.

Внимание – это когнитивный процесс, который позволяет сосредоточиться на определенном стимуле или действии, чтобы лучше осознать его. Внимание – самая важная функция, т.к. используется постоянно. По мнению Н. Г. Макаровой, внимание осуществляет роль регулятора по отношению к другим познавательным процессам, сопровождая не только процесс восприятия, обеспечивая распознавание стимулов, исходящих от органов чувств, но и участвуя в процессах анализа и синтеза, поддерживая системный характер сложных рассуждений [14].

Внимание определяется как концентрация сознания на конкретном объекте. Это особый познавательный процесс, отличающийся от всех других тем, что он не имеет собственного содержания, а существует внутри других психических явлений, таких как память, мышление и т. д.

В познавательной деятельности внимание рассматривается как характеристика, динамично подчеркивающая основную связь психики человека с определенным объектом, где оно представляет собой концентрацию и сосредоточенность на том или ином объекте.

В большей степени внимание управляется потребностями и отношением человека, проявлением его

интереса и изменением отношения к объекту. В сравнении с другими когнитивными процессами, внимание не имеет базового содержания, однако внутри него четко прослеживается взаимосвязь между деятельностью объектов и образов. И в этой связи переключение внимания влияет на точность самого содержания. С физиологической точки зрения процесс внимания зависит от нервного раздражения, что вызывает состояние возбуждения в определенном участке коры головного мозга. В когнитивных процессах внимание выступает как ориентировочный рефлекс и определяется как врожденная реакция человека на происходящие вокруг изменения окружающей среды.

Являясь сквозными когнитивными процессами, память и внимание регулируют повышение и снижение уровня психической активности человека. Этот достаточно устойчивый уровень показывает, что без памяти и внимания познавательная деятельность принципиально невозможна [10].

Уровень внимания в развитии познавательной активности влияет на качество познавательной деятельности, на запоминание, обработку и анализ информации, на четкость и координацию движений. От внимания зависит эффективность любого вида деятельности и безопасность человека.

В процессе познания доминирует глубинная, психофизиологическая основа внимания, преобладающий центр возбуждения в коре головного мозга. Оно возникает от воздействия сильнейшего или наиболее значимого раздражителя и буквально подавляет другие очаги возбуждения, заставляя человека сосредоточить внимание на главном, фундаментальном. В этой связи рассматриваются его основные свойства: устойчивость внимания, объем внимания и распределение внимания.

О памяти говорят как о когнитивной функции, позволяющей кодировать, хранить и восстанавливать ранее полученную информацию. Память является фундаментальным процессом обучения и формирует личность человека.

Способность памяти получать, хранить и воспроизводить информацию, полученную в течение жизни, позволяет проявляться различным инстинктам, врожденным и приобретенным поведенческим особенностям в процессе человеческой жизни. Без аккумуляции и обновления жизненного опыта, его воспроизведения в определенных условиях индивидам сложно было бы приспособиться к динамичным изменениям, а отсутствие возможности помнить о прошедших событиях не позволило бы человеку развиваться и совершенствоваться [5, с. 158].

Благодаря исходным данным и результатам основных функции памяти дифференцируются не только по своей структуре, но и по тому факту, что у разных людей они имеют неодинаковое развитие.

В основе любых проявлений осознанной активности человека лежат процессы памяти. Память обеспечивает результативность действий, осуществляемых человеком. Во многом результативность зависит от таких характеристик памяти, как объем запоминаемой информации, точность и прочность его воспроизведения в процессе этой деятельности. В исследовании М. А. Нуровой и Л. В. Мамедовой подчеркивается необходимость рассмотрения памяти как «сквозного» процесса, обеспечивающего непрерывность психических процессов и объединяющего все когнитивные процессы в единый комплекс [15, с. 55].

Процессы памяти включены в ситуации обучения и практической деятельности, выступая источником познавательной деятельности. Опираясь на точку зрения В. Н. Дружинина о значении процессов памяти как источника всестороннего развития личности, мы считаем необходимым подчеркнуть целостный и системный характер их протекания [8] и учитывать данные, полученные в исследовании А. Н. Леонтьева об универсальном характере процессов памяти [4].

Память лежит в основе различных видов деятельности, обеспечивая запечатление, сохранение и воспроизведение необходимой в определенный момент времени информации. Мы можем запомнить то, что нас особенно впечатлило или оставило глубокий эмоциональный след. Однако более важным является запоминание и воспроизведение под влиянием волевого усилия. Именно благодаря произвольной регуляции процессов памяти мы можем обеспечить повышение результативности обучения в части обогащения знаний, формирования умений и их автоматизации в виде навыков. Э. К. Павленко аргументированно указывает на тот факт, что благодаря процессам памяти происходит нормальное функционирование личности и общества [16, с. 16]. О. А. Зимин описывает память как активный, созидательный процесс, во время которого сравнением нового и старого обеспечивается обогащение внутреннего мира человека, расширение способов решения практических задач, систематизируемых в блоках памяти [17, с. 42].

Другим важнейшим когнитивным процессом является мышление. Оно позволяет объединить всю полученную информацию и установить взаимосвязи между составными частями данных. Для этого используются исполнительные функции: рассуждение, синтез и решение задач.

Мышление определяют как когнитивный процесс, функционально связанный с отражением окружающей действительности и восприятием человека к новой информации, которая может отсутствовать в чувственном опыте, но оставаться важной для человеческой психики. Процесс мышления включен в различные виды деятельности человека и обеспечивает

осуществление таких мыслительных операций, как абстрагирование, анализ, классификацию, конкретизацию, синтез, систематизацию, сравнение и обобщение [2].

Мышление относится к когнитивным процессам высшего уровня с наличием обобщенных и опосредованных характеристик, которые проявляются в познавательной деятельности человека таким образом, что обобщенное мышление выражается за счет полученного личного опыта или опыта других людей, а опосредованное мышление проявляется через полученные знания об окружающем мире.

В ходе общественно-исторического развития прослеживается тесная связь мышления и речи, где происходит его трансформация в самостоятельный механизм когнитивного процесса со своими функциями и характеристиками. Опираясь на опыт поколений, язык и речь используются как средства выражения мышления и сознания человека при определении познавательных противоречий, постановке, решении теоретических и практических задач, реализации новых идей, прогнозировании будущих событий. Сквозной характер данного процесса проявляется в том, что мышление не отделимо от других психических явлений, а наоборот, оно функционирует в виде мыслительных операций в каждом осознанном действии человека [10].

Цель данного исследования – выявить и описать особенности проявления когнитивных функций у иностранных студентов в зависимости от свойств нервной системы.

Методы и материалы

Для исследования нейродинамических особенностей студентов были использованы методики, характеризующие скорость простой зрительно-моторной реакции (ПЗМР), уровень функциональной подвижности нервных процессов (УФП НП), уравновешенность нервной системы по реакции на движущийся объект и силу нервной системы по показателю работоспособности головного мозга (РГМ).

Время ПЗМР – интегральный показатель скорости проведения возбуждения по различным элементам рефлекторной дуги. Латентный период сенсомоторных реакций имеет значение адекватного показателя функционального состояния нервной системы и может использоваться в качестве оценки индивидуальных особенностей человека.

Определение УФП НП и динамичности нервных процессов позволяет определить скорость смены процессов возбуждения торможением и наоборот.

Исследование уравновешенности нервных процессов проводили с помощью методики измерения реакции на движущийся объект (РДО). Время РДО зависит от баланса процессов возбуждения и торможения

в коре головного мозга человека, который определяет дифференцировку времени и точность ответов, причем наличие опережающих реакций характеризует преобладание возбудимых, а тенденция к запаздыванию – тормозных процессов в нервной системе [18].

По мнению Е. П. Ильина, работоспособность головного мозга представляет собой способность переносить весьма длительное концентрированное возбуждение в ответ на многократное предъявление одинакового по силе раздражителя, не переключаясь при этом в состояние запредельного торможения. РГМ позволяет судить о силе нервных процессов [19].

Количественным выражением работоспособности головного мозга является суммарное количество переработанных сигналов за отведенное время, оно отображает возможность нервных клеток центральной нервной системы (ЦНС) переносить продолжительное концентрированное возбуждение. Работоспособность головного мозга тем выше, чем больше переработано сигналов и, следовательно, больше сила нервных процессов, а значит лучше умение нервных клеток ЦНС переносить длительное концентрированное возбуждение.

Из числа психодинамических показателей у студентов оценивались: объем кратковременной памяти, объем и концентрация внимания, характеристики мышления.

Изучение памяти предполагало оценку кратковременной памяти на числа и на слова. Кратковременная память исследовалась методом предъявления цифрового и словесного материала. Предлагалось запомнить ряд цифр (слов) за определенный период времени, а затем воспроизвести их в любой последовательности, после чего производился подсчет правильно воспроизведенных цифр (слов).

Внимание рассматривается нами как сосредоточенная деятельность субъекта в данный момент времени на каком-либо объекте. Для определения объема внимания использовалась методика «Разведчик», по которой

испытуемому необходимо было запомнить расположение крестиков на экране компьютера и после предъявления чистой сетки указать местонахождение крестиков (количество крестиков увеличивалось от 3 до 10). Показатели концентрации и переключения внимания определялись с помощью корректурных проб.

При определении особенностей мышления мы опирались на мнение А. К. Рахимбаевой, согласно которому «мышление – опосредованное и обобщенное отражение существенных, закономерных взаимосвязей действительности» [20, с. 44]. У иностранных студентов проводилась оценка комбинаторного мышления.

Полученный материал был обработан с помощью пакета прикладных программ Statistica 10.0. Проводился расчет средней (M) и ошибки средней (m). Достоверность различий (p) определялась по критерию Стьюдента.

Результаты

При сравнении иностранных и русских студентов были обнаружены достоверные отличия по всем нейродинамическим показателям, кроме реакции на движущийся объект. Показатель зрительно-моторного реагирования у русских студентов был достоверно ниже, что свидетельствует о высоких функциональных возможностях ЦНС, по сравнению с иностранными студентами (табл. 1).

Быстроту возникновения, протекания и прекращения процессов возбуждения и торможения характеризует УФП НП: чем выше подвижность нервных процессов, тем меньше времени необходимо для переработки информации. Результаты проведенного исследования показали, что русские студенты отличаются высокой скоростью протекания процессов смены торможения возбуждением и наоборот (табл. 1).

Согласно данным Э. М. Казина и др., основным критерием силы нервных процессов является работоспособность головного мозга, выражающаяся в способности

Табл. 1. Психофизиологические показатели иностранных и русских студентов

Tab. 1. Psychophysiological indicators: foreign students vs. Russian students

Показатели	Иностранные студенты	Русские студенты	p
ПЗМР, мс	385,4±15,5	316,6±12,2	0,0005
СЗМР, мс	533,2±11,2	463,1±9,8	0,002
УФП НП, с	70,6±0,9	62,5±1,03	0,02
РГМ, количество сигналов	524,2±6,8	588,5±8,4	0,01
РДО общее среднее	30,5±1,7	31,5±5	0,16
РДО сумма опережений	214,3±35,7	189,1±49,9	0,23
РДО сумма запаздываний	633,3±47,6	694,8±154,6	0,14
Зрительная память на числа, баллы	5,2±0,2	6,6±0,4	0,04
Зрительная память на слова, баллы	4,86±0,2	6,3±0,6	0,01
Объем внимания, баллы	5,9±0,27	7,6±0,5	0,08

организма выдерживать длительное возбуждение или действие очень сильного раздражителя, не переходя при этом в состояние охранительного торможения [21]. Результаты настоящего исследования показывают, что русские студенты обладают большей силой нервной системы, по сравнению с иностранными студентами, свидетельствующей о высокой степени активации ЦНС при выполнении заданий.

Реакция на движущийся объект используется для оценки соотношения процессов возбуждения и торможения, другими словами, уравновешенности нервных процессов. У студентов исследуемых групп этот показатель достоверно не отличался, при этом преобладали процессы торможения над возбуждением как у русских, так и у иностранных обучающихся, что является возрастной особенностью.

Достоверные отличия также были отмечены и при сравнении психодинамических характеристик студентов двух групп. Так, объем зрительной памяти на числа и на слова больше у русских студентов. Возможно, это связано с уровнем знания русского языка (табл. 1).

Для изучения особенностей проявления нейродинамических и психодинамических функций в зависимости от индивидуально-типологических особенностей иностранные студенты были разделены на три группы с учетом силы нервной системы, выражающейся в показателе работоспособности головного мозга: 1 группа – обучающиеся с низким уровнем РГМ; 2 группа – со средним; 3 группа – с высоким уровнем.

Так как показатель работоспособности головного мозга в первую очередь является генетически детерминированным, его можно использовать в качестве

критерия оценки типологических свойств нервной системы. Он предопределяет объем памяти, темп восприятия и переработки информации, устойчивость к концентрации и переключению внимания в значительной мере.

При сравнении групп студентов с разным уровнем работоспособности головного мозга были обнаружены достоверные различия нейродинамических и психодинамических характеристик. Так, студенты со слабой нервной системой отличались от своих сверстников низким уровнем простой и сложной зрительно-моторной реакциями, функциональной подвижности нервных процессов, большим количеством ошибок при выполнении тестирования. Для представителей со слабой нервной системой характерно преобладание процессов возбуждения над торможением. При этом обращает на себя внимание тот факт, что показатели механической и смысловой памяти достоверно не отличаются в трех группах. Студенты со средним и высоким уровнем работоспособности головного мозга отличаются от представителей со слабой нервной системой более высокими значениями показателей комбинаторных способностей мышления и хорошей концентрацией внимания (табл. 2).

Сравнение иностранных студентов с учетом уровня функциональной подвижности выявило аналогичную особенность (как и при сравнении по силе нервной системы), выражающуюся в повышении показателей концентрации внимания и комбинаторных способностей у представителей с высокой скоростью переключения процессов возбуждения на торможение и наоборот.

Табл. 2. Психофизиологические показатели иностранных студентов с учетом силы нервной системы

Tab. 2. Psychophysiological indicators and nervous system expression degree in foreign students

Показатели	1 группа (низкий уровень РГМ)	2 группа (средний уровень РГМ)	3 группа (высокий уровень РГМ)	p < 0,05
ПЗМР, мс	393,8±23,5	385,9±21,2	375,3±40,7	–
СЗМР, мс	530,75±12,6	551,22±21,1	503,3±13,8	–
УФП НП, с	76,44±1,9	70,4±1,3	64,9±0,8	1–2, 1–3, 2–3
РДО общее среднее	37,94±4,5	28,44±1,9	26,2±2,3	1–2, 1–3
РДО сумма опережений	184,38±22,1	258,2±68,7	167,3±56,9	–
РДО сумма запаздываний	901,9±134,2	534,4±39,4	524,7±48,1	1–2, 1–3
Зрительная память на числа, баллы	5,4±0,43	4,9±0,23	5,4±0,45	–
Зрительная память на слова, баллы	4,69±0,36	4,78±0,3	5,2±0,45	–
Объем внимания, баллы	5,75±0,48	6,33±0,39	5,3±0,54	–
Концентрация внимания, баллы	228,4±16,7	211,5±12,4	185,9±10,2	1–3
Комбинаторные способности, баллы	7,4±0,96	9,2±0,62	9,3±0,83	–

Прим.: достоверность различий между студентами с низким и средним уровнем РГМ (1–2), с низким и высоким уровнем РГМ (1–3), со средним и высоким уровнем РГМ (2–3).

Заключение

На основании проведенного исследования мы считаем возможным определить следующие особенности проявления когнитивных функций иностранных студентов, к числу которых отнесем низкую скорость протекания процессов смены торможения возбуждением, а также низкий объем зрительной памяти на числа и на слова. Выявлено, что иностранные студенты обладают слабой силой нервной системы, что свидетельствует о низкой степени активации центральной нервной системы при выполнении заданий.

Определено, что иностранные студенты со слабой нервной системой отличаются низким уровнем простой и сложной зрительно-моторной реакции, функциональной подвижности нервных процессов, большим количеством ошибок при выполнении тестирования.

Иностранные студенты с высоким уровнем силы нервной системы отличаются более высокими значениями показателей комбинаторных способностей мышления и хорошей концентрацией внимания.

Функциональная подвижность нервной системы непосредственно связана с когнитивной ригидностью, т. е. вероятностью быстро или, наоборот, очень медленно реагировать на изменение определенных условий и ситуаций. У людей с высоким уровнем

функциональной подвижности нервных процессов можно наблюдать высокую скорость мыслительных процессов переработки полученной информации, что указывает на отличную продуктивность. Инертность нервных процессов может оказать плохое влияние на обучение иностранных студентов и стать одной из ведущих причин плохой успеваемости обучающихся. Студентам с инертной нервной системой необходим индивидуальный подход к обучению, тогда их успеваемость будет лучше.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. 2-е изд., испр. и доп М.: Юрайт, 2020. Т. 1. 405 с. [Velichkovsky B. M. *Cognitive science. Fundamentals of epistemic psychology*. 2th ed. Moscow: Iurait, 2020, vol. 1, 405. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbmekf>
2. Выготский Л. С. Лекции по психологии. Мышление и речь. М.: Юрайт, 2020. 432 с. [Vygotsky L. S. *Lectures on psychology. Thinking and speech*. Moscow: Iurait, 2020, 432. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oojgvx>
3. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 670 с. [Vekker L. M. *Mind and reality: unified theory of mental processes*. Moscow: Smysl, 1998, 670. (In Russ.)]
4. Леонтьев А. Н. Развитие памяти: Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.-Л.: Учпедгиз, 1931. 278 с. [Leontiev A. N. *Development of memory: An experimental study of higher psychological functions*. Moscow-Leningrad: Uchpedgiz, 1931, 278. (In Russ.)]
5. Рубинштейн А. Н. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2013. 397 с. [Rubinstein A. N. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2013, 397. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rcccmj>
6. Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с. [Anderson J. R. *Cognitive psychology*. 5th ed. St. Petersburg: Piter, 2002, 496. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sonudb>
7. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2006. 589 с. [Solso R. *Cognitive psychology*. 6th ed. St. Petersburg: Piter, 2006, 589. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxntbh>
8. Дружинин В. Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: Per se; СПб.: ИМАТОН-М, 2001. 224 с. [Druzhinin V. N. *Cognitive abilities: structure, diagnosis, and development*. Moscow: Per se; St. Petersburg: IMATON-M, 2001, 224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxnawj>
9. Корниенко А. Ф. Сущность процессов мышления и мыслительной деятельности. *Научный диалог*. 2013. № 4. С. 49–62. [Kornienko A. F. Essence of thinking processes and thinking activity. *Nauchnyi dialog*, 2013, (4): 49–62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qazxuf>
10. Яковлев Б. П., Прибега А. В. Роль когнитивной психологии в системе научных знаний о человеке. *Гуманизация образования*. 2017. № 5. С. 15–21. [Yakovlev B. P., Pribega A. V. The role of cognitive psychology in the system of scientific knowledge about a human being. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2017, (5): 15–21. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zwpwxw>
11. Немировская Н. Г. Подход В. Н. Дружинина к проблеме интеллекта: концепция «когнитивного ресурса» и модель «интеллектуального диапазона». *Ярославский педагогический вестник*. 2014. Т. 2. № 3. С. 206–211.

- [Nemirovskaya N. G. V. N. Druzhinin's approach to the intelligence problem: conception of "cognitive resource" and a model of "intellectual range". *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2014, 2(3): 206–211. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/strhjj>
12. Решетова Т. В., Жигалова Т. Н., Гагиева А. А. Снижение тревожности без ухудшения когнитивных функций. *Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология*. 2013. № 11. С. 21–25. [Reshetova T. V., Zhigalova T. N., Gazieva A. A. Reducing anxiety without deterioration of cognitive functions. *Ekspериментal'naya i Klinicheskaya Gastroenterologiya*, 2013, (11): 21–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sbeoql>
  13. Падун М. А. Когнитивный стиль и депрессия. *Экспериментальная психология*. 2009. Т. 2. № 4. С. 81–90. [Padun M. A. Cognitive style and depression. *Experimental Psychology (Russia)*, 2009, 2(4): 81–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lafenb>
  14. Макарова Н. Г. Выявление степени концентрации внимания у студентов разных специальностей: теория и практика. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. 2013. № 3. С. 88–92. [Makarova N. G. Identification of the attention concentration degree of students of different specialties: theory and practice. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniia: problemy i rezultaty*, 2013, (3): 88–92. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rdmqvf>
  15. Нурова М. А., Мамедова Л. В. Классификация видов памяти, их характеристика. *Вестник науки и образования*. 2020. № 21-1. С. 55–58. [Nurova M. A., Mamedova L. V. Classification of memory types and their characteristics. *Herald of Science and Education*, 2020, (21-1): 55–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzttiq>
  16. Павленко Э. К. Память, логика, внимание. М.: Мир книги, 2011. 64 с. [Pavlenko E. K. *Memory, logic, attention*. Moscow: Mir knigi, 2011, 64. (In Russ.)]
  17. Зимин О. А. К вопросу о развитии памяти. *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. 2015. № 18. С. 39–45. [Zimin O. A. Memory development. *Prioritetnye nauchnye napravleniia: ot teorii k praktike*, 2015, (18): 39–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhaken>
  18. Варич Л. А. Особенности психофизиологической адаптации студентов к условиям обучения с разным уровнем двигательной активности: дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2004. 145 с. [Varich L. A. *Peculiarities of psychophysiological adaptation of students to training conditions with different levels of motor activity*. Cand. Biol. Sci. Diss. Kemerovo, 2004, 145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnfalr>
  19. Ильин Е. П. Методические указания к практикуму по психофизиологии. Л.: ЛГПИ, 1981. 87 с. [Ilyin E. P. *Guidelines for learning on psychophysiology*. Leningrad: LSPI, 1981, 87. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vigxqz>
  20. Рахимбаева А. К. Психологическая сущность мышления и его специфика. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 2-1. С. 44–47. [Rakhimbaeva A. K. Psychological essence of thinking and its specificity. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2019, (2-1): 44–47. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2019-10529>
  21. Казин Э. М., Федоров А. И., Свиридова И. А., Шинкаренко А. С., Аверьянова Н. В., Любченко С. А., Максимова Т. Ю. Возрастные и типологические особенности адаптации школьников в условиях действия учебных и социально-оздоровительных факторов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 2-1. С. 119–124. [Kazin E. M., Fedorov A. I., Sviridova I. A., Shinkarenko A. S., Averianova N. V., Lyubchenko S. A., Maksimova T. Yu. Age and typological features of school students' characteristics the adaptation of children under the action of educational and social and health factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-1): 119–124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tnpzkh>

оригинальная статья

Семиотические системы передачи культурно-маркированной информации китайской культуры

Заборская Дарья Евгеньевна
МБОУ Гимназия 1, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0009-0004-3802-4021>
zaborskaya9911@gmail.com

Оленев Станислав Владимирович
Северо-Восточный нефтяной университет, Китай, Дацин
<https://orcid.org/0000-0002-7116-1309>

Чжао Янь
Северо-Восточный нефтяной университет, Китай, Дацин
<https://orcid.org/0000-0002-3494-5382>

Поступила в редакцию 09.03.2023. Принята после рецензирования 31.03.2023. Принята в печать 05.04.2023.

Аннотация: Актуальность изучения и систематизации данных о семиотических (знаковых) системах передачи культурно-маркированной информации обусловлена, с одной стороны, поиском эффективных способов передачи информации в знаковых системах, позволяющих передавать информацию сжато, быстро и с минимальными прагматическими и смысловыми потерями, с другой – заинтересованностью стран в сохранении, создании и трансляции информации, эксплицирующей специфику своей культуры. Цель – систематизировать имеющиеся данные о семиотических (знаковых) системах кодирования культурно-маркированной информации китайской культуры и предложить свою классификацию семиотических систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая за его территорией. Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов когнитивной лингвистики, культурологии и общенаучных методов: синтеза, анализа, сравнения. Систематизирован понятийно-категориальный аппарат исследования знаковых систем кодирования и передачи информации. Установлено, что знаковые системы подразделяются на неоднородные иерархические уровни, в рамках которых представлены административно-территориальные, ландшафтно-территориальные, ритуально-обрядовые знаковые системы, артефактно-обрядовые системы. Представлена классификация пяти уровней знаковых систем: 1) китайское городское пространство; 2) ритуально-обрядовые практики; 3) танцы; 4) ландшафтно-территориальное своеобразие Китая; 5) талисманы благопожеланий. Полученные данные позволяют оптимизировать работу с культурно-маркированной информацией, заключенной в знаковой системе, и минимизировать барьер распознавания знаков и искажения полученной информации, облегчая процесс аппроксимации в случае культурных взаимоинтеграций с сохранением их специфики. Считаем перспективным соотнесение знаковых систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая в его территориальных границах и за его территорией.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, знаковая система, кодирование информации, минимизация информационных потерь, мягкая сила, китайская культура

Цитирование: Заборская Д. Е., Оленев С. В., Чжао Я. Семиотические системы передачи культурно-маркированной информации китайской культуры. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 141–148. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-141-148>

full article

Semiotic Codes of Chinese Culture

Daria E. Zaborskaya
Grammar School 1, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0009-0004-3802-4021>
zaborskaya9911@gmail.com

Stanislav V. Olenev
Northeast Petroleum University, China, Daqing
<https://orcid.org/0000-0002-7116-1309>

Yan Zhao
Northeast Petroleum University, China, Daqing
<https://orcid.org/0000-0002-3494-5382>

Received 9 Mar 2023. Accepted after peer review 31 Mar 2023. Accepted for publication 5 Apr 2023.

Abstract: Semiotic systems transmit cultural information. Efficient semiotic transmission is concise, fast, and with minimal pragmatic or semantic losses. Nations strive to preserve and communicate information that expresses the specificity of their culture. This research systematized the available data on semiotic systems that encode Chinese culture outside

China. The research relied on conceptual and terminological methods of cognitive linguistics, culturology, and general scientific methods, i.e., synthesis, analysis, and comparison. The authors divided semiotic systems into heterogeneous hierarchical levels, represented by territorial, landscape, ritual, and artifact semiotic systems: 1) urban space; 2) ritual and ceremonial practices; 3) dances; 4) landscape singularity; 5) goodwill talismans. The classification made it possible to optimize work with cultural semiotics, as well as to minimize the barrier of semiotic recognition and prevent data distortion, thus facilitating approximation during mutual cultural integration while maintaining cultural specificity. The research prospects include a comparative analysis of the semiotic systems of Chinese culture inside and outside China. **Keywords:** cognitive linguistics, sign system, information coding, information loss minimization, soft power, Chinese culture

Citation: Zaborskaya D. E., Olenev S. V., Zhao Y. Semiotic Codes of Chinese Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 141–148. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-141-148>

Введение

Вследствие глобализации создаваемой информации по всему миру практически во всех сферах жизни и деятельности современного человека вопросы описания и анализа наиболее эффективных семиотических систем, позволяющих минимизировать потерю или искажение передаваемой информации, становятся актуальными и требуют комплексного изучения. Смещение фокуса внимания на другие семиотические системы, помимо семиотической системы естественного языка, обусловлено как лингвистическими аспектами современных коммуникативных процессов – отсутствием единого языка общения, так и акселерацией динамики и ритма современной жизни во многих частях света. Все это вынуждает к поиску и анализу наиболее эффективных способов передачи информации в знаковых системах, позволяющих передавать информацию сжато, быстро и с минимальными прагматическими и смысловыми потерями.

Также страны по разным причинам могут быть заинтересованы в создании, сохранении и трансляции при помощи разнообразных семиотических систем информации, эксплицирующей культурную специфику своей лингвокультуры, например для реализации стратегии мягкой силы (*soft power*). Под мягкой силой понимается «способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не принуждением или финансово»¹ [1]. Все вышеупомянутое актуализирует изучение и систематизацию данных о семиотических (знаковых) системах передачи культурно-маркированной информации.

Кроме того, отметим, что обращение к кодированию информации в иных знаковых системах может служить для воссоздания вне территории компактного проживания этноса его культурного пространства. Это особенно актуально в случаях эмиграции представителей какого-либо этноса в другие страны.

В рамках данного исследования ставится цель – систематизировать имеющиеся данные о семиотических (знаковых) системах кодирования культурно-маркированной информации китайской культуры и предложить свою классификацию семиотических систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая за его территорией.

Понятийно-категориальный аппарат исследования

Во-первых, базовыми для данного исследования являются понятия *знак* и *знаковая система* [2]. Считаем необходимым рассмотреть их толкование и соотношение, уделив внимание трактовке функционального потенциала семиотических систем.

«Знак условен, но в рамках знаковой системы можно обнаружить регулярность употребления знаков. Знаковая система в целом содержит некоторый принцип (или, в естественных языках, класс принципов) образования значений. Знаковая система – некоторый набор знаков, в которой есть какие-то внутренние отношения между знаками, каким-то образом отображающие отношения между означаемыми» [3, с. 14]. Знак – уникальная символическая форма, которая указывает на «полисемичность и сакральность определенного культурного явления. Это смыслопорождающая культурологическая константа, через которую происходит отражение, закрепление и передача ценности или идеала в чувственно воспринимаемом образе» [4, р. 604]. «Знаковые системы устанавливают прямую иконическую коммуникацию между человеком и его окружением, переводя иконические предложения в предложения естественного языка» [5, р. 112]. Как указывает А. Б. Соломоник, «хотя основной функцией знаков и знаковых систем является обмен информацией, знаки, пронизывающие наше окружение и являющиеся главным источником получения нового знания, приняли на себя в ходе развития цивилизации еще и другие функции» [6, с. 24].

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

Возникают вопросы о том, какие бывают знаковые системы, какие из них способны кодировать и передавать информацию, относящуюся к культурному, административно-политическому, экономическому и другим аспектам. Е. В. Гордеева отмечает: «алфавит, язык, цифровой ряд, терминология, сигналы разных родов (от первобытных звуков, предупреждавших об опасности, до современных компьютерных символов), гербы, флаги, клейма, религиозная символика – все это знаковые системы, введенные в речь для облегчения коммуникаций, так как знак обычно обозначает и заменяет собой целые понятия или группы понятий» [7, с. 230]. Р. М. Фрумкина и Т. Е. Браудо к знаковым системам относят дорожные знаки. Как отмечают исследователи, «некоторые знаки в этой системе иконичны, т. е. означающие пусть весьма приблизительно, но похоже на означаемое: например, две сужающиеся линии предупреждают о сужении дороги. Другие изображения (означающие) содержательно никак не связаны со своим обозначаемым, т. е. произвольны по отношению к содержанию, таков, например, "кирпич" – красный прямоугольник, указывающий на запрет движения» [8, с. 31]. К знаковым системам относят также цвета, в частности, М. Н. Шинкевич приводит данные анализа трехцветной системы, доминирующей в западноевропейской, славянской и буддистской культурах [9].

Таким образом, знаковые системы могут относиться к различным аспектам жизнедеятельности человека: социальному, политическому, религиозному, культурному, обиходно-бытовому и т. д.

По нашему мнению, обоснованно выделять культурно-маркированные знаковые системы. К таковым следует относить любые знаковые системы, способные имплицитно или эксплицитно транслировать ключевые понятия культуры, систему ценностей определенного этноса, культурно-обусловленные нормы и принятые модели поведения. Как следует из приведенной информации, таких знаковых систем много, но не все они равнозначны.

А. Б. Соломоник считает, что большинство знаковых систем следует рассматривать в следующем иерархическом порядке:

- 1 уровень (самый простой) – естественные знаковые системы (основная структурная единица – естественные знаки);
- 2 уровень – образные системы (структурная единица – образы);
- 3 уровень – языковые системы (слова);
- 4 уровень – системы записи (иероглифы);
- 5 уровень (самый сложный) – математические коды (символы) [10].

Во-вторых, базовыми для данного исследования являются понятия *культура* и *единица культуры*. Из всего многообразия трактовки понятия культуры считаем соответствующим следующее: культура –

«основная характеристика человеческого общества, его развития, существования, система ценностей, норм, идей, моделей поведения в символической форме, транслируемых и передаваемых из поколения в поколение. Система ценностей является повседневным ориентиром жизни человека, практическим отношением к предметам и явлениям. Эта система может быть продуктом труда, предметом товарного обмена или предметом искусства. При более детальном рассмотрении можно сказать, что ценности – это некий набор идеалов, образцов поведения, норм, произведений культуры и искусства, результатов исследований, технологий и пр.» [11, с. 243]. Соответственно, под единицей культуры будем понимать символически представленную любыми знаковыми системами информацию, кодирующую и передающую культурные смыслы, образы, ценности и модели поведения.

Методика исследования

Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов когнитивной лингвистики и культурологии, а также общенаучных методов: синтеза, анализа, сравнения.

Исследование осуществлено в виде последовательного решения четырех аналитических и синтетических задач, нацеленных на упорядочивание и взаимное соотношение изучаемых семиотических систем:

- 1) анализ и обобщение работ по семиотике;
- 2) обобщение данных об элементах знаковых систем, позволяющих кодировать и воссоздавать культурное пространство;
- 3) систематизация данных о китайской архитектуре за рубежом, ландшафтном искусстве, фестивальных, обрядово-ритуальных традициях эмигрантов из Китая;
- 4) разработка собственной классификации семиотических систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая.

Результаты

Научный интерес к изучению семиотики Китая в последние несколько лет усилился, что обусловлено изменениями положения данной страны на политической арене мира. Усиление экономического и политического влияния неизбежно активировало интерес к культуре данной страны. «Символы понимались и понимаются в Китае не просто как способ познания мира, но и как сама действительность, как видимый образ незримых сущностей» [12, с. 138].

В работах отечественных и зарубежных исследователей рассматриваются отдельные семиотические знаки китайской культуры: **зоонимичные**: дракон, феникс, черепаха; **ритуально-обрядовые**: танец с мечами, танец дракона, танец тигра, танец роз, танец павлина; **архитектурные**: пайфан, доу-гун; **артефактно-обрядовые**: подвесные и небесные фонарики, веера,

ритуальные маски и др. [13–17]. Уделяется внимание и лингвосомиотике [18–26]. Как следует из данных, приведенных в указанных работах, семиотические знаки китайской культуры рассматриваются системно-центрично, кроме того, основной акцент делается на культурно-философском и культурно-религиозном смысле, который имплицитно или эксплицитно транслируется ими. Подобные исследования опираются на концепцию культурной памяти (*Cultural Memory*) [27]. Обобщенно можно определить, что культурная память – форма коллективной памяти, разделяемая этносом, часто хранящаяся в огромном количестве культурных символов, обеспечивающая понимание прошлого, ценностей и этических норм, обуславливающая этическую идентичность. Как установлено, в культурной памяти Китая идет постоянный процесс возвращения к древности (традиционная символика, закреплённая в древних канонах), переосмысление базовых ценностей в настоящем и их актуализация для современного человека [4].

Приведем несколько примеров работ, выполненных с применением системноцентрического подхода. Так, Н. П. Мартыненко подробно исследовал символизм дракона в китайской культуре, проследил истоки и культурные события, повлиявшие на его формирование и изменения [28]. В исследовании Н. А. Сомкиной приведены данные комплексного анализа всей зооморфной символики Китая и ее роли в обрядовой стороне повседневных верований [29].

В работе Ц. Нью рассмотрен символизм китайских народных песен провинции Хэнань во время праздничной церемонии зажжения фонарей [30]. Д. Чжан излагает результаты анализа роли символа Инь Ян в китайской культуре, описывает нумерологический и цветовой символизм в классической китайской архитектуре [17]. Е. А. Полякова разделяет цветовую символику на две группы: активные стимулирующие и пассивные цвета. В первую группу могут входить красный, оранжевый, желтый и белый, во вторую – синий, индиго, фиолетовый и черный. Немаловажно, что зеленый цвет является переходным, поэтому входит в обе группы. Символика цвета рассматривается в рамках китайской пятичленной модели (система пяти элементов У. Синь). Цвета являются частью данной системы (пять цветов, пять элементов, пять направлений), соответственно, имеют свое значение [31].

Несмотря на значимость и актуальность, системно-центрический подход к изучению знаковых систем оставляет без учета функциональный потенциал семиотических культурно-маркированных знаков по оказанию воздействия на то, как они функционируют и воспринимаются в инородной культуре вне своего культурного пространства, как помогают его воссоздавать за границами государства, знакомить с культурными универсалиями людей других культур,

реализовывать концепцию мягкой силы страны. Это обуславливает актуальность и новизну предпринятого исследования.

Систематизация данных о китайской архитектуре за рубежом, ландшафтном искусстве, фестивальных, обрядово-ритуальных традициях эмигрантов из Китая и т. д. [13; 14; 16–22; 24–26; 32–47] позволила разработать собственную классификацию семиотических систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая. Знаковые системы, кодирующие культурно-маркированную информацию Китая, иерархичны, взаимосвязаны и неравноценны по объему включаемых знаков в системе.

I. Первый (верхний) уровень – знаковая система, воссоздающая **китайское городское пространство**. Это самая сложная, но самая узнаваемая семиотическая система, эксплицирующая китайскую культуру. Как указывают О. В. Махортова и Л. В. Мордовина, для китайцев всегда была «важна символическая функция города – быть прообразом "небесного порядка"» [12, с. 138]. К одной из узнаваемых по всему миру знаковых систем китайской культуры можно отнести Чайна-тауны с устоявшимся набором знаков, воссоздающих как архитектурное своеобразие Китая, так и социально-культурное наследие этноса. А именно, в данную знаковую систему включены: «декоративные арки, или пайфанг, красные фонари, пагоды, зеленые черепичные крыши, китайские сады, а также ежегодные фестивали китайского Нового года с их неизбежными представлениями танца дракона и льва или традиционной китайской оперы» [48, р. 1378], ритуальной музыкой, блюдами, костюмами и талисманами, благопожеланиями. Знаки данной семиотической системы эксплицируют как культурные смыслы, образы, ценности, так и ритуально-обрядовые практики.

II. Второй уровень – знаковые системы **ритуально-обрядовых практик** – семиотические системы китайских фестивалей, проводимых во многих странах, где проживают китайские диаспоры. В данные системы входят артефактно-обрядовые знаки (например, небесные фонарики), знаки ритуальной кухни Китая, ритуальной музыки, костюмов, семиотические системы традиционных обрядовых танцев (танец дракона или льва).

III. Третий уровень – знаковые системы **танцев**. Танец – выразительный знак, а также средство межкультурного и внутрикультурного общения. С помощью танца выражается образная мысль человека, его взаимосвязь с окружающей средой и т. д. Китайский танец стоит рассматривать как совокупность знаков (знаки-изображения – система классических движений, знаки-признаки – случайные жесты, условные знаки – эмоционально подкрепленный жест) [49]. За пределами Китая, например, в США, Нидерландах, Великобритании, Сингапуре, Новой Зеландии, подерживается популярная культурная танцевальная

практика. К самым известным танцам можно отнести китайский танец льва, символизирующий власть, величие и удачу [35]. Элементами данной знаковой системы следует считать зоонимический код (фигуру льва), музыкальный код (бой барабанов), цветовой код (значимый в северном Китае), Кунг-Фу и акробатику.

IV. Четвертый уровень – знаковая система, воссоздающая ландшафтно-территориальное своеобразие Китая. «С точки зрения когнитивистики элементы ландшафта могут выступать в роли метафорических моделей и в роли цели метафорической проекции, определяют основу дискурсивных практик в пространстве для каждого из носителей культуры, определяют и пространственные концепты языка» [50, с. 43]. К элементам знаковой системы, воссоздающей ландшафтно-территориальное своеобразие Китая, относим композиционные элементы традиционного китайского сада: «здания и сооружения, камни, водные источники, растения, малые архитектурные формы» [51, с. 9], резные проемы в стенах сада в виде «окон» [52; 53]. Данная знаковая система транслирует ландшафтное искусство Китая, его философию и восприятие мира.

V. На низшем уровне располагаются семиотические системы талисманов благопожеланий. Например, амулеты китайский узел (чжунгоцзе), защищающие от бед, приносящие удачу, позволяющие выразить добрые пожелания процветания, счастья, любви.

Заключение

Как следует из приведенной классификации, все описанные знаковые системы взаимосвязаны и входят друг в друга. Подобное положение не случайно. Как представляется, это позволяет создавать устойчивые

ассоциативные связи между всеми указанными знаковыми системами, кодирующими культурно-маркированную информацию Китая за его территорией. Это приводит к тому, что культурные коннотации, закрепленные за одним из знаков какой-то из этих знаковых систем, эксплицируются на знаки остальных, взаимосвязанных знаковых систем, закрепляя единый ассоциативный ряд за ними. Подобное функционирование знаковых систем, с одной стороны, унифицирует их культурные коннотации, с другой – усиливает их прагматический потенциал, ведь культурная коннотация – «способ интерпретации в знаковом национально-культурном пространстве образного основания, являющегося средством воплощения культурной информации» [54, с. 214–215].

Считаем перспективным соотношение знаковых систем, кодирующих культурно-маркированную информацию Китая в его территориальных границах и за его территорией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Nye J. Soft power: the origins and political progress of a concept. *Palgrave Communications*, 2017, 3. <https://doi.org/10.1057/palcomms.2017.8>
2. Вильчикова Е. В., Рябова М. Ю. Эволюция теории знака в зарубежной и Российской лингвистике. *Вестник Читинского государственного университета*. 2010. № 5. С. 33–38. [Vilchikova E. V., Ryabova M. Yu. Evolution of sign theory in Russian and foreign linguistics. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (5): 33–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mtzvgl>
3. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). 2-е изд. М.: УРСС, 2010. 62 с. [Schreider Yu. A. *Logic of sign systems: elements of semiotics*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2010, 62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwxvxf>
4. Garrido V. V. Main symbols in cultural memory of China. *Social and cultural transformations in the context of modern globalism: 4th International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021)*, Grozny, 19–21 Mar 2021. Grozny: European Publisher, 2021, vol. 117, 604–610. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.79>
5. Kuicheu N. C., Fotso L. P., Siewe F. Iconic communication system by XML language: (SCILX). *W4A '07: Proceedings of the 2007 international cross-disciplinary conference on Web accessibility (W4A)*. NY: Association for Computing Machinery, 2007, 112–115. <https://doi.org/10.1145/1243441.1243467>
6. Соломоник А. Б. Функции знаков, знаковых систем и семиотической реальности. *Медиа. Информация. Коммуникация*. 2013. № 6. С. 24–26. [Solomonik A. B. Functions of signs, sign systems, and semiotic reality. *Media. Information. Communication*, 2013, (6): 24–26. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tgruz>

7. Гордеева Е. В. Знаковые системы в рекламе. *Молодой ученый*. 2009. № 7. С. 230–233. [Gordeeva E. V. Sign systems in advertising. *Molodoi uchenyi*, 2009, (7): 230–233. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/muaksj>
8. Фрумкина Р. М., Браудо Т. Е. О знаковых системах, замещающих естественный язык. *Культурно-историческая психология*. 2006. № 3. С. 28–37. [Frumkina R. M., Braudo T. Ye. Sign systems as substitutes for natural language. *Cultural-Historical Psychology*, 2006, (3): 28–37. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/khxzpj>
9. Шинкевич М. Н. Цвет в системе культурного кода. *ART-VISUALIS. Формообразование в эпоху полистилизма: VI Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 25 октября 2019 г.) Омск: ОмГТУ, 2019. С. 168–173. [Shinkevich M. N. Color in the cultural code system. *ART VISUALIS. Form formation in the era of polystylism: Proc. VI All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, 25 Oct 2019. Omsk: OmSTU, 2019, 168–173. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rykunw>**
10. Соломоник А. Б. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности). М.: УРСС, 2011. 190 с. [Solomonik A. B. *Positive semiotics: signs, sign systems, and semiotic activity*. Moscow: URSS, 2011, 190. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rbyftx>
11. Скороход Л. А. Подходы к определению понятия «культура». *Молодой ученый*. 2017. № 47. С. 243–245. [Skorokhod L. A. Approaches to the definition of the concept of culture. *Molodoi uchenyi*, 2017, (47): 243–245. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zulnsh>
12. Махортова О. В., Мордовина Л. В. Особенности символики и знаковости Китая. *Аналитика культурологии*. 2011. № 1. С. 137–139. [Makhortova O. V., Mordovina L. V. Features of the symbolism and signs of China. *Analitika kulturologii*, 2011, (1): 137–139. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qzcopr>
13. Гарридо В. В. Образ дракона Лун-ван (龙王) в религиозных верованиях Древнего Китая. *Религиоведение*. 2020. № 1. С. 67–72. [Garrido V. V. The Dragon King (Long Wang 龙王) in the religious beliefs of Ancient China. *Religiovedenie*, 2020, (1): 67–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2020.1.67-72>
14. Wang Y., Duan Y. A study on the classification and value of Ming dynasty Paifang in China: a case study of Paifang in Jinxi County. *Journal of Asian Architecture and Building Engineering*, 2016, 15(2): 147–154. <https://doi.org/10.3130/jaabe.15.147>
15. Wheatley P. The ancient Chinese city as a cosmological symbol. *Ekistics*, 1975, 39(232): 147–158.
16. Wilcox H. Movement in spaces of liminality: Chinese dance and immigrant identities. *Ethnic and Racial Studies*, 2011, 34(2): 314–332. <https://doi.org/10.1080/01419870.2010.528439>
17. Zhang D. Cultural symbols in Chinese architecture. *Architecture and Design Review*, 2019, 1(1). <https://doi.org/10.18282/adr.v1i1.556>
18. Ли М. Роль семиотики в формировании образа России в культуре Китая. *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 2. С. 108–113. [Li M. The role of semiotics in creating the image of Russia in the Chinese culture. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2018, (2): 108–113. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2018.2.22>
19. Маркина К. Н. Семиотические и культурологические основания типологии культур (на примере традиций России и Китая). *Вопросы культурологии*. 2007. № 8. С. 27–30. [Markina K. N. Semiotic and cultural foundations of the typology of cultures: traditions in Russia and China. *Voprosy kulturologii*, 2007, (8): 27–30. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kuzgcb>
20. Чжан Ю. К описанию семиотической теории в традиции китайского языкознания. *Litera*. 2021. № 4. С. 171–180. [Chzhan Y. To the description of semiotic theory in the tradition of Chinese linguistics. *Litera*, 2021, (4): 171–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.29612>
21. Чжэн Г. Семиотика Китая и ее отражение в современной русской литературе. *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 4. № 2. С. 202–206. [Chzhen G. Semiotics of China and its reflection in modern Russian literature. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2017, 4(2): 202–206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xxnmlr>
22. Shim H. A study of the cognitive function of Chinese characters based on the semiotics of writing. *Journal of Chinese Writing Systems*, 2021, 5(1): 31–41. <https://doi.org/10.1177/2513850221990441>
23. Tang X. Y. Decorative arts of gates detail components in Chinese traditional architecture. *Advanced Materials Research*, 2013, 860–863: 1237–1243. <https://doi.org/10.4028/www.scientific.net/AMR.860-863.1237>
24. Ting L. Towards a semiotics of Chinese characters. *Signs and Media*, 2022, 1(2): 111–141. <https://doi.org/10.1163/25900323-12340017>
25. Zhu H., Rao G. 2018 annual report of Chinese semiotic studies. *Signs and Media*, 2020, 1(1): 5–25. <https://doi.org/10.1163/25900323-12340002>
26. Žychowska M., Ivashko Y., Chang P., Dmytrenko A., Kulichenko N., Zhang X. M. The influence of traditional Chinese landscape architecture on the image of small architectural forms in Europe. *Scientific Journal of Latvia University of Life Sciences and Technologies Landscape Architecture and Art*, 18(18): 59–68. <https://doi.org/10.22616/j.landarchart.2021.18.06>

27. Hendel R. Cultural memory. *Reading genesis: ten methods*, ed. Hendel R. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 28–46.
28. Мартыненко Н. П. Семиотика китайской культуры: к вопросу о происхождении и развитии образа дракона. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2019. № 4. С. 68–76. [Martynenko N. P. Semiotics of Chinese culture: to the question of origin and development of the dragon image. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, 2019, (4): 68–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rhdtpq>
29. Сомкина Н. А. Традиции зооморфной символики в обрядовой стороне повседневных верований (старый Китай и современность). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2010. № 1. С. 30–46. [Somkina N. A. Traditions of zoomorphic symbolism in the ritual side of everyday beliefs: Pre-Imperial and contemporary China. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta Vostokovedenie i Afrikanistika*, 2010, (1): 30–46. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvzjhz>
30. Ню Ц. Китайские народные песни при возжжении фонарей в провинции Хэнань. *Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Чебоксары, 25 декабря 2020 г.) Чебоксары: Среда, 2020. С. 66–70. [Niu J. Chinese folk songs when lighting lanterns in Henan province. *Culturology, art criticism, and philology: modern views*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, 25 Dec 2020. Cheboksary: Sreda, 2020, 66–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-97499>
31. Полякова Е. А. Цветовая символика Китая: лингвокультурологический аспект. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 10-5. С. 89–90. [Polyakova E. A. Colours symbolism of China: cultural linguistic's aspect. *Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2015, (10-5): 89–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.41.189>
32. Николаева А. Ю., Никонова И. А. Семиотический аспект китайского костюма. *Функциональная грамматика: теория и практика*: Всерос. с Междунар. уч. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25 февраля 2021 г.) Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2021. С. 423–427. [Nikolaeva A. Y., Nikonova I. A. Semiotic aspect of Chinese costume. *Functional grammar: theory and practice*: All-Russian with Intern. participation Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 25 Feb 2021. Cheboksary: ChSPU, 2021, 423–427. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/emoteh>
33. Beattie J. Growing Chinese influences in New Zealand: Chinese gardens, identity and meaning. *New Zealand Journal of Asian Studies*, 2007, 9(1): 38–61.
34. Brash C. Classical Chinese gardens in twenty-first century America: cultivating the past. *ASIANetwork Exchange: A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts*, 2012, 19(1): 17–29. <http://doi.org/10.16995/ane.18>
35. Chang B. Chinese lion dance in the United States. *Asian Americans: An encyclopedia of social, cultural, and political history*, eds. Park E., Zhao X. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2013, 284–285.
36. Chua J. The emergence of Chinese dance in postcolonial Singapore, 1960s–1970s. *Dance Chronicle*, 2017, 40(2): 131–164. <http://doi.org/10.1080/01472526.2017.1321897>
37. Dehart M. Costa Rica's Chinatown: the art of being global in the age of China. *City & Society*, 2015, 27(2): 183–207. <http://doi.org/10.1111/ciso.12063>
38. Fekete A., Gyori, P. Chinese pavilions in the early landscape gardens of Europe. *Landscape Architecture and Art*, 2021, 18(18): 78–87. <https://doi.org/10.22616/j.landarchart.2021.18.08>
39. Gerdes E. Dancing diaspora: Chineseness as a moving concept. *Dance Chronicle*, 2013, 36(3): 386–391. <https://doi.org/10.1080/01472526.2013.834792>
40. Gerdes E., Yining L. Toward demarginalization: navigating Chinese dance and movement in the US higher education. *Journal of Dance Education*, 2022. <https://doi.org/10.1080/15290824.2022.2090569>
41. Li X. The global meaning of the pluralistic Chinese cultural tradition. *Journal of Cultural Interaction in East Asia*, 2022, 13(1): 15–28. <https://doi.org/10.1515/jciea-2022-0005>
42. Yu-Sion L. *Flemming Christiansen, Chinatown, Europe: an exploration of overseas Chinese identity in the 1990s*. China Perspectives, 2004, 54. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.841>
43. Maags C. Enhancing China's national image through culture festivals: a case study of China culture years in Europe. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2014, 7: 33–55. <https://doi.org/10.1007/s40647-013-0003-x>
44. Sales R., Hatziprokopiou P., Christiansen F., D'Angelo A., Liang X., Lin X., Montagna N. London's Chinatown: diaspora, identity and belonging. *International Journal of Business and Globalisation*, 2011, 7(2): 195–231. <https://doi.org/10.1504/IJBG.2011.041832>
45. Shircliff J. E. Is Chinatown a place or space? A case study of Chinatown Singapore. *Geoforum*, 2020, 117: 225–233. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2020.10.006>
46. Yamashita K. A comparative study of Chinatowns around the world: focusing on the increase in new Chinese immigrants and formation of new Chinatowns. *Japanese Journal of Human Geography*, 2013, 65(6): 67–84. https://doi.org/10.4200/jjhg.65.6_527

47. Zhai L. Cultural consumption of the overseas Chinese garden in the process of cross-cultural communication. *ISPRS – International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 2015, XL-5/W7, 483–489. <https://doi.org/10.5194/isprsarchives-XL-5-W7-483-2015>
48. Ang I. Chinatowns and the rise of China. *Modern Asian Studies*, 2019, 54(4): 1367–1393. <https://doi.org/10.1017/S0026749X19000179>
49. Лободанов А. П. Семиотика искусства: история и онтология. М.: ГИИ, 2011. 670 с. [Lobodanov A. P. *Semiotics of art: history and ontology*. Moscow: SIAS, 2011, 670. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxcmlp>
50. Лавренова О. А. Семиотическая концепция культурного ландшафта. *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. 2019. № 1. С. 38–47. [Lavrenova O. A. Semiotic concept of cultural landscape. *Chelovek: Obraz i suschnost'. Gumanitarnyye aspekty*, 2019, (1): 38–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cmirqg>
51. Поляков Е. Н., Михайлова Л. В. Композиционные особенности традиционного китайского сада. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*. 2017. № 2. С. 9–31. [Polyakov E. N., Mikhailova L. V. Composite features of traditional Chinese garden. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2017, (2): 9–31. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykgphr>
52. Ding S. Culture reflections embodied in modern architecture: an analysis symbolic meanings of classical Chinese garden design elements and principles. *ASEE Annual Conference & Exposition*. San Antonio, Texas, 2012. <https://doi.org/10.18260/1-2--21131>
53. Tceluiko D. S. The research of the elements and planning structure of the Chinese garden. *Using results to create a sketch design. City: Spaces of Communication: Proc. 24th Inter-University Symposium on Asian Megacities*, Khabarovsk, 4–7 Sep 2019. Khabarovsk: PNU, 2019, 253–262. <https://www.elibrary.ru/wcyswz>
54. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с. [Teliya V. N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1996, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sumhnj>

оригинальная статья

Комплексный анализ ассоциаций, извлекаемых из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом (на материале ассоциаций с вербально-эмблематическими стимулами: герб г. Кемерово и герб Кемеровской области)

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>
russia_science@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Рабкина Надежда Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Каргина Анастасия Евгеньевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-6246-6998>

Тубалова Инна Витальевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0001-6519-0739>

Поступила в редакцию 31.01.2023. Принята после рецензирования 31.03.2023. Принята в печать 05.04.2023.

Аннотация: Изложены результаты анализа ассоциаций, вызываемых в сознании стимулом, объединившим вербальный и эмблематический компоненты. Для сбора фактологического материала исследования применен направленный цепочечный психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 200 человек. Репрезентативную выборку исследования составили 735 ассоциаций. В качестве стимулов использовались два гетеросемиотических (вербально-эмблематических) стимула: герб г. Кемерово, подписанный словом *Кемерово*, и герб Кемеровской области, подписанный словосочетанием *Кемеровская область*. Выбор эмблематического компонента обусловлен метафоричностью эмблемы, в ней соединены иконические знаки, символы и атрибуты, она позволяет обозначать как конкретные, так и абстрактные понятия. Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов психолингвистики и общенаучных методов: синтеза, анализа, сравнения. Количественный анализ полученных ассоциаций выявил, что респондентами Кемерово воспринимается как столица шахтерского края в Сибири, где развиты промышленность и сельское хозяйство, а Кузбасс – центр угольной промышленности в Сибири с красивой природой. Результаты показали, что ассоциации, извлекаемые из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом, представленным гербом территории (города или области), позволяют выявить специфику декодирования визуальных элементов стимула, к которым относятся объект, форма, цвет и идея. При этом вербальный элемент гетеросемиотического стимула задает направление корректной расшифровке закодированной информации. При проведении психолингвистического эксперимента с использованием гетеросемиотического (вербально-эмблематического) стимула у ряда респондентов может происходить блокировка генерации ассоциативных смыслов. Дальнейшее изучение когниции при проведении психолингвистических экспериментов с использованием стимулов, объединяющих знаки различных семиотических систем, позволит получить новые научные данные о специфике взаимодействия восприятия, представления и кодирования обработанной информации словами.

Ключевые слова: эмблема, языковое сознание, гетеросемиотический стимул, ассоциация, когнитивные исследования

Цитирование: Каменева В. А., Морозова И. С., Рабкина Н. В., Каргина А. Е., Тубалова И. В. Комплексный анализ ассоциаций, извлекаемых из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом (на материале ассоциаций с вербально-эмблематическими стимулами: герб г. Кемерово и герб Кемеровской области). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 149–160. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-149-160>

full article

Comprehensive Analysis of Associations Extracted from Language Consciousness by Heterosemiotic (Verbal-Emblematic) Stimuli: Coats of Arms of the City of Kemerovo and the Kemerovo Region

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>
russia_science@mail.ru

Irina S. Morozova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-0862-7225>

Nadezda V. Rabkina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-6623-6679>

Anastasia Y. Kargina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0001-6246-6998>

Inna V. Tubalova

Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0001-6519-0739>

Received 31 Jan 2023. Accepted after peer review 31 Mar 2023. Accepted for publication 5 Apr 2023.

Abstract: The present research featured associations triggered by a stimulus that combines verbal and emblematic elements. The directed psycholinguistic experiment included 200 students of the Kemerovo State University who gave 735 associations to two heterosemiotic stimuli, i.e., the coat of arms of Kemerovo verbally marked as "Kemerovo" and the coat of arms of the Kemerovo region marked as "Kemerovo Region". A coat of arms is a metaphorical emblem that combines iconic signs, symbols, and attributes that designate both concrete and abstract concepts. The study relied on the conceptual and terminological approaches and methods of psycholinguistics, as well as on general scientific methods. The material was obtained using a directed chain psycholinguistic experiment. The obtained associations made it possible to identify the specifics of decoding the visual elements of the heterosemiotic stimulus, namely object, shape, color, and idea. The verbal element of the heterosemiotic stimulus directs the correct decoding of the information encoded in the stimulus. However, a psycholinguistic experiment based on a verbal-emblematic stimulus may lead to a partial blockage in some respondents, who may experience difficulties in generating associative meanings. Further cognitive research based on psycholinguistic experiments with heterosemiotic systems may provide new scientific data on the interaction of perception, representation, and verbal coding of processed information.

Keywords: emblem, linguistic consciousness, heterosemiotic stimulus, association, cognitive research

Citation: Kameneva V. A., Morozova I. S., Rabkina N. V., Kargina A. Y., Tubalova I. V. Comprehensive Analysis of Associations Extracted from Language Consciousness by Heterosemiotic (Verbal-Emblematic) Stimuli: Coats of Arms of the City of Kemerovo and the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 149–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-149-160>

Введение

Современный человек повсеместно окружен аудио-вербальной и вербально-пиктографической информацией как в реальном, так и в виртуальном пространствах. Рекламная, политическая, социально-культурная, обучающая и др. информация кодируется и передается по различным каналам связи с использованием разного рода семиотических систем и их всевозможных комбинаций. Поступающая информация меняет картину мира человека, воздействуя на коммуникативное, когнитивное и языковое сознание [1–5]. Такое положение вещей стимулирует научный интерес к изучению того, как современный человек воспринимает закодированный подобным образом информационный поток, получает ли о языковление вся воспринятая и осмысленная информация или нет, влияет ли на этот

процесс то, средствами каких семиотических систем закодирована стимульная информация или нет.

Основное направление научных исследований направлено на исследование вербальных ассоциативных реакций, извлекаемых из языкового сознания стимулами различной природы при проведении ассоциативных экспериментов [6–11]. Немногие исследователи уделяют внимание невербальным реакциям на стимул во время проведения психолингвистических ассоциативных экспериментов. Согласно современным экспериментальным исследованиям, сознание имеет невербальный характер, а «мышление способно осуществляться и без непосредственного участия языка. <...> в процессе осуществления мыслительной деятельности в сознании индивида рождаются образы,

подкрепленные рациональными знаниями» [12, с. 234]. В тех ситуациях, когда в процессе речевой деятельности человек не может подобрать подходящее слово, что говорит о незнании им логической составляющей концепта, он пытается объяснить его при помощи рук [12, с. 235].

Как показал обзор научной литературы, на сегодня в центре исследовательского интереса находится то, каким образом воспринятая информация актуализируется на лингвокогнитивном уровне [13–16]. Ассоциации, извлеченные из языкового сознания в ходе психолингвистических ассоциативных экспериментов [7–11; 17; 18], тщательно исследуются и классифицируются. Как указывает Е. Ю. Кабановская, при анализе вербальных ассоциаций в центре исследовательского внимания находятся «изучение ассоциативного значения слова; определение семантической близости между словами; исследование влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых (профессиональные характеристики, пол, возраст) и в частности работы на ассоциативном материале онтогенеза; изучение ассоциативной памяти и организации внутреннего лексикона человека; исследование ассоциативного процесса в связи с процессами порождения и восприятия речи; изучение особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях билингвизма и трилингвизма и приложение полученных результатов в методологической сфере преподавания иностранного языка; использование ассоциативных методик в пато- и психодиагностике при выявлении патологических психических состояний, функциональной асимметрии мозга, аффективных состояний; ассоциативная лексикография; ассоциативная грамматика и исследование ассоциативно-вербальной сети; исследование образов языкового сознания в области межкультурной коммуникации» [19, с. 139].

Доказано, что «свойства стимула существенным образом влияют на способ обработки стимульной информации» [20, с. 153], но тем не менее не так много исследований, направленных на исследование взаимосвязи ассоциации и стимула, инкорпорирующего знаки различных семиотических систем [21–23]. В этой связи изучение ассоциаций, порождаемых гетеросемиотическим (вербально-эмблематическим) стимулом, позволяет говорить об актуальности и новизне предпринятого исследования.

Существует большое число подходов к изучению вербальных ассоциаций и их классификаций. Например, Дж. Дж. Дженкинс [24], К. Э. Осгуд и Т. А. Себеок разграничивают синтагматические и парадигматические ассоциации. А. П. Клименко выделяет синтагматические, парадигматические и тематические ассоциации [25, с. 49]. Ю. Н. Караулов предлагает рассматривать ассоциации с позиции коммуникативной направленности, учитывающей тип

отношений между стимулом и реакцией, и анализирует ассоциации с позиции предикации, номинации, локации и оценки [26]. Е. Н. Гуц выделяет собственно семантические реакции; реакции развертывания; реакции пояснения; оценочные реакции и инвективные реакции [27]. Г. А. Мартинович [28, с. 143], Н. И. Степыкин [29, с. 39] и др. предлагают классифицировать вербальные ассоциации по смежности (во времени или пространстве) и по сходству, определяемые на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков. Е. И. Горошко выделяет следующие типы ассоциаций: предметные, функциональные, пояснительные, эмоционально-оценочные, метафорические, ассоциации в виде устойчивых речевых словосочетаний, синонимично-антонимичные и двойственные [30]. В большинстве исследований ученые или модифицируют существующие классификации, или составляют свои классификации, которые позволяют учесть специфику их материала исследования.

Для того чтобы учесть специфику материала нашего исследования, все ассоциации были рассмотрены с учетом гетеросемиотического характера стимула. Исследования, которые обращаются к гербу Кузбасса как репрезентации региона, немногочисленны. Так, И. П. Решикова описывает герб, флаг и гимн Кузбасса с точки зрения шахтерской профессии как регионального бренда, фундирующего «культурно-исторический образ региона» [31, с. 119]. И. Ю. Верчагина и М. Веретенникова в ходе элементарного эксперимента с гербами городов области приходят к выводу, что если герб Кузбасса идентифицируется большинством жителей этого региона, то гербы отдельных городов – только их жителями [32].

Ранее исследование ассоциаций к стимулам *Кемеровская область* [33] и *город Кемерово* включали только вербальный компонент. Исследованию образа Кузбасса посвящена монография «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона», опубликованная в 2020 г. [34]. Д. М. Герасимчук и Н. В. Мельник, анализируя образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании, руководствовались ассоциативным экспериментом, результатом которого стала классификация из семи тематических блоков: 1) население; 2) экономика; 3) образование, культура, наука; 4) здравоохранение, спорт; 5) политика, властные структуры; 6) географические особенности; 7) личное отношение. Среди опрошенных в данном исследовании были как жители региона, так и других областей России. Жители Кузбасса видят свой родной край как важный для России угледобывающий регион с богатой историей, в котором проживают сильные духом люди. Респонденты из других регионов видят в Кемеровской области важный для страны угольный и металлургический регион, расположенный где-то рядом с Уралом, где вопреки

тяжелым климатическим условиям активно развивается общественная жизнь [33]. О. Н. Кондратьева и Т. И. Фролова провели аналогичное исследование с вербальным стимулом Кузбасс, и выведенная ими семантическая классификация включает блоки: 1) угольная промышленность; 2) Родина; 3) территория; 4) личная оценка; 5) природа, климат; 6) политика, история; 7) социальная сфера; 8) люди; 9) места, учреждения; 10) туристические объекты. Из них Родина, территория и угольная промышленность являлись ядерными [35].

Л. С. Яницкий, исследуя образ Кузбасса в картине мира студенческой молодежи Кемеровской области, разработал модель анализа имиджа территории, состоящую из реального имиджа, зеркального имиджа, проецируемого местными властями, и желаемого имиджа как стратегии создания искомого образа территории. Представляется, что в случае с таким официальным визуальным образом, как герб, реальный имидж территории наслаивается на зеркальный. В какой-то степени можно утверждать, что визуальный компонент вызывает ассоциации, связанные с зеркальным имиджем, транслируемым официальными властями, а вербальный – реальный имидж, т.е. «совокупность впечатлений, имеющих у целевой аудитории о территории» [36, с. 100].

Методы и материалы

Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов психолингвистики и общенаучных методов: синтеза, анализа, сравнения.

В методику исследования вошло:

- 1) формирование репрезентативной выборки;
- 2) составление ассоциативного поля с гетеросемиотическим (вербально-эмблематическим) стимулом, представляющим герб Кемерово, подписанный словом *Кемерово*;
- 3) составление ассоциативного поля с гетеросемиотическим (вербально-эмблематическим) стимулом, объединившим герб Кемеровской области и подпись *Кемеровская область*;
- 4) анализ полученных данных;
- 5) классификация полученных ассоциаций.

Репрезентативная выборка исследования получена методом направленного психолингвистического ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняли участие 200 студентов Кемеровского государственного университета (КемГУ). Общий объем ассоциаций составил 735 реакций на выбранные гетеросемиотические (вербально-эмблематические) стимулы. Гетеросемиотический стимул в данной работе

рассматривается [22] как стимул, инкорпорирующий коды разных семиотических систем. Под гетеросемиотическим (вербально-эмблематическим) стимулом понимается стимул, объединяющий элементы языкового кода и эмблему как элемент визуального кода.

В ходе эксперимента студентам КемГУ предлагали записать ассоциации с гербами г. Кемерово (рис. 1) и Кемеровской области (рис. 2), причем обе картинки были снабжены соответствующей подписью: *Посмотрите, пожалуйста, на изображение с надписью, а затем напишите первые четыре ассоциации, которые возникли у вас.*

Согласно официальной трактовке, реторта на гербе г. Кемерово призвана символизировать химическую промышленность, шестерня – машиностроение, колосья – минеральные удобрения и плодородие земли, красный цвет – труд, мужество, энергию и силу, черный – мудрость и уголь, белый – чистые помыслы, надежность и доброту, а желтый – богатство и процветание¹.

Согласно замыслу создателей герба Кемеровской области, черный треугольник репрезентирует угольный террикон, а также решительность, развитие, энергию пламени, как и красные участки щита, символизирующие металлургические печи. Зеленое основание щита – природные богатства и заботу об экологии, молот и кирка – горнорудную промышленность, колосья – сельское хозяйство и рекультивацию земель, а их переплетение – символ единства трудов человека и природных богатств. Кроме того, черный цвет символизирует мудрость, желтый – изобилие, красный – мужество, жизненную силу, красоту и праздник, а зеленый – молодость и надежду².

Рис. 1. Герб г. Кемерово
Fig. 1. Coat of arms of the city of Kemerovo

Рис. 2. Герб Кемеровской области
Fig. 2. Coat of arms of the Kemerovo Region

¹ Герб города Кемерово. URL: <https://kemerovo.ru/gorod/simvolika/> (дата обращения: 20.05.2022).

² Герб Кемеровской области. URL: <https://o-kemerovo.ru/герб-и-флаг-кемеровской-области/> (дата обращения: 20.05.2022).

Результаты

Герб г. Кемерово

Наиболее многочисленными вербальными реакциями, полученными на гетеросемиотический символ *герб г. Кемерово*, оказались слова с основой *-угол-* (уголь, угольный) (23), *-шахт-* (шахта, шахтер, шахтерский) (16) и *-раб-* (рабочий, работа) (15), а также лексемы *столица* (13), *труд* (11), *Кемерово* (8), *промышленность* (7) и *завод/ы* (7). Тематическая классификация полученных реакций представлена в табл. 1.

Табл. 1. Тематическая классификация реакций на гетеросемиотический символ *герб г. Кемерово*
Tab. 1. Reactions to the heterosemiotic symbol *coat of arms of the city of Kemerovo*: thematic classification

Тематическая группа	Вербальные реакции (количество)
Промышленность	уголь (21), работа (11), шахта (11), труд (10), завод/ы (7), (угольная) промышленность (7), машиностроение (3), производство (3), химическая / химия (3), разрез (2), добыча угля (1), золото (1), Кемерово/химмаш (1), рабочая сила (1), рабочие (1), столица шахтерского края (1), тяжелая работа (1), тяжесть (1), черное золото (1), шахтерский край (1), шахтерский труд (1), шахтерство (1), шахтеры (1)
<i>в т.ч. механика</i>	машины (5), шестерёнка (4), механизм (2), механика (2), индустрия поля (1), красный механизм (1), пружинка (1), шестерня (1)
Сельское хозяйство	колос / колосья (5), плодородие / плодородные / плодородность земли (4), пшеница (4), зерно (2), поле (2), рожь (2), сельское хозяйство (2), земледелие (1), хлеб (1)
Пространство	
<i>микрокосм (по отношению к себе)</i>	дом (8), (малая) Родина (4), родной город (2)
<i>макрокосм (географически)</i>	Кемерово (8), столица (8), Кузбасс (3), Сибирь (3), столица Кузбасса (3), центр (2), административный центр (1), земля (1), область (1), рабочий город (1), сердце (1), столица шахтерского края (1), шахтерский край (1)
Климат	зима (1), снег (1), холод (1)
Природа	камень (2), простор/ы (2), солнце (2), закат (1), зарево (1), небо (1)
Экология	грязный воздух (2), грязь / грязный (2), пыль (2), дым (1), грязные кроссовки (1), плохой воздух (1)
Люди	Цивилев (2), семья (2), Волков (1), дедушка (1), (родина) Леонова (1), люди (1), много людей (1), муж (1), рабочая сила (1), рабочие (1), шахтеры (1)
Прецедентные феномены и культурные компоненты	КемГУ (5), Томь (4), Площадь Советов (3), Кировский (2), Красная горка (2), Цивилев (2), Волков (1), Вращающийся куб напротив цирка с изображениями города (1), Кемерово/химмаш (1), (родина) Леонова (1), Парк Чудес (1), Сельхоз (1), Сосновый бор (1), СССР (1), ТЦ Я (1)
Транспорт	дорога/и (3), автобус (1), железная дорога (1), колесо (1), маршрутки (1), поезд (1), транспорт (1)
Объекты инфраструктуры	мост (2), набережная (2), парк/и (2), бор (1), музей (1), школа (1)
Сферы жизнедеятельности	искусство (2), наука (1)
Экономика и социальные проблемы	непродвинутый (1), отстающий (1)
Учеба	университет / универ / КемГУ (7), учеба (6), общага (1), сельхоз (1), студенческий (1)
Лексика восприятия, оценки и качества	
<i>с положительной коннотацией</i>	красота (4), мужество (3), чистый / чистота (3), упорство (2), важный (1), вольный (1), главный (1), знакомый (1), красивый (1), отвага (1), простой (1), слава (1), трудолюбие (1), уют (1), честь (1)
<i>с отрицательной коннотацией</i>	опасность (2), враг (1), непродвинутый (1), отстающий (1), серость (1)
Эмоции и чувства	
<i>с положительной коннотацией</i>	гордость (1), радость (1), уверенность (1)

Тематическая группа	Вербальные реакции (количество)
Лексика с общей семей единения	семья (2), единство (1), сплоченность (1)
Лексика с общей семей силы	сила (7), мощь (1), энергия (1)
Абстрактные понятия	опыт (2), движение (1), наследие (1), преобразование (1), процесс (1), разнообразие (1), символизм (1), сложность (1)
Темпоральный аспект	будущее (1), неподвижный (1), отстающий (1), современный город (1)
Интерпретация визуальных элементов	
<i>в целом</i>	герб (Кузбасса) (5), геральдика (1), детский рисунок (1), тренировочный вариант (1)
<i>форма</i>	запятая (4), камень (2), капля (1), колесо (1), пояс (1), пустота (1), свисток (1)
<i>цвета</i>	закат (1), зарево (1), золото (1), кровь (1), небо (1), серость (1), странный белый символ (1), черный (1), яркость (1)
Разное	аниме «Пожиратель душ» (1), гимн (1), одежда (1), паспорт (1), формальность (1)

Анализ реакций с точки зрения гетеросемиотического характера стимула основывается на следующих установках. На самом базовом уровне визуальные элементы включают в себя **объекты, форму, цвет и идею**. Последний пункт включает в себя динамику, причинно-следственные связи, направление, т. е. идеи, которые можно вычлени из комбинаций объектов, формы и цвета. Так, скрещенные колосья и инструменты, вписанные в одну геометрическую фигуру (треугольник), передают идею единства. Ассоциации на этом базовом уровне носят элементарный характер и зачастую сводятся к простому именованию: изображение колоса вызывает реакцию *колос*, а черное поле щита – *черный*. Эти ассоциации могут усложняться по **принципу сравнения**: вербальные реакции *капля* или *запятая* – визуальное сравнение реторты, *уголь* – черного поля щита, *кровь* – красного, *золото* – желтого и т. д. Другой вариант усложнения основан на **принципе конкретизации**: так, изображение колоса вызывает вербальные реакции *рожь*, *пшеница*.

На более абстрактном уровне объект, форма, цвет и идея выступают символами каких-то более абстрактных понятий. Здесь, как правило, реализуется **метонимический принцип**. Например, кайло – символ угольной промышленности, т. к. данный инструмент является частью шахтерского ремесла, орудия труда – символ промышленности в целом, колосья – сельского хозяйства, реторта – химии. На этом уровне символов важную роль играет **жизненный опыт** респондента, его включенность в культурно-историческое пространство, внутри которого было создано изображение. К примеру, та же реторта как физический объект присутствует в жизненном опыте весьма ограниченного числа людей, а ее изображение настолько схематично, что химический сосуд в нем опознается с большим трудом. Поэтому для неподготовленной аудитории реакция *капля*, *запятая* или *непонятный белый символ* была бы органичнее, чем *химия*. Однако символика

герба родного города – часть школьной программы, т. е. связь упрощенного изображения реторты и химической промышленности присутствует в жизненном опыте тех респондентов, которые родились и выросли в г. Кемерово, даже если в материалах исследования отсутствует собственно вербальная реакция *реторта*. Аналогичным образом человек, выросший вне культурного пространства Кузбасса, мог бы интерпретировать кайло и молот как инструменты кузнечного ремесла, а не шахтерского. В случае с молотом геральдически так и было задумано: кузнечный молот должен был сделать герб «гласным» и вызывать логическую цепочку *кузнечное дело – Кузнецкий угольный бассейн*. Однако вербальный компонент стимула корректирует ассоциативную цепочку: если это герб Кемеровской области, значит молот и кайло – атрибуты шахты, а не кузницы.

Подобный примат вербальной составляющей стимула над визуальной демонстрируется следующим примером. Логично было бы предположить, что сами по себе визуальные составляющие обоих гербов не могут вызывать реакции, отмеченные в группе *климат* или *природа*: на гербах нет ни белого цвета, который мог бы ассоциироваться со снегом, ни синего, который мог бы вызвать ассоциации с рекой или небом, а зеленый представлен только на гербе Кемеровской области. Но вербальные реакции, объединенные в группе *природа*, представлены довольно подробно, и это реакции, скорее, на вербальную составляющую стимула, чем на визуальную.

Обращает внимание тот факт, что были получены реакции, совпадающие с изначально заложенной в изображение герба цветовой символикой: *труд*, *мужество*, *энергия*, *сила*.

Если подойти к анализу реакций на герб города Кемерово с позиции гетеросемиотического характера стимула, вырисовывается следующая картина. Визуально герб весьма лаконичен: на нем изображена

большая белая реторта на фоне желтых колосьев и шестерни, нижнее поле – черное, верхнее – красное. Цветовые пятна на этом гербе – крупные, им соответствуют как реакции по принципу сравнения (*кровь, зарево, закат*), так и базовые, называющие объект (*яркость, черный, белый*). Как уже было отмечено, символическое изображение реторты плохо поддается интерпретации, отсюда реакции по принципу сравнения (*запятая, капля, свисток*). Однако и изображение колосьев оказалось достаточно схематичным, чтобы приобрести многозначность (*пояс*). Так, наличие блока *транспорт* объясняется ассоциативным развитием визуального объекта *колосья* по принципу сходства: горизонтально лежащий колос отдаленно напоминает рельсы со шпалами, и это впечатление усиливается наличием изображения шестерни, которое можно истолковать как колесо поезда. Тем не менее комбинация центральных элементов передает ряд идей (*сила, единство, мощь, движение, сложность, преобразование, процесс, разнообразие*).

Черный цвет нижней части щита мог бы стать триггером ассоциаций, связанных с углем, однако представляется, что в данном случае мы наблюдаем превалирование вербальной составляющей стимула над

визуальной. В отличие от герба Кемеровской области, где изображено кайло, на гербе г. Кемерово нет собственно объектов, указывающих на угледобывающую промышленность, а цветовая символика в данном случае опосредована именно вербальной составляющей: вне контекста герба черный цвет ассоциируется скорее с ночью, трауром и т. д., чем с профессией шахтера.

Герб Кемеровской области

По количественному анализу наиболее многочисленную группу снова составили слова с основой *-угол-* (уголь, угольный) (62) и *-шахт-* (шахта, шахтер, шахтерский) (18), а также лексемы *родина* (27), *дом* (15), *Сибирь* (15), *природа* (14), *сила* (11), *лес* (11), *Кемерово* (9), *семья* (7), *тайга* (7). Тематическая классификация полученных вербальных реакций представлена в табл. 2. Большинство ассоциаций связано с угольной промышленностью или географическим расположением территории. Наличие блока *учеба*, вероятно, связано с тем, что все опрошенные – студенты. В реакциях на изображение герба области отсутствуют блоки *транспорт, сельское хозяйство* и интерпретация по форме, но гораздо многочисленнее и разнообразнее блок *природа*.

Табл. 2. Тематическая классификация реакций на гетеросемиотический символ герб Кемеровской области

Tab. 2. Reactions to the heterosemiotic symbol coat of arms of the Kemerovo Region: thematic classification

Тематическая группа	Вербальные реакции (количество)
Промышленность	уголь (55), шахтер/ы (10), шахта/ы (8), завод/ы (3), добыча угля (2), карьер/ы (2), промышленность (2), (угольная) промышленность (2), угольный край (2), (угольный) разрез (2), газ (1), грузоперевозки (1), металлургический бассейн (1), металлургия (1), полезные ископаемые (1), профессия (1), труд (1)
Пространство	
<i>микрокосм (по отношению к себе)</i>	(малая) родина (28), (мой) дом (16), родной край (2), мой город (1)
<i>макрокосм (географически)</i>	Сибирь (15), Кемерово (9), мир (5), Россия (4), город (3), регион (3), (Кемеровская) область (2), страна (2), бассейн (1), земля (1), котловина (1), край (1), Кузнецкий (1), сердце России (1), столица (1)
Климат	зима (2), холод (2), снег (1)
Природа	природа (14), лес/а (11), тайга (7), горы (4), березы (2), кедр (2), бор (1), животные (1), медведь (1), просторы (1), река (1), шишки (1)
Экология	грязь (3), атмосфера (1), загазованность (1), загрязнение (1), тяжелый воздух (1), экология (1)
Люди	шахтер/ы (10), семья (7), народ (3), (добрые) люди (2), Волков (1), друзья (1), население (1), сибиряки (1), соседи (1), Тулеев (1), Цивилев (1)
Прецедентные феномены и культурные компоненты	Томь (5), Шерегеш (3), Томская писаница (2), Волков (1), Йети (1), Кадетский корпус (1), Красное озеро (1), Ледовый дворец (1), Сибирская Сказка (1), сибирский дух (1), Сосновый бор (1), Тулеев (1), Цивилев (1), 300 лет (1), Z (1)
Объекты инфраструктуры	бульвар (1), вокзал (1), мост (1), парк (1), хорошие дороги (1)
Сферы жизнедеятельности	культура (1), сельское хозяйство (1), спорт (1)
Экономика и социальные проблемы	беднота (1), болезнь (1), катастрофы (1), низкие доходы населения (1)

Тематическая группа	Вербальные реакции (количество)
Учеба	зачеты (1), обучение (1)
Лексика восприятия, оценки и качества	
с положительной коннотацией	красота (6), благосостояние (1), богатство (1), великий (1), величие (1), добро (1), добрые (люди) (1), защита (1), здоровье (1), красивая (1), любимый (1), лучший (1), молодость (1), современный (1), стабильность (1), уют (1), хорошие (дороги) (1), чистота (1), щедрость (1)
с отрицательной коннотацией	лицемерие (1)
Эмоции и чувства	
с положительной коннотацией	гордость (2), дружба (2), любовь (2), счастье (2), радость (1)
с отрицательной коннотацией	безразличие (1)
Лексика с общей семей единения	семья (7), единство (3), дружба (2), дружная (1), вместе (1)
Лексика с общей семей силы	сила (10), мощь (3), власть (1), могущество (1), сила Сибири (1)
Абстрактные понятия	развитие (2), прогресс (1)
Темпоральный аспект	будущее (2)
Интерпретация визуальных элементов	
цвета	большая (1), компас (1), черный (1)
Разное	жизнь (3), песня (2)

Рассмотрим с позиции гетеросемиотического характера стимула реакции на герб Кемеровской области. Визуально на плоскости герба выделяются следующие элементы: лента, корона, звезда, орудия труда и колосья. Цветовая гамма включает в себя красный, черный, зеленый и желтый, при этом центр композиции основан на контрасте черного и желтого, а на долю красного приходится больше всего периферийной площади. Примечательно, что ни один визуально представленный объект (кузнечный молот и кирка, колосья, корона, звезда, лента) не получил непосредственную вербализацию, т. е. не было зафиксировано попыток поименовать собственно изображенный на гербе объект: реакции *молоток*, *инструмент*, *колос*, *корона*, *пирамида* и т. п. отсутствовали. Единственной поименованной визуальной составляющей стал черный цвет центрального поля герба – была получена однократная реакция *черный*. Реакция *разрез*, скорее всего, является ассоциативным продолжением семантического поля угля: очень мало вероятно, что эту ассоциацию вызвал к жизни черный треугольник-террикон, хотя именно так этот символ трактуется в описании герба.

И если орудия шахтерского труда и металлургической промышленности получили бурное ассоциативное развитие, то объект *колосья* отразился только в одной единственной однократной реакции – *сельское хозяйство* (и гораздо более опосредованно – *труд*, *профессия*). Такое зияние представляется странным, учитывая,

что колосья на гербе Кемеровской области гораздо менее схематичны, чем колосья на гербе г. Кемерово, которые вызвали гораздо больше соответствующих вербальных реакций.

Достаточно четко выраженный на рисунке элемент *корона* мог послужить визуальным триггером для таких ассоциаций, как *сила* (11), *мощь* (3), *богатство* (1), *власть* (1), *защита* (1), *могущество* (1).

Примечательно, что увенчанный звездой треугольник, в который вписаны скрещенные кирка, молот и колосья, призван символизировать объединение сил ради высшей цели. Это сложная абстрактная идея, однако вербальные реакции с общей семей *единство* были представлены достаточно разнообразно, чтобы их можно было выделить в отдельную тематическую подгруппу. При этом заложенный создателями герба альтернативный смысл (черный треугольник – угольный террикон) реципиентами практически не считывается: вербальная реакция *разрез* крайне малочисленна, при том что угольная промышленность Кузбасса на сегодняшний день активнее представлена открытым способом добычи угля, нежели закрытым.

На гербе Кемеровской области нет никаких графических объектов, связанных с природой, кроме зеленого поля в нижней части щита, однако тематическая группа реакций *природа* многочисленна и разнообразна. И хотя эта группа уступает группе *промышленность* по количеству и разнообразию, можно предположить, что курс на ребрендинг

шахтерского края как рекреационной зоны продвигается успешно, несмотря на то что рекреационный потенциал области на гербе не представлен практически совсем. Действительно, общепризнанным фактом является то, что геральдика крайне консервативна.

Также примечательно, что в списке реакций зафиксированы и заложенные в геральдическую цветовую символику смыслы: *красота, богатство, молодость, сила*.

Заключение

Ассоциации, извлекаемые из языкового сознания гетеросемиотическим стимулом, представленным гербом территории, позволяют выявить особенности декодирования визуальных элементов стимула, включающих объекты, форму, цвет и идею. При этом вербальный элемент гетеросемиотического стимула задает направление корректной расшифровке закодированной информации.

Заложенные геральдикой смыслы в гербы города и области идентифицируют корректно только те респонденты, кто вырос на данной территории, или те респонденты, которые имеют знания об истории, промышленности и экономике территории.

Задача герба – символически представлять территориальный субъект. Можно сказать, что это некий сложный смысл, из значений отдельных символов которого складывается лингвокультурный концепт, вербально выраженный топонимом. Герб разворачивается в нарратив (история места) и дескрипцию (описание места). Если предположить, что в данном случае означающее равно означаемому, то реакции на данный гетеросемиотический стимул будут реакциями на сам сложный лингвокультурный концепт *Кемеровская область* или *город Кемерово* с образной (наивная информация), понятийной (фактическая информация) и ценностной (результат пропускания через себя) составляющими. Так, Кемерово и Кемеровская область закреплены как на объективной карте (*Сибирь, Россия, край, область, Кемерово, центр*), так и в субъективном хронотопе реципиента (*дом, моя родина, малая родина*), а также подвергаются оцениванию (*красивый, грязный*).

Вербально-эмблематический стимул позволяет успешно декодировать не только явные смыслы (*уголь, сельское хозяйство*), но и абстрактные идеи (*сила, развитие*). Низкий процент негативных коннотаций наводит на мысль, что визуальный компонент, отражающий зеркальный имидж территории, корректирует реальный имидж, основанный на собственном опыте реципиента. Вербальные реакции с негативной коннотацией весьма малочисленны и в обеих частях эксперимента касаются в основном экологической ситуации.

В случае исследования ассоциативного образа территории при проведении психолингвистического эксперимента с использованием гетеросемиотического

стимула у ряда респондентов может происходить некоторая блокировка генерации ассоциативных смыслов, а также наблюдаться попытки описать то, что видят (*герб, символизм, колос, шестеренка*).

Если свести количественный анализ к определению, то Кемерово – столица шахтерского края в Сибири, где развиты промышленность и сельское хозяйство, а Кузбасс – центр угольной промышленности в Сибири с красивой природой. Тематическая классификация частично совпадает с результатами исследований [33; 35], основанными на вербальном стимуле.

Подводя итог, отметим, что дальнейшее изучение когнитивных процессов при проведении психолингвистических экспериментов с использованием стимулов, объединяющих знаки различных семиотических систем, позволит получить новые научные данные о специфике взаимодействия восприятия, представления и кодирования обработанной информации словами. Основное направление дальнейших исследований вопроса видится в установлении специфики образа страны в языковом сознании граждан по ассоциациям, вызываемым всеми официальными символами территории: названием, гербом, валютой, флагом и гимном.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. А. Каменева – формулирование общих целей и задач исследования, обзор и описание теоретического материала исследования, анализ и изложение полученных данных. И. С. Морозова – подбор методологии исследования, анализ и изложение полученных теоретических данных. Н. В. Рабкина – проведение анализа материала. А. Е. Каргина – сбор фактологических данных. И. В. Тубалова – верификация полученных результатов.

Contribution: V. A. Kameneva defined the research objectives and reviewed relevant scientific publications, as well as analyzed and described the data. I. S. Morozova developed the research methodology, analyzed the obtained data, and described the theory. N. V. Rabkina performed the analysis. A. Y. Kargina collected the research material. I. V. Tubalova was responsible for the validation of the results obtained.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Funding: The study was part of the Tomsk State University Development Program Priority 2030.

Литература / References

1. Зайнуллин М. В. О сущности языкового сознания. *Вестник Башкирского университета*, 2011. Т. 16. № 4. С. 1243–1245. [Zainullin M. V. On linguistic consciousness. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2011, 16(4): 1243–1245. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ooxtjz>
2. Маклакова Е. А. О языковом и когнитивном сознании и значении слова. *Наука, образование, общество*. 2015. № 2. С. 144–149. [Maklakova E. A. About linguistic and cognitive consciousness and meaning of the word. *Nauka, obrazovanie, obshchestvo*, 2015, (2): 144–149. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17117/no.2015.02.144>
3. Манаенко Г. Н. Психическое – когнитивное (сознание) – идеальное – познанное (со-знание). *Когнитивные исследования языка*. 2008. № 3. С. 292–303. [Manaenko G. N. Mental – cognitive (consciousness) – ideal – cognized (consciousness). *Cognitive studies in language*, 2008, (3): 292–303. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rpnokt>
4. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание. *С любовью к языку*, отв. ред. В. А. Виноградов. М.-Воронеж: ИЯз РАН; ВГУ, 2002. С. 44–51. [Sternin I. A. Communicative and cognitive consciousness. *With love for the language*, ed. Vinogradov V. A. Moscow-Voronezh: IL RAS; VSU, 2002, 44–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yurkojp>
5. Стернин И. А. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения. *Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. (Москва, 29–31 мая 2003 г.) М.: ИЯз РАН, 2003. С. 264–265. [Sternin I. A. Linguistic, communicative, and cognitive consciousness: differentiation. *Linguistic consciousness: traditional vs. controversial: Proc. XIV Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*, Moscow, 29–31 May 2003. Moscow: IL RAS, 2003, 264–265. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykrsol>
6. Алымова Е. Н. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания. *Научно-технические ведомости СПбГТУ*. 2006. № 4. С. 136–138. [Alymova E. N. Associative experiment as a method of studying linguistic consciousness. *Nauchno-tekhnicheskiye ведомosti SPbGTU*, 2006, (4): 136–138. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kdsmtx>
7. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 1-1. С. 265–275. [Borisova Yu. A. Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(1-1): 265–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.074>
8. Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. *Мосты. Журнал переводчиков*. 2019. № 2. [Pishchalnikova V. A. Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2019, (2). (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzcbqcx>
9. Светкина А. А. Направленный ассоциативный эксперимент как способ выявления показаний языкового сознания. *Linguistica Juvenis*. 2021. № 23. С. 99–111. [Svetkina A. A. Directed associative experiment as method for detecting indications of language consciousness. *Linguistica Juvenis*, 2021, (23): 99–111. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ilmgdo>
10. Уфимцева Н. В. Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов. *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 37. С. 920–925. [Ufimtseva N. V. Associative experiment and cognitive strategies of respondents. *Cognitive studies in language*, 2019, (37): 920–925. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/slknfh>
11. Çetinkaya F. Ç., Sönmez M., Topçam A. B. A formative assessment example: word association test. *International Education Studies*, 2020, 13(8): 103–117. <https://doi.org/10.5539/ies.v13n8p103>
12. Финикова И. В. Языковое сознание как знаковая форма выражения когнитивного сознания индивида. *Вестник науки*. 2019. Т. 2. № 6. С. 230–239. [Finikova I. V. Linguistic consciousness as a sign form of expression of the individual cognitive consciousness. *Vestnik nauki*, 2019, 2(6): 230–239. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xbfrnz>
13. Авдышева Е. Г. Методы исследования концептов: ассоциативный эксперимент. *Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании*, ред. И. П. Хутыз. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 6–10. [Avdysheva Ye. G. Methods of concept learning: association experiment. *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, ed. Khoutyz I. P. Krasnodar: KubSU, 2018, 6–10. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xulqzv>
14. Герасимова М. Н. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления семантического поля концепта. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2017. № 4. С. 53–57. [Gerasimova M. N. Associative experiment as a tool to identify the semantic field of the concept. *Cherepovets State University Bulletin*, 2017, (4): 53–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2017-4-79-8>

15. Коногорова А. В. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2010. № 6. С. 146–148. [Konogorova A. V. Associative experiment as a method of cognitive research. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2010, (6): 146–148. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ncpovt>
16. Ручина Л. И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта. *Вестник Нижнегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2012. № 5-3. С. 102–106. [Ruchina L. I. Associative experiment as a tool for revealing cognitive characteristics of a concept. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2012, (5-3): 102–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qiovfpr>
17. Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011. № 11. С. 6–9. [Arkhipova S. V. Associative experiment in psycholinguistics. *Bulletin of Buryat State University*, 2011, (11): 6–9. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ofnirr>
18. Выговская Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике. *Наука ЮУрГУ: мат-лы 66-й науч. конф. (Челябинск, 15–17 апреля 2014 г.)* Челябинск: ЮУрГУ, 2014. С. 1157–1164. [Vygovskaya D. G. Associative experiment as one of the methods in psycholinguistics. *Science SUSU: Proc. 66th Sci. Conf.*, Chelyabinsk, 15–17 Apr 2014. Chelyabinsk: SUSU, 2014, 1157–1164. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/smtsex>
19. Кабановская Е. Ю. Изучение вербальных ассоциаций в психолингвистике. *Символ науки*. 2020. № 5. С. 139–140. [Kabanovskaya E. Yu. The study of verbal associations in psycholinguistics. *Simvol nauki*, 2020, (5): 139–140. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tdoctj>
20. Щекотихина И. Н. Систематизация данных ассоциативного эксперимента: проблемы, подходы, новые идеи. *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: VIII Междунар. науч. конф. (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.)* Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 150–154. [Shchekotikhina I. N. Systematization of associative experiment data: problems, approaches, new ideas. *Word, statement, and text in cognitive, pragmatic, and cultural aspects: Proc. VIII Intern. Sci. Conf.*, Chelyabinsk, 20–22 Apr 2016. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2016, 150–154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wlopdj>
21. Миклашевский А. А. Вербальная и визуальная обработка информации: экспериментальное исследование. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 383. С. 56–61. [Miklashevskii A. A. Verbal and visual processing of information: experimental research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (383): 56–61. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/smckfr>
22. Каменева В. А., Рабкина Н. В., Потапова Н. В., Морозова И. С. Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 2. С. 110–125. [Kameneva V. A., Rabkina N. V., Potapova N. V., Morozova I. S. The influence of the semiotic type of stimuli on the extraction of information from language consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, 20(2): 110–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125>
23. Колмогорова А. В. Психолингвистические параметры русских слов и их визуальных коррелятов в языковом сознании тувинско-русских билингов: опыт экспериментального исследования. *Новые исследования Тувы*. 2021. № 2. С. 197–210. [Kolmogorova A. V. Psycholinguistic properties of the Russian words and their visual correlates in the linguistic conscience of Tuvan-Russian bilinguals: an experiment-based study. *New Research of Tuva*, 2021, (2): 197–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.16>
24. Jenkins J. J. Transitional organization: association techniques. *Psycholinguistics: a survey of theory and research problems*, eds. Osgood C. E., Seboek T. A. Baltimore: Waverly Press, Inc., 1954, 112–118.
25. Клименко А. П. Третий тип словесных ассоциаций и виды семантической связи между словами в системе. *Романское и германское языкознание*. Мн.: Вышэйш. шк., 1975. Вып. 5. С. 42–58. [Klimenko A. P. The third type of word associations and types of semantic connection between words in the system. *Romance and Germanic linguistics*. Minsk: Vysheish. shk., 1975, iss. 5, 42–58. (In Russ.)]
26. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с. [Karaulov Yu. N. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: RLI RAS, 1999, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pwfahf>
27. Гуц Е. Н. Ассоциации, представленные некодифицированной лексикой: поиски адекватной методики описания. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2005. № 11. С. 13–19. [Guts E. N. Associations represented by non-codified vocabulary: looking for an adequate description technique. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2005, (11): 13–19. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kzjxod>

28. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле. *Вопросы психологии*. 1990. № 2. С. 143–146. [Martinovich G. A. Types of verbal connections and relations in the associative field. *Voprosy Psikhologii*, 1990, (2): 143–146. (In Russ.)]
29. Степыкин Н. И. Классификация вербальных реакций как важнейший этап интерпретации экспериментальных данных. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2017. Т. 7. № 1. С. 39–46. [Stepykin N. I. Classification of verbal responses as the most important stage of interpreting experimental data. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2017, 7(1): 39–46. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yppmagh>
30. Горошко Е. И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета. *Языковое сознание и образ мира*, отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯЗ РАН, 2000. С. 291–313. [Goroshko E. I. The study of verbal associations on colors. *Linguistic consciousness and the world image*, ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IL RAS, 2000, 291–313. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxugkd>
31. Решикова И. П. Шахтерская территория как региональный бренд. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2010. № 1. С. 119–125. [Reshchikova I. P. Mining territory as a regional brand. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (1): 119–125. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mbhmah>
32. Верчагина И. Ю., Веретенникова М. Гербы территорий как часть истории региона (на примере Кемеровской области – Кузбасса). *Инновации в технологиях и образовании: XIV Междунар. науч.-практ. конф.* (Белово, 26 марта 2021 г.) Кемерово-Белово-Новосибирск-Велико-Тырново-Шумен: КузГТУ, 2021. С. 9–13. [Verchagina I. Yu., Veretennikova M. Regional coats of arms as part of the history of the region: Kemerovo region – Kuzbass. *Innovations in technology and education: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belovo, 26 Mar 2021. Kemerovo-Belovo-Novosibirsk-Veliko-Tyrново-Shumen: KuzSTU, 2021, 9–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/cgpdud>
33. Герасимчук Д. М., Мельник Н. В. Образ Кемеровской области в обыденном языковом сознании жителей страны как результат политического позиционирования региона. *Филология и человек*. 2019. № 2. С. 111–123. [Gerasimchuk D. M., Melnik N. V. The image of the Kemerovo region in the ordinary linguistic consciousness of citizens as a result of the political representation of the region. *Filologiya i chelovek*, 2019, (2): 111–123. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)2-10](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)2-10)
34. Кондратьева О. Н., Валько О. В., Герасимчук Д. М., Голев Н. Д., Дударева Я. А., Жегло А. В., Инешина С. В., Кузнецов Д. В., Макрушина Ю. А., Максакова Е. Е., Мельник Н. В., Новоклинова А. В., Савельева И. В., Рабкина Н. В., Фролова Т. И. Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона. М.: Перо, 2020. 308 с. [Kondrateva O. N., Valko O. V., Gerasimchuk D. M., Golev N. D., Dudareva Ya. A., Zheglo A. V., Ineshina S. V., Kuznetsov D. V., Makrushina Yu. A., Maksakova E. E., Melnik N. V., Novoklinova A. V., Saveleva I. V., Rabkina N. V., Frolova T. I. *Kuzbass: complex cognitive-discursive modeling of the image of the region*. Moscow: Pero, 2020, 308. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snbdju>
35. Кондратьева О. Н., Фролова Т. И. Образ региона в обыденном языковом сознании его жителей (на примере образа Кузбасса). *Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник*. 2018. № 24-2. С. 78–97. [Kondrateva O. N., Frolova T. I. The image of region in ordinary language consciousness of its residents (on an example of an image of Kuzbass). *Psycholinguistics*, 2018, (24-2): 78–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31470/2309-1797-2018-24-2-78-96>
36. Яницкий Л. С. Имидж Кузбасса в восприятии студенческой молодежи региона. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. № 3. С. 99–106. [Yanitskiy L. S. Image of Kuzbass in the perception of student youth of the region. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2020, (3): 99–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qkcuxl>

оригинальная статья

Формирование профессиональных языковых компетенций специалистов комплексной реабилитации в системе дополнительного профессионального образования

Вечканова Ирина Геннадьевна

Санкт-Петербургский институт усовершенствования врачей-экспертов, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-6024-7820>
ivechkanowa@gmail.com

Логинова Екатерина Тофиковна

Санкт-Петербургский институт усовершенствования врачей-экспертов, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-6936-3609>

Матвеева Марина Викторовна

Санкт-Петербургский институт усовершенствования врачей-экспертов, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0001-6125-2314>

Родин Евгений Викторович

Санкт-Петербургский институт усовершенствования врачей-экспертов, Россия, Санкт-Петербург
<https://orcid.org/0000-0003-4980-3536>

Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята после рецензирования 22.02.2023. Принята в печать 22.02.2023.

Аннотация: Цель – определить уровень, условия формирования и совершенствования профессиональных языковых компетенций специалистов комплексной реабилитации в ходе овладения ими программой дополнительного профессионального образования. Проведено исследование по теории и практике преподавания дисциплины «Иностранный язык» в системе дополнительного профессионального образования. Проанализированы работы 76 слушателей циклов повышения квалификации, а также требования к профессиональным трудовым функциям, изложенным в профессиональном стандарте «Специалист по социальной работе». Представлена методика преподавания, нацеленная на совершенствование определенных компетенций специалиста по комплексной реабилитации, который должен быть ориентирован на формирование умений понимать и извлекать информацию из текстов профессионального содержания; владеть иноязычной коммуникативной компетенцией. В процессе реализации методического аспекта дисциплины «Иностранный язык» при преодолении трудностей у слушателей, связанных со звукопроизношением или построением лексико-грамматических конструкций, применялись приемы сопоставления этих проблем с технологиями коррекции нарушений речи лиц с инвалидностью, что способствовало повышению значимости и практико-ориентированности для будущих специалистов, работающих с данной категорией. Отмечено, что использование различных источников литературы на иностранном языке, информационных сайтов профессионального сообщества и ассистивных возможностей современных информационных и игровых технологий, ориентированных на профессиональные запросы слушателей, позволяет повысить профессиональную языковую компетенцию. Такая междисциплинарность в подборе содержания дисциплины способствует расширению словарного запаса специалистов, т. к. знакомит их с международной профессиональной терминологией, используемой в системе комплексной реабилитации и абилитации в Российской Федерации. Сделан вывод о повышении мотивационного и лингвистического компонентов профессиональной языковой компетенции специалистов комплексной реабилитации в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, профессиональное обучение, профессиональные языковые компетенции, комплексная реабилитация, игровые технологии, ассистивные технологии, альтернативная и дополнительная коммуникация

Цитирование: Вечканова И. Г., Логинова Е. Т., Матвеева М. В., Родин Е. В. Формирование профессиональных языковых компетенций специалистов комплексной реабилитации в системе дополнительного профессионального образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 161–168. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-161-168>

full article

Professional Language Competencies of Complex Rehabilitation Specialists in the System of Additional Professional Education

Irina G. Vechkanova

Saint Petersburg Institute for Advanced Training of Medical Experts,
Russia, St. Petersburg<https://orcid.org/0000-0001-6024-7820>

ivechkanowa@gmail.com

Marina V. Matveeva

Saint Petersburg Institute for Advanced Training of Medical Experts,
Russia, St. Petersburg<https://orcid.org/0000-0001-6125-2314>

Evgeny V. Rodin

Saint Petersburg Institute for Advanced Training of Medical Experts,
Russia, St. Petersburg<https://orcid.org/0000-0003-4980-3536>

Ekaterina T. Loginova

Saint Petersburg Institute for Advanced Training of Medical Experts,
Russia, St. Petersburg<https://orcid.org/0000-0001-6936-3609>

Received 1 Feb 2023. Accepted after peer review 22 Feb 2023. Accepted for publication 22 Feb 2023.

Abstract: The article introduces the conditions for the development and improvement of professional language competencies in complex rehabilitation specialists as part of additional professional education. The study covered the theory and practice of teaching foreign languages in the system of additional professional education for specialists in complex rehabilitation. It involved 76 students of advanced training and focused on the requirements for professional labor functions in the curriculum for social workers. The new teaching methodology improves complex rehabilitation skills aimed at extracting information from professional texts and developing a foreign language communicative competence. To overcome some difficulties in pronunciation, vocabulary, and grammar, the authors compared these issues with the speech of patients with disabilities and applied methods for correcting speech disorders, which increased the practice orientation in the future rehabilitation workers. The methodology included authentic foreign literature, professional community sites, modern information tools, and gaming technologies. Such interdisciplinarity expanded the vocabulary of specialists as it introduced them to the international professional terminology. The motivational and linguistic components were able to improve the language competence in complex rehabilitation specialists during their additional professional education.

Keywords: professional standard, professional education, professional linguistic competencies, comprehensive rehabilitation, gaming technologies, assistive technologies, alternative and additional communication

Citation: Vechkanova I. G., Loginova E. T., Matveeva M. V., Rodin E. V. Professional Language Competencies of Complex Rehabilitation Specialists in the System of Additional Professional Education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 161–168. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-161-168>

Введение

На современном этапе модернизации системы образования, предполагающей включение в нее процессов комплексной реабилитации и абилитации инвалидов в Российской Федерации, а также создание междисциплинарных команд, возникла потребность в проведении практико-ориентированного исследования по вопросам теории и практики преподавания дисциплины «Иностранный язык» в системе дополнительного профессионального образования для специалистов комплексной реабилитации.

Преподавание дисциплины «Иностранный язык» в настоящее время является одним из направлений системы профессиональной подготовки специалистов

комплексной реабилитации. Владение иностранным языком в данной сфере позволяет специалисту быть конкурентоспособной личностью на открытом рынке труда. Анализируя профессиональный стандарт «Специалиста по социальной работе»¹, авторы конкретизируют профессиональные компетенции необходимости овладения технологиями оказания помощи и обследования клиента в рамках социально-бытового, социально-средового, психолого-педагогического направлений реабилитации [1]. Совершенствование данных компетенций требует больших усилий со стороны обучающихся, т. к. выполнение трудовой функции *Деятельность по планированию, организации,*

¹ Специалист по социальной работе. Профессиональный стандарт. Утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ № 351н от 18.06.2020. *Профессиональные стандарты*. URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=60015 (дата обращения: 20.01.2023).

контролю реализации и развитию социального обслуживания предполагает обязательное умение использовать инструменты межличностных коммуникаций и знание этических основ социальной работы и делового общения², что напрямую указывает на необходимость владения специалистом комплексной реабилитации основами иностранного языка.

В настоящее время в правовых документах РФ появляются новые понятия: *междисциплинарная команда специалистов, стандарты (порядки) оказания реабилитационных (абилитационных) услуг*³, требующие от специалистов комплексной реабилитации разработки содержания, объемов, периодичности, персонализированного подхода и качества предоставления реабилитационной помощи [2]. Преподавание дисциплины «Иностранный язык» в системе дополнительного профессионального образования для специалистов социальной сферы, исходя из профессионального стандарта, в первую очередь ориентировано на формирование умений понимать и извлекать информацию из текстов профессионального содержания, а также на владение работником иноязычной коммуникативной компетенцией в сфере профессиональной деятельности [3].

Отечественные ученые рассматривают лингвистические аспекты формирования профессиональных языковых компетенций у обучающихся вузов без отнесенности к их будущей деятельности [4–8]. Исследований в отношении специалистов по комплексной реабилитации не проводилось, что указывает на актуальность проведения практико-ориентированного исследования. Также значимость исследования обусловлена необходимостью совершенствования методики преподавания дисциплины, поскольку часть диагностических, психологических, реабилитационных методик опубликованы только на английском языке. Из практики работы специалистов комплексной реабилитации отмечается, что самыми востребованными знаниями являются знания в области технологий коммуникации с инвалидами, детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами, т. е. в сфере:

- ассистивных технологий, в том числе альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) для участия в разработке системы социальной, психолого-педагогической и логопедической работы в структуре комплексной реабилитации лиц с нарушениями навыков коммуникации [9], задержкой психического и речевого развития, афазией, апраксией [10], после инсультов, хирургического лечения гортани, опухолей головы и шеи [11];

- АДК как вспомогательного средства для изучения иностранного языка лицами с инвалидностью;
- технологии безбарьерной коммуникации *ясный язык* для лиц с инвалидностью с целью повышения коммуникативного потенциала;
- коммуникативных игровых технологий при социокультурной реабилитации инвалидов (детей и взрослых) с использованием словесных игр, в том числе на иностранном языке;
- технологий абилитации по включению в социокультурные практики и досуговую деятельность (музей, театр, кино с иностранными авторами или на иностранном языке).

Таким образом, целью нашего исследования является определение уровня профессиональных языковых компетенций специалистов комплексной реабилитации, а также условий их формирования и совершенствования в ходе овладения программой дополнительного профессионального образования. Поэтапно решались задачи:

- 1) подбор в литературе и на электронных платформах практических методов диагностики уровня языковых компетенций, апробация их на выборке специалистов по социальной работе в ходе деловой игры и стандартного опроса;

- 2) анализ и прогнозирование условий формирования и совершенствования профессиональных языковых компетенций с ориентацией на запросы специалистов комплексной реабилитации в ходе овладения программой дополнительного профессионального образования.

Методы и материалы

Представленные материалы статьи включают в себя анализ теоретических и практических проблем, с которыми сталкиваются преподаватели дисциплины «Иностранный язык» в системе дополнительного профессионального образования при подготовке специалистов комплексной реабилитации. Наше исследование является пилотным, поскольку концентрирует внимание на проблемах, возникающих при практической подготовке специалистов для системы комплексной реабилитации, и направлено на апробацию системы работы по преодолению этих проблем. Участниками проекта стали 76 обучающихся по программам дополнительного профессионального образования «Комплексная реабилитация и абилитация инвалидов» в 2022–2023 учебном году, реализуемым Санкт-Петербургским институтом усовершенствования врачей-экспертов⁴ (СПБИУВЭК). Возраст участников – 31–52 года, из них 64 женщины, 12 мужчин.

² Там же.

³ Концепция развития в РФ системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 3711-п от 18.12.2021. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/kontceptsia> (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Обучение по вопросам реабилитации и абилитации инвалидов. URL: <https://spbiuvek.ru/kompl-reabilitatsiya/> (дата обращения: 20.01.2023).

С целью формирования у слушателей курсов дополнительного профессионального образования иноязычных профессионально-ориентированных лексико-морфологической и лексико-коллекционной компетенций, расширения профессионально-ориентированных активного и пассивного вокабуляров сделаны теоретический и практический анализы тестов. Большинство общедоступных тестов для слушателей по определению уровня владения языком содержат задания, состоящие из двух частей: на владение лексикой и грамматикой. Организационно исследование осуществлялось при применении технологий деловой игры. В ситуации деловой игры *Клиент решил изучить язык в электронном приложении* предлагалось моделирование совместного прохождения интерактивных тестов по языку на двух платформах открытых электронных источников в режиме онлайн.

Также применялся стандартный устный опрос обучающихся в форме *вопрос-ответ* и неподготовленное развернутое высказывание по предложенной теме (исходя из трех компетенций специалиста по комплексной реабилитации: общепрофессиональной, общекультурной и специальной профессиональной). В ходе опроса оценивались беглость речевой продукции, фонология на уровне слов и предложений с выявлением речевых особенностей, артикуляционные особенности, широта словарного запаса, его критическая ограниченность.

Результаты

В нашем исследовании использовалась методика преподавания иностранных языков, основанная на принципах коммуникативного обучения. Поэтому при субъективном восприятии письменных тестов в начале курса как трудных (74 %) и отказе от их заполнения, преподаватель предлагал обучающимся деловую игру, в которой некоторые (7 %) соглашались пройти онлайн-тесты на сайтах по изучению языка с собственной оценкой своего уровня (нулевой, начальный, средний, продвинутый) и мотивации (учеба / работа). Наиболее позитивно слушатели (86 %) реагировали на деловую игру, приближенную к ситуации компьютерной игры, совместный просмотр и выполнение интерактивных тестов по изучению языка в режиме онлайн, в которых они от лица анимационных героев спокойнее воспринимали уровень *вы – новичок* (14 %), т. е. соглашались, что у них нулевой уровень языка.

Применение методики направлено на формирование у обучающихся способности к эффективной межкультурной коммуникации. Соответственно, мы рассматриваем овладение иностранным языком как умение приобрести коммуникативные компетенции с учетом уровней владения обучающимися английским языком.

Базовой ключевой компетенцией, которой должен овладеть специалист комплексной реабилитации, по итогам нашего исследования и последующего

обучения является профессиональная языковая компетенция. Данная компетенция представляет собой набор коммуникативных и общих знаний и умений, необходимых для использования иностранного (английского) языка при осуществлении профессиональной деятельности специалистом комплексной реабилитации.

Овладение языком – это достаточно длинный этап в жизни каждого человека, и он существенно различается в зависимости от того, идет ли речь о родном или втором языке. Если родной язык сначала приобретается естественным путем и только потом изучается в образовательных учреждениях разного уровня, то при освоении второго или третьего языка первый этап освоения обычно отсутствует.

Термин *иностраный язык* в нашем курсе намеренно избегался по той причине, что психологически контрпродуктивно считать, что какой-то язык для нас является иностранным, как будто невозможно достичь настоящего родного или двуязычного уровня в новом языке. Конечно, второй язык рекомендуется осваивать при непосредственном погружении в языковую среду: от первоначального знакомства, жизни в двуязычной семье или в стране, где говорят на нем, до последующего формального изучения в образовательном учреждении. Уровень такого носителя языка или билингва определяется как уровень владения родным языком или билингвальным языком, оценивающийся по шкале 5. Личность, владеющая языком на данном уровне, обладает следующими знаниями, умениями и навыками: владение речью, эквивалентной уровню образованного носителя языка; полное владение языком (речь воспринимается образованными носителями языка во всех ее особенностях, включая широту словарного запаса, идиом, коллоквиализмов и актуальных культурных особенностей) [12].

Выявлено, что большинство фонетических проблем, с которыми сталкиваются специалисты комплексной реабилитации, изучающие новый язык (56 %), сходны с обычными речевыми нарушениями носителей языка. Английская речь русскоязычного обучающегося чаще всего внешне напоминает речь англичанина с дислалией (нарушением звукопроизношения при нормальном слухе и сохранной иннервации речевого аппарата). Для устранения подобных нарушений необходимо непосредственное общение с квалифицированным носителем языка, который имеет лингвистическое образование, развитый фонематический слух и опыт в помощи по корректровке произношения.

У 18 % обучающихся слушателей был отмечен неестественный темп речи. Работа над естественным темпом речи способствует избавлению от внешнего сходства с такими речевыми нарушениями, как брадилалия (замедленный темп речи) или тахилалия (убыстренный темп речи) [13]. В этой связи преподаватель-носитель языка индивидуально подбирает оптимальный темп

речи в зависимости от выбранного диалекта и особенностей речи обучающегося, при котором произношение звучит наиболее естественно. Для будущих социальных работников преподаватель может сопоставить эти особенности темпа с теми особенностями речи инвалидов вследствие апраксии и афазии, изложенными в статьях иностранных авторов [14; 15], которые им предстоит наблюдать при работе, в том числе логопедов, в реабилитационных центрах.

У 80 % слушателей был определен низкий словарный запас, особенно профессиональной лексики, низкий уровень лексико-морфологической и лексико-коллекционной компетенций, отсутствие регулярной речевой практики. Расширить словарный запас возможно, познакомив слушателей с международной специфической терминологией, используемой также в системе комплексной реабилитации и абилитации в РФ на примере Международной классификации функционирования (МКФ, ICF), Международной классификации болезней (МКБ-11, ICD 11). Самостоятельно изучать сайты этих классификаций обучающиеся могут онлайн по актуальным для них рубрикам ограничений жизнедеятельности.

Посещение страны изучаемого языка или непосредственное общение с носителем языка является рекомендуемым для всех, кто хочет действительно овладеть языком, поскольку актуальные культурные особенности приобретаются лишь в той стране, где на нем говорят [16]. В ином случае у носителей второго языка наблюдаются симптомы, схожие с теми, которые встречаются у коренных жителей, обращающихся к специалистам коррекционного профиля, а именно логопедам. Соответственно, при постановке звуков необходимо учитывать разницу звукового состава русского и английского языков. Звуки русского языка отличаются от звуков английского, поэтому при изучении одного языка не следует использовать звуки другого языка. Все согласные, гласные монофонги, дифтонги, дифтонгоиды и трифтонги должны отличаться в английском от русских звуков [17; 18].

Обучающимся рекомендовалось использовать репродуктивный метод – дословное воспроизведение речи за носителем языка (предполагалась организация очного офлайн-обучения). Хорошее подспорье для развития фонематического слуха и экспрессивной речи обучающегося – регулярная аудиозапись его высказываний и последующая корректировка произношения.

В целом для обучающегося произношение должно стать артикуляционно удобным, не вызывать серьезных затруднений и в конечном итоге достигнуть автоматизации. При выборе произношения следует избегать столь популярных в России вариантов, как общепринятое Received Pronunciation (RP) и кокни (первый акцент воспринимается носителями как излишне напыщенный и недопустимый для неносителей, а второй считается

устаревшим и неграмотным). Лучше остановить свой выбор на каком-либо местном диалекте, предпочтительно на том региональном диалекте, на котором говорит носитель языка. Целью постановки произношения является полное избавление от неестественного звучания речи. Речь обучающегося должна в точности соответствовать, по мнению носителей языка, речи носителей того же возраста и социального положения.

Также в ходе занятий со слушателями выяснилось, что при сниженном словарном запасе и отсутствии регулярной речевой практики речь специалистов комплексной реабилитации, изучающих английский язык, внешне производит впечатление речи носителей языка с признаками такого нарушения, как алалия – системное недоразвитие или полное отсутствие речи.

Для улучшения данной ситуации необходимо использовать методы и технологии, которые применяют логопеды, психологи, дефектологи для преодоления моторной алалии [19; 20], задержки психического и речевого развития, афазии, апраксии, нарушений голоса [2; 10; 11; 16], а также рекомендуемые для применения специалистами междисциплинарной команды, родственниками и ближайшим окружением лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью:

- использование невербальных средств (жесты, мимика), которые могут воспроизводиться обучающимися;
- расширение словарного запаса, в том числе профессионального, при знакомстве с текстами пособий на русском и английском языках, изданных преподавателями СПбИУВЭК;
- использование наглядных материалов (картинки, рисунки), в том числе кубиков с пиктограммами «Движение», для проведения адаптивной физкультуры, социально-средовой и социокультурной реабилитации [21]; сравнение и анализ зарубежных и отечественных разработанных технологий по АДК в психолого-педагогической абилитации и ранней помощи детям с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью [22];
- тренировка навыков коротких вопросов и ответов в ситуациях деловых игр по типу разговорный клуб, выпуск газеты для инвалидов на ясном языке с последующими рекомендациями по поддержке языка в разговорных клубах с носителями языка [23; 24];
- анализ работы электронных коммуникаторов на нескольких языках с возможностью переключения и перевода на разные языки, речевых тренажеров (GoTalk); сравнение с использованием мобильного приложения-коммуникатора Vocalipy как инструмента пререабилитации и ранней реабилитации, демонстрирующего положительные связи с психологическим благополучием и качеством жизни реабилитанта [11; 22; 25];

• просмотр учебно-методических материалов (например, на сайте *Инклюзивное образование*⁵) по английскому языку (базовый уровень) на формирование базовых знаний, умений и готовности к владению английским языком на уровне общеевропейского порогового уровня (B1), в том числе владению навыками разговорно-бытовой речи, базовой лексики, а также наиболее употребительной грамматики, характерной для устной и письменной речи повседневного общения. Курс нацелен на овладение основами устной речи и базовых навыков письма для ведения бытовой переписки, переписки по общепрофессиональным и общекультурным темам. Например, обучающимся предлагается познакомиться с презентацией «Трудоустройство. Профессии, работа и деньги»;

- чтение и аудирование и др.

Закключение

В ходе пилотного исследования выявлено, что переходить к формальному изучению языка в образовательной организации дополнительного профессионального образования целесообразно после ознакомления с алгоритмом и проведения практических упражнений, направленных на избавление от русского произношения и приобретение естественного (местного) английского диалекта. Дальнейшее формирование языковых компетенций может строиться на рекомендациях по очной и онлайн-поддержке языка для специалистов по социальной и реабилитационной работе: регулярной поддержке в рамках разговорных клубов с носителями английского языка, стажировках в дружественные

страны или страну изучаемого языка с целью профессионального и межкультурного обогащения; использовании ассистивных возможностей современных информационных технологий; изучении мобильных приложений альтернативной и дополнительной коммуникации по типу «Коммуникатор»; ознакомлении с сайтами МКФ (ICF), МКБ-11 (ICD 11) на русском и английском языках, публикациях преподавателей СПБИУВЭК или их аннотациях в журналах на английском языке. При условии соблюдения рекомендаций по диагностике языковых компетенций и организации содержания занятий с учетом профессиональных интересов возможно прогнозировать повышение мотивации на достижение уровня носителя языка у обучающихся по дополнительной программе профессионального образования в вопросах комплексной реабилитации и абилитации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Логинова Е. Т., Матвеева М. В. Новые подходы к вопросу подготовки кадров для системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов. *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2021. № 4. С. 27–36. [Loginova E. T., Matveeva M. V. New approaches to the question of training for the system of comprehensive rehabilitation and habilitation of disabled. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2021, (4): 27–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-4/03>
2. Бердникович Е. С., Орлова О. С., Уклонская Д. В. Персонифицированный подход в речевой реабилитации: фокус на пациенте. *Специальное образование*. 2022. № 1. С. 20–34. [Berdnikovich E. S., Orlova O. S., Uklonskaya D. V. Personalized approach in speech rehabilitation: focus on the patient. *Special Education*, 2022, (1): 20–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nfnlyw>
3. Ломтева Т. Н., Щёголева О. Н. Ключевые компетенции специалиста-лингвиста и способы их формирования. *Современные наукоемкие технологии*. 2004. № 6. С. 64–65. [Lomteva T. N., Shchegoleva O. N. Key competencies of a specialist-linguist and ways of their formation. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2004, (6): 64–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijmqgx>
4. Воробьева Т. И. Формирование профессиональных компетенций в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе. *Сибирский педагогический журнал*. 2015. № 1. С. 57–61. [Vorobyeva T. I. The objectives of professionally oriented language training at a technical higher education institution. *Siberian Pedagogical Journal*, 2015, (1): 57–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tktogb>
5. Мощева С. В. Формирование профессионально-ориентированной языковой компетенции (размышления о современном языковом образовании в неязыковом вузе). *Преподаватель XXI век*. 2010. № 3-1. С. 175–181.

⁵ Межецкая Г. Н., Чистякова В. В., Дунаевская Т. А., Арюхина Н. Г., Антонова З. В. Английский язык (базовый курс). *Инклюзивное образование*. URL: <https://инклюзивноеобразование.рф/материалы/192> (дата обращения: 20.01.2023).

- [Moshcheva S. V. Developing professionally oriented linguistic competence (reflections on the modern foreign language teaching in technical higher school). *Prepodavatel XXI vek*, 2010, (3-1): 175–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbsgoh>
6. Цику Л. Х., Арутюнов Э. К. Формирование компетенций в процессе обучения иностранному языку. *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 10. С. 316–317. [Tsiku L. Kh., Arutyunov E. K. Formation of competencies in the process of teaching a foreign language. *International Journal of Experimental Education*, 2014, (10): 316–317. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suepdj>
  7. Ефремцева Т. Н. Профессиональные языковые компетенции в карьере: международные стандарты и опыт. *Вестник РМАТ*. 2012. № 1. С. 58–62. [Efremtseva T. N. Professional linguistic competences in a career: international standards and experience. *Vestnik RMAT*, 2012, (1): 58–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgscjd>
  8. Лагун И. М., Кузьмина Е. Н., Ненилина Н. Г. Языковые особенности формирования предметной компетенции при обучении на довузовском этапе. *Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин*. 2019. № 1. С. 83–87. [Lagun I. M., Kuzmina E. N., Nenilina N. G. Language problems of professional competence development when teaching in pre-university stage. *Vestnik Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii v prepodavanii estestvennonauchnykh distsiplin*, 2019, (1): 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gmnnwuz>
  9. Мясагутова А. Ф., Валиуллина Г. В., Мухаметзянова Ф. Г. Развитие речевой коммуникации у детей дошкольного возраста с расстройствами аутистического спектра средствами PECS. *Казанский вестник молодых ученых*. 2019. Т. 3. № 4. С. 25–37. [Myasagutova A. F., Valiullina G. V., Mukhametzyanova F. G. The development of verbal communication in preschoolers with autism spectrum disorder means PECS. *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 2019, 3(4): 25–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmtjyf>
  10. Volkmer A., Rogalski E., Henry M., Taylor-Rubin C., Ruggero L., Khayum R., Kindell J., Gorno-Tempini M. L., Warren J. D., Rohrer J. D. Speech and language therapy approaches to managing primary progressive aphasia. *Practical Neurology*, 2020, 20(2): 154–161. <https://doi.org/10.1136/practneurol-2018-001921>
  11. Уклонская Д. В., Покровская Ю. А., Агаева В. Е. Основные направления логопедического воздействия по коррекции нейрогенной дисфагии при парезах и параличах гортани периферического генеза. *Специальное образование*. 2019. № 3. С. 92–103. [Uklonskaya D. V., Pokrovskaya Yu. A., Agaeva V. E. Logopedic intervention aimed at correction of neurogenic dysphagia in pareses and paralyses of the larynx of peripheral genesis. *Special Education*, 2019, (3): 92–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/sp19-03-07>
  12. Baus C., McAleer P., Marcoux K., Belin P., Costa A. Forming social impressions from voices in native and foreign languages. *Scientific Reports*, 2019, 9. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-36518-6>
  13. Логопедия. Методическое наследие. Кн. 2. Нарушения темпа и ритма речи: Заикание. Брадилалия. Тахилалия, под. ред. Л. С. Волковой. М.: Акад. проект, 2020. 431 с. [Speech therapy. Methodological legacy. Book 2. *Violations of the pace and rhythm of speech: Stuttering. Bradilalia. Tahilialia*, ed. Volkova L. S. Moscow: Akad. proekt, 2020, 431. (In Russ.)]
  14. Galeoto G., Polidori A. M., Spallone M., Mollica R., Berardi A., Vanacore N., Celletti C., Carlizza A., Camerota F. Evaluation of physiotherapy and speech therapy treatment in patients with apraxia: a systematic review and meta-analysis. *Clinica Terapeutica*, 2020, 171(5): e454–e465. <https://doi.org/10.7417/CT.2020.2257>
  15. Palmer R., Dimairo M., Cooper C., Enderby P., Brady M., Bowen A., Latimer N., Julious S., Cross E., Alshreef A., Harrison M., Bradley E., Witts H., Chater T. Self-managed, computerised speech and language therapy for patients with chronic aphasia post-stroke compared with usual care or attention control (Big CACTUS): a multicentre, single-blinded, randomised controlled trial. *The Lancet Neurology*, 2019, 18(9): 821–833. [https://doi.org/10.1016/S1474-4422\(19\)30192-9](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(19)30192-9)
  16. Castro S., Wodniecka Z., Timmer K. Am I truly monolingual? Exploring foreign language experiences in monolinguals. *PLoS One*, 2022, 17(3). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0265563>
  17. Каспин И. В. Английская фонетика и правила чтения для начинающих. СПб.: ВВМ, 2004. 152 с. [Kaspin I. V. *English phonetics and reading rules for beginners*. St. Petersburg: VVM, 2004, 152. (In Russ.)]
  18. Скуланова А. Ю. Английский без акцента: как самостоятельно освоить английское произношение. М.: Эксмо, 2017. 176 с. [Skulanova A. Yu. *English without an accent: how to independently master English pronunciation: a study guide*. Moscow: Eksmo, 2017, 176. (In Russ.)]
  19. Бобылова М. Ю., Капустина А. А., Браудо Т. А., Абрамов М. О., Клепиков Н. И., Панфилова Е. В. Моторная и сенсорная алалия: сложности диагностики. *Русский журнал детской неврологии*. 2017. Т. 12. № 4. С. 32–42. [Bobylova M. Yu., Kapustina A. A., Braudo T. A., Abramov M. O., Klepikov N. I., Panfilova E. V. Motor and sensory alalia: diagnostic difficulties. *Russkiy zhurnal detskoy nevrologii*, 2017, 12(4): 32–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17650/2073-8803-2017-12-4-32-42>

20. Ковшиков В. А. Экспрессивная алалия и методы ее преодоления. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: КАРО, 2018. 304 с. [Kovshikov V. A. *Expressive alalia and methods of overcoming it*. 4th ed. St. Petersburg: KARO, 2018, 304. (In Russ.)]
21. Вечканова И. Г., Жукова А. Е., Юрченко Т. И. Игровые технологии физкультурно-оздоровительной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья: кубики «Движение». СПб.: АЛЬМА, 2022. 104 с. [Vechkanova I. G., Zhukova A. E., Yurchenko T. I. *Game technologies for physical culture and health-improving activities of children with disabilities: cubes "Movement"*. St. Petersburg: ALMA, 2022, 104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlvwyc>
22. Методические рекомендации по созданию специальных условий для организации образования воспитанников детских домов-интернатов системы социальной защиты, в том числе в рамках инклюзивного образования, авт.-сост.: Е. А. Романова, О. В. Зоводилкина, О. В. Караневская, А. К. Фадина, М. Г. Попова; науч. ред. А. М. Царёв. Псков: ФРЦ ИН ТМНР, 2019. 224 с. [*Guidelines for the creation of special conditions for the organization of education for children in orphanages-boarding schools of the social protection system, including within the framework of inclusive education*, authors and comps. Romanova E. A., Zavidilkina O. V., Karanevskaya O. V., Fedina A. K., Popova M. G.; ed. Tsarev A. M. Pskov: FRTs IN TMNR, 2019, 224. (In Russ.)]
23. Малышева Е. Б., Окерешко А. В. Роли преподавателя иностранного языка для студентов лингвострановедческих специальностей. *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2017. Т. 6. № 21. С. 67–74. [Malysheva E. B., Okereshko A. V. Roles of foreign language teacher for students majoring in linguistic and cultural studies. *Teaching Methodology in Higher Education*, 2017, 6(21): 67–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18720/HUM/ISSN2227-8591.21.7>
24. Горджеладзе Л. В. Развитие навыка говорения на английском языке с помощью посещения разговорного клуба. *Молодой ученый*. 2023. № 2. С. 447–449. [Gordzheladze L. V. Development of speaking skills in English by visiting a conversation club. *Molodoi uchenyi*, 2023, (2): 447–449. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xlvtpw>
25. Методические рекомендации по использованию альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) в стационарных учреждениях социального обслуживания, под ред. О. В. Караневской. М.: Теревинф, 2022. 252 с. [*Guidelines for the use of alternative and augmentative communication (AAC) in stationary social service institutions*, ed. Karanevskaya O. V. Moscow: Terevinf, 2022, 252. (In Russ.)]

оригинальная статья

Формирование грамматических навыков корейского языка как второго иностранного на основе технологии учебных станций у будущих учителей иностранного языка

Ларионова Ирина Юрьевна

Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, Казахстан, Усть-Каменогорск
cotedazur.riviera@mail.ru

Поступила в редакцию 10.03.2023. Принята после рецензирования 09.04.2023. Принята в печать 13.04.2023.

Аннотация: Представлена технология организации занятий по корейскому языку как второму иностранному на основе учебных станций (station rotation teaching). Охарактеризованы преимущества технологии: возможность каждой группы работать в своем режиме и самостоятельно определять маршрут выполнения заданий; возможность пользоваться различными источниками информации и самостоятельно оценивать свою работу, брать ответственность за собственное обучение. Предмет исследования – обучение грамматике корейского языка на основе технологии учебных станций в условиях вуза. Цель – теоретическое обоснование и методическое обеспечение процесса обучения грамматике корейского языка на основе технологии учебных станций. В качестве основных методов исследования используются собеседование, тестирование и наблюдение. Описаны организация экспериментального обучения корейской грамматике и этапы работы в рамках технологии учебных станций в группах студентов, изучающих корейский язык как второй иностранный в Восточно-Казахстанском университете имени Сарсена Аманжолова, приведены образцы заданий для каждого этапа. Для определения эффективности обучения проведена соответствующая диагностика на основе разработанных автором заданий. При организации обучения на основе технологии учебных станций учитывается специфика преподавания корейской грамматики русскоязычным студентам: сложность различения способов выражения цели с дальнейшей спецификацией, невозможность представления грамматических форм при помощи их перевода на русский язык (например, грамматические формы, одинаково переводящиеся на русский язык, но по-разному используемые в корейском языке), сложность применения грамматических форм косвенной речи на основе придаточного цитации и т. д. На основании результатов, свидетельствующих о положительной динамике развития грамматических навыков у обучающихся, доказана эффективность использования технологии учебных станций для формирования грамматических навыков корейского языка и самостоятельного получения грамматических знаний.

Ключевые слова: грамматические навыки, корейский язык, подготовка учителей иностранного языка, технология учебных станций, второй иностранный язык, автономное обучение

Цитирование: Ларионова И. Ю. Формирование грамматических навыков корейского языка как второго иностранного на основе технологии учебных станций у будущих учителей иностранного языка. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 169–177. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-169-177>

full article

Station Rotation Teaching Korean Grammar to Potential Foreign Language Teachers

Irina Yu. Larionova

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk
cotedazur.riviera@mail.ru

Received 10 Mar 2023. Accepted after peer review 9 Apr 2023. Accepted for publication 13 Apr 2023.

Abstract: In this article, the author presents the technology of organizing classes in Korean as a second foreign language based on the method of station rotation teaching. According to the method, the class is divided into independent groups with independent learning paths, information sources, and assessment. As a result, students take responsibility for their own learning. The research objective was to substantiate and provide methodological support

for the process of teaching Korean grammar based on the technology of training stations. The list of research methods included interview, testing, and observation. The experiment featured students who studied Korean as a second foreign language at the East Kazakhstan University. The article describes the learning path and provides sample tasks for each stage. The effectiveness was tested using some diagnostic tools and five-point scale evaluation criteria developed by the author. The experiment considered some specifics of teaching Korean grammar to Russian-speaking students. For instance, the Korean language knows a variety of ways to express a goal with further specification; it is impossible to explain grammatical forms by translating them into Russian; grammatical forms of indirect speech are based on subordinate citation, etc. The assessment showed definite positive results in the development of grammatical skills. The method of station rotation teaching proved effective in teaching Korean grammar to university students and self-acquisition of grammatical knowledge.

Keywords: grammar skills, the Korean language, foreign language teacher training, station rotation teaching, second foreign language, autonomous learning

Citation: Larionova I. Yu. Station Rotation Teaching Korean Grammar to Potential Foreign Language Teachers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 169–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-169-177>

Введение

Система современного профессионального иноязычного образования в вузе ставит перед профессорско-преподавательским составом задачу организации учебной деятельности, которая способствовала бы развитию у студентов профессиональных учебных умений, соответствующих их индивидуально-личностным особенностям [1–3]. Учебная деятельность в профессиональном языковом образовании основывается на системно-деятельностном подходе [4]. Особое внимание исследователи уделяют мотивационно-ценностному компоненту в структуре системно-деятельностного подхода при обучении иностранному языку [5–7]. На вузовских занятиях по иностранному достаточно эффективно показывает себя групповая работа, направленная на формирование у обучающихся учебной профессиональной коммуникативной деятельности [8–10].

Одной из разновидностей групповых технологий является технология учебных станций, в основе которой лежит ориентация образовательного процесса на личность обучающегося, предоставление ему большей свободы выбора и максимальной самостоятельности [11–17]. В условиях профессионального языкового образования технология учебных станций способствует достаточно быстрому развитию языковых навыков и речевых умений [12–14; 16; 17]. Кроме того, студентам нравится сам процесс обучения, они более мотивированы на учебу в таком формате по сравнению с условиями стандартного формата обучения [16]. Обучение на основе технологии учебных станций эффективно при работе с обучающимися с особыми образовательными потребностями и обучающимися, испытывающими затруднения. Технология учебных станций позволяет преподавателям передать управление обучением в группе сильным обучающимся,

предоставляя тем самым педагогу дополнительное время для работы в группах, которые требуют большего внимания, особенно при работе в группах обучающихся с разными уровнями языковой компетенции [14–16].

Методы и материалы

Технология учебных станций (*station rotation teaching*¹) является одной из разновидностей автономной работы – это достаточно гибкая стратегия преподавания, которая расширяет профессиональные навыки преподавателя и повышает эффективность обучения [22]. Данная технология требует специфических стратегий управления группой, точного соблюдения временных рамок и продуманной связи между оформлением содержания каждой станции и целью обучения. В условиях высшего образования технология позволяет дифференцировать и персонализировать обучение для студентов, удовлетворить их потребности и снизить нагрузку [14].

Ключевым моментом в организации обучения на основе технологии учебных станций является планирование: преподавателю необходимо иметь четкое представление о том, что обучающиеся должны делать на каждой станции, что каждая станция должна дать обучающимся. Отличительная характеристика такого обучения – опора на модель расширенной поддержки и поэтапного переложения ответственности за результаты обучения на самих обучающихся [23]. Занятия, основанные на технологии учебных станций, имеют ряд преимуществ при организации совместной учебной деятельности студентов, например возможность работы каждой группы в своем режиме [14].

Технология учебных станций достаточно эффективна для формирования грамматических навыков по иностранному языку, в нашем случае – корейскому языку как второму иностранному. Например,

¹ Подробнее о технологии ротационной модели метода смешанного обучения см. [18–21].

при изучении темы «Окончание настоящего времени глагола в различных стилях вежливости» на уроке закрепления грамматического материала названия станций можно сформулировать на основе ведущего вида деятельности.

Станция Упражнения. Правило: глагольное окончание вежливо-неофициальной формы настоящего времени -아/어요 употребляется для выражения различных типов высказываний (утверждений, приказаний, приглашений, вопросов преимущественно в разговорной речи). Если основа глагола или прилагательного оканчивается на -ㅏ или -ㅓ, то присоединяется -아요, в остальных случаях присоединяется -어요. Если оканчивается на -하-, то присоединяется -해요 [24, с. 73]. При составлении упражнений для закрепления данной темы необходимо учитывать специфику обучения корейской грамматике русскоязычных студентов, согласно которой введение в речевой обиход личных местоимений *он, она* (그, 그녀) представляет сложность для усвоения (в случае, если женщина – старше и является уважаемым лицом, в письменной речи в отношении нее употребляется местоимение *он, а не она* [25, с. 183]). Данный аспект следует учитывать при разработке критериев оценки за выполнение подобных заданий. Пример:

- Перепишите текст в вежливом стиле, используя вместо слова *저는*, слово *дедушка* или *бабушка*. Сделайте все необходимые изменения: используйте соответствующие падежные частицы, особые вежливые слова и суффиксы вежливости (почтительности): *저는 과일을 좋아합니다. 저는 사과와 배를 사고 싶었습니다. 백화점은 값이 비싸니까 마트에 갔습니다. 마트도 값이 좀 비쌌습니다. 저는 시장에 갔습니다. 시장은 물건 값이 쌌습니다. 저는 시장에서 사과와 배를 샀습니다.*

Станция Все, что вы знаете. Станция содержит задания на воспроизведение правила, тренировочное упражнение на активную грамматику, текст, где используется активная грамматика. Сложность выполнения заданий также обусловлена спецификой обучения корейской грамматике русскоязычных студентов: например, суффикс -겠-, которому студенты часто приписывают значение будущего времени при подлежащем, выраженным первым лицом, на основании примеров предложений со сказуемым, содержащим данный суффикс, переводится на русский язык глаголом, стоящим в будущем времени, тогда как, например, слово *알겠습니다*, содержащее данный суффикс, означает *да, я вас понимаю* и не только не означает будущее время, но и не переводится будущим временем [25, с. 185]. Пример:

- Перепишите текст в будущем времени. Сделайте все необходимые изменения: *저는 어제 바다에 갔어요. 바다에는 사람이 많았어요. 바다는 깨끗하고 아름다웠어요. 공기도 좋았어요.*

Станция Грамматические навыки в устной речи. Преподавателю необходимо назначить роли: кто из студентов будет выступать в роли слушателя или партнера-собеседника на станции. Примеры:

- Расскажите на корейском языке, как проводит свой день Ваш папа, как проводит свой день Ваша младшая сестренка.
- Написать на корейском языке рассказ «День моего друга» (*내 친구의 날*) (7–10 предложений) в двух вариантах: официально-вежливом и неофициально-вежливом. Одному обучающемуся – представить рассказ (либо преподавателю, либо группе) в официально-вежливом стиле, а второму – в неофициально-вежливом стиле.

Перед началом работы каждой группе выдается маршрутный лист, где указано максимальное количество баллов за каждое задание.

В рамках экспериментальной работы технология учебных станций использовалась для организации занятий по корейскому языку как второму иностранному в течение 7 недель (половина семестра). Обучение корейской грамматике было организовано в группах студентов второго курса ($n = 23$), обучающихся по образовательной программе «Иностранный язык: два иностранных языка» в Восточно-Казахстанском университете имени Сарсена Аманжолова и изучающих корейский язык на протяжении года (двух учебных семестров). На протяжении всего курса обучения группа корейского языка (второй иностранный язык) изучает корейский в рамках нескольких соответствующих дисциплин: Иностранный язык (второй) (корейский); Бизнес-курс второго иностранного языка; Практический курс второго иностранного языка. Уровень языковой подготовки данной группы был определен как А1 (элементарное владение).

Подготовка и предварительная работа включала планирование дифференциации деятельности в рамках каждой станции: был установлен уровень сложности заданий (несложные – базовый грамматический навык, среднего уровня сложности – грамматический навык, сформированный на среднем уровне, повышенного уровня сложности – расширенный грамматический навык), с учетом уровней сложности сформированы пакеты заданий для каждой станции.

В учебной группе были студенты с разными уровнями сформированности грамматических навыков, поэтому продвинутые обучающиеся могли помочь студентам, у которых грамматические навыки сформированы на более низком уровне. Время адаптации к работе по станциям у студентов различно, т. к. в силу разного уровня подготовки, фоновых знаний и мотивации студенты двигаются с разной скоростью. Технология учебных станций не предполагает автоматического уравнивания скорости адаптации студентов, но преподаватель может организовывать, настраивать

станции, устанавливать лимит времени, ставить задачи для каждой конкретной станции, чтобы замедлять одних студентов и ускорять других.

С опорой на разработанный план было организовано обучение грамматике в несколько этапов:

Этап 1. Цель – ознакомить студентов с новой грамматической темой. Основные стратегии преподавания и обучения: размышления вслух, моделирование, концептуальное картирование. На первой станции вводилось новое содержание, работа велась для всей учебной группы во фронтальном формате.

Этап 2. Цель – оказать непосредственную поддержку обучающимся, когда они начали экспериментировать с новым содержанием, т.е. новой грамматической темой. Полезными стратегиями преподавания и обучения были ребусы и кроссворды, составление вопросов и ответы на вопросы, самостоятельное исследование, эмоциональный / когнитивный коучинг. На второй станции обучающиеся начали применять введенные грамматические знания, превращая их в навык. Такая работа проводилась в парах, индивидуально и в смешанной форме, когда некоторые обучающиеся работали в парах, а некоторые – индивидуально (в зависимости от способностей, подготовки и потребностей).

Этап 3. Цель – повысить грамматическую беглость / автономию обучающихся с помощью нового грамматического контента, основанного на индивидуальных потребностях в обучении. Формами преподавания и обучения являлись конференции, семинары, дифференциация, дробление на фрагменты. Обучающиеся продолжали применять и развивать грамматические навыки в небольших группах, где обеспечивалась своевременная индивидуальная обратная связь. На третьей станции формировалась персонализация обучения и выстраивалась поддержка (scaffolding) [4]. Одним обучающимся потребовалась эмоциональная поддержка, а другим оказалось полезно разбить поставленную задачу на более мелкие этапы. Для более глубокого понимания новой грамматической темы одним студентам потребовалось переформулировать какое-то грамматическое правило или понятие, в то время как для других эффективным инструментом, своего рода триггером, был подходящий партнер. Степень сформированности грамматических навыков можно было косвенно определить и по готовности перейти с этой станции на следующую. Некоторым обучающимся потребовалось вернуться на предыдущую станцию.

Этап 4. Цель – освоить проблемную тему / навыки, конкретизировать персонализацию, настроить темп работы в зависимости от лимита времени на основе данных по выполнению заданий на предыдущей станции. Работа на четвертой станции предусматривала элементы творчества. Однако, как показала практика, часть более медленных студентов так и не перешли на эту станцию, а часть обучающихся провели на этой

станции достаточно много времени, разъясняя материал другим студентам, закрепляя и расширяя свои знания грамматики посредством структурированных учебных действий.

Результаты

С целью измерения эффективности технологии учебных станций в работе над грамматическим материалом по корейскому языку была организована процедура диагностики. Диагностика сформированности грамматических навыков осуществлялась до и после проведения экспериментального обучения. Задания были однотипными, однако их содержание до и после проведения обучения варьировалось по сложности: до обучения предлагались задания невысокого уровня сложности, а после – среднего и высокого уровня сложности.

Этапы процедуры диагностики сформированности грамматических навыков:

- Предварительное собеседование.

Цель – установить контакт с обучающимися, определить степень их контактности, активности, элементарных знаний грамматических структур корейского языка.

Примерные вопросы: В каком университете ты учишься, по какой образовательной программе? (이름이 뭐예요? 어느 대학에서 어떤 교육 프로그램을 공부합니까?); Какое число, месяц и год сегодня? (오늘은 무슨 일, 월, 년도입니까?); Какая погода сегодня на улице? (오늘 바깥 날씨는 어떤가요?); Какое время года сейчас? (지금은 무슨 계절인가요?).

При организации собеседования мы учитывали специфику обучения корейской грамматике русскоязычных обучающихся, согласно которой в парах предложенный вопрос – ответ, например, *Как Вас зовут?* (이름이 뭐예요?) – *Меня зовут Аружан*, грамматическая форма косвенной речи на основе придаточного цитируется (*меня зовут – 아루잔이라고 합니다*), как правило, вытесняется фразами *Я – Аружан*, *Мое имя – Аружан* (이름은 아루잔이에요). Данный аспект принимался во внимание при разработке критерия оценки за это задание.

- Основная часть (8 заданий):

1. Цель – изучить уровень сформированности навыка преобразования глаголов в разных степенях вежливости. Наглядный материал – девять сюжетных картинок. Обучающимся было предложено ответить на вопросы по типу *Что делает...?* в виде завершенного предложения, используя соответствующую форму глагола в верном стиле вежливости. От студентов ожидалось такие ответы: *Человек подходит к дому* (남자가 집에 옵니다), *Люди выходят из дома* (사람들이 집을 나가갑니다), *Семья входит в дом* (가족이 집에 들어갑니다), *Старик переходит дорогу* (노인이 길을 건너십니다), *Кот слезает с дерева* (고양이가 나무에서 올라), *Мама*

обувает ребенка (어머니 아이에게 신발을 입습니다), *Девушка обувается* (소녀는 신발을 입어요), *Бабушка причесывает внука* (그녀의 손자를 빗질하시는 할머니입니다), *Женщина причесывается перед зеркалом* (여자는 거울 앞에서 머리를 빗습니다).

Критерии оценок: 5 баллов – 8–9 верных ответов, 4 балла – 6–7 верных ответов, 3 балла – 4–5 верных ответов, 2 балла – 2–3 верных ответа, 1 балл – 0–1 верный ответ.

2. Цель – изучить уровень сформированности навыка образования существительных от прилагательных и глаголов с помощью суффиксов (-ㅁ/음-, -기-, -자-, -사-, -꾼-). Студентам предлагалось образовать существительные от пяти глаголов и прилагательных: *такой* (그렇다), *открывать* (열다), *скапливаться* (보행하다), *готовить (еду)* (요리하다), *работать* (일하다).

Критерии оценок: 5 баллов – 4–5 верных ответов, 4 балла – 3 верных ответа, 3 балла – 2 верных ответа, 2 балла – 1 верный ответ, 1 балл – 0 верных ответов.

3. Цель – изучить уровень сформированности навыка образования прилагательных в функции определения при помощи суффиксов (~ㄴ/은). Обучающимся было предложено образовать конструкцию *прилагательное + существительное*, трансформировав пять предложений: *Если на улице светит солнце, то такой день называется...* (солнечный день – 맑은 날), *Лодка большого размера, значит это...* (большая лодка – 큰 배), *Если еда стоит дорого, то это...* (дорогая еда – 비싼 음식), *Если вещь стоит дешево, то это...* (дешевая вещь – 싼 것), *Если мужчина невысокого роста, то это...* (невысокий мужчина – 작은 남자). Критерии оценок: 5 баллов – 4–5 верных ответов, 4 балла – 3 верных ответа, 3 балла – 2 верных ответа, 2 балла – 1 верный ответ, 1 балл – 0 верных ответов.

4. Цель – изучить уровень сформированности навыка использования существительных с количественными числительными и со счетными словами (별, 권, 장, 대). Была поставлена задача перевести четыре короткие фразы с русского на корейский язык: *три костюма* (정장을 3벌), *две книги* (책 2권), *два авиабилета* (비행기표 2장), *четыре машины* (자동차 4대).

Критерии оценок: 5 баллов – 4 верных ответа, 4 балла – 3 верных ответа, 3 балла – 2 верных ответа, 2 балла – 1 верный ответ, 1 балл – 0 верных ответов.

5. Цель – изучить уровень сформированности навыка употребления конструкций с предлогами (위, 아래 / 밑, 앞, 뒤, 옆 / 곁, 오른쪽, 왼쪽, 안 / 속 / 내, 밖, 가운데, 중, 사이). Обучающимся предлагалось рассмотреть двенадцать картинок и сказать,

где находятся изображенные на них предметы, здания и люди: *на тумбочке* (위층 탁자 위에), *под столом* (테이블 아래에), *перед шкафом* (옷장 앞에서), *за банком* (은행 뒤), *рядом со зданием* (건물 옆에), *справа от лестницы* (계단 오른쪽으로), *слева от зеркала* (거울 왼쪽으로), *в бассейне* (수영장 내부), *на улице, снаружи* (밖에서), *посередине коридора* (복도 중간), *среди одноклассников* (급우들 사이에서), *между школой и магазином* (학교와 가게 사이).

Критерии оценок: 5 баллов – 8–12 верных ответов, 4 балла – 6–7 верных ответов, 3 балла – 4–5 верных ответов, 2 балла – 2–3 верных ответа, 1 балл – 0–1 верный ответ.

6. Цель – изучить уровень сформированности навыка использования существительных единственного и множественного числа с косвенными падежами. Студенты должны были рассмотреть шесть картинок и ответить на вопросы: *Кому они отдали это письмо?*; *Кому этот студент дал словарь?*; *Чем кушают кимбап?*; *Чем черпают воду?*; *О чем думает учитель?*; *О чем думает студент?* Ожидаемые ответы: *Это письмо отдали дедушке* (이 편지는 할아버지에게 전해졌습니다), *Студент дал словарь однокурснику* (한 학생이 급우에게 사전을 주었다), *Кимбап кушают палочками* (김밥은 젓가락으로 먹는다), *Воду черпают кувшином* (주전자에 물을 떠서합니다), *Учитель думает о лекции* (선생님은 강의에 대해 생각합니다), *Студент думает о путешествии* (학생은 여행에 대해 생각합니다).

Критерии оценок: 5 баллов – 6 верных ответов, 4 балла – 5 верных ответов, 3 балла – 4 верных ответа, 2 балла – 2–3 верных ответа, 1 балл – 0–1 верный ответ.

7. Цель – изучить уровень сформированности навыка понимания и использования грамматических структур в коротких предложениях. Обучающимся предлагалось указывать на картинки, соответствующие произносимым нами фразам, и далее повторять эти шесть фраз по-корейски самостоятельно: *девушка работает в банке* (그 소녀는 은행에서 일한다), *мама отводит ребенка в детский сад* (어머니는 아이를 유치원에 데려간다), *дети бегают друг за другом* (아이들은 서로 뒤쫓는다), *мужчина бежит за автобусом* (버스를 따라 달리는 남자), *студент позавтракал, прежде чем пошел в университет* (그 학생은 대학에 가기 전에 아침을 먹었다), *зеркало стоит между кроватью и окном* (침대와 창문 사이에 거울이 있습니다).

Критерии оценок: 5 баллов – 6 верных ответов, 4 балла – 5 верных ответов, 3 балла – 4 верных ответа, 2 балла – 2–3 верных ответа, 1 балл – 0–1 верный ответ.

8. Цель – изучить уровень сформированности навыка построения грамматически верных предложений. Обучающимся предлагалось закончить шесть предложений: *Первокурсники поедут летом за границу, если...* (신입생 여름방학이면 해외로...), *Сегодня мы все собрались в актовом зале, потому что...* (오늘 우리는 모두 강당에 모였습니다 왜냐하면...), *Мы приходим в университет, когда...* (우리는 대학에 오면...), *Покупатель достает деньги для того, чтобы...* (구매자는 돈을 받기 위해...), *Мама любит читать в саду, где...* (엄마는 정원에서 책 읽는 것을 좋아하는데...), *Я пишу лекции, которые...* (내가 쓰는 강의는...).

Критерии оценок: 5 баллов – 6 верных ответов, 4 балла – 5 верных ответов, 3 балла – 4 верных ответа, 2 балла – 2–3 верных ответа, 1 балл – 0–1 верный ответ.

По результатам анализа у студентов отмечена положительная динамика развития навыков грамматики корейского языка (рис.). До проведения экспериментального обучения средний показатель за выполнение предложенных заданий составлял 3,56 балла, после – 4,48 балла. До проведения экспериментального обучения самое высокое количество баллов обучающиеся набрали за выполнение задания 4, направленного на использование существительных со счетными словами и количественными числительными: средний балл – 4,5. Слабее всего у студентов оказались сформированы навыки употребления существительных единственного и множественного числа с косвенными падежами (задание 6): средний балл – 2,5. Результаты собеседования также

показали положительную динамику: до проведения экспериментального обучения средний показатель у обучающихся составлял 4,3 балла, после – 4,9 балла. Таким образом, в результате использования технологии учебных станций в процессе обучения грамматике мы убедились в ее эффективности для формирования навыков самоорганизации и самостоятельного получения грамматических знаний испытуемых.

Заклучение

По итогам экспериментальной работы выявлено, что обучение на основе технологии учебных станций расширяет профессиональные навыки преподавателя и повышает эффективность обучения. Данный подход требует специфических стратегий управления группой, точного соблюдения временных рамок и продуманной связи между оформлением содержания каждой станции и целью обучения.

Экспериментальное обучение было организовано в виде учебных станций, предполагающих выполнение упражнений на преобразование глаголов в разных степенях вежливости, образование существительных от прилагательных и глаголов с помощью суффиксов, образование прилагательных в функции определения при помощи суффиксов, использование существительных с количественными числительными и со счетными словами, употребление конструкции с предложениями, употребление существительных единственного и множественного числа с косвенными падежами, понимание и использование грамматических структур в коротких предложениях, построение грамматически верных предложений.

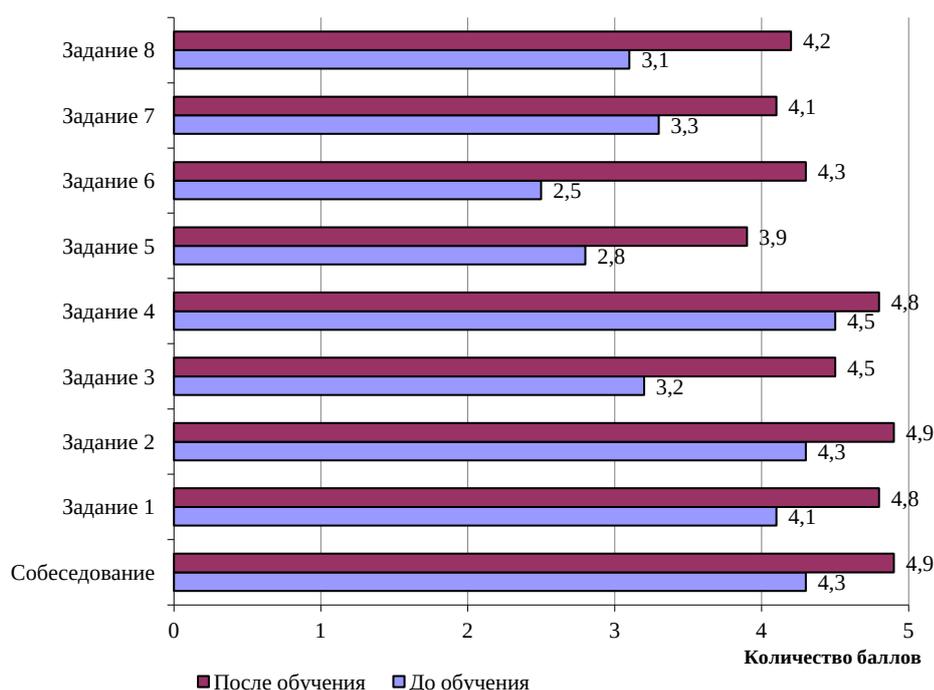

Рис. Результаты обучения корейской грамматике на основе станций
 Fig. Korean grammar by station rotation teaching: assessment results

С целью измерения эффективности обучения в работе над грамматическим материалом по корейскому языку была организована процедура диагностики, которая осуществлялась до и после проведения нами экспериментального обучения. Содержание заданий до и после обучения варьировалось по сложности: до предлагались задания невысокого уровня сложности, а после – среднего и высокого.

Определены организационные трудности:

- 1) при разработке заданий необходимо было учитывать специфику обучения корейской грамматике русскоязычных студентов;
- 2) работа по станциям занимает достаточно много времени, практически весь урок, поэтому не хватало времени контролировать все группы;
- 3) было достаточно сложно оценить индивидуальный вклад каждого студента в общую работу;
- 4) разная языковая подготовка обучающихся (обучающиеся с более высоким уровнем владения корейским языком раньше выполняли задания и иногда подсказывали другим студентам; сильные обучающиеся сами отвечали на все задания, давая возможность не работать остальным студентам).

Систематическое применение технологии учебных станций на занятиях по корейскому языку как второму иностранному на протяжении семи недель позволило

оценить возможности использования ресурса обучающихся с высоким уровнем языковой компетенции для взаимообучения в группе. Таким образом, обучение на основе данной технологии представляется эффективным для формирования грамматических навыков по корейскому языку в условиях вуза.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования заключаются в том, что сконструирована модель организации обучения грамматике корейского языка на основе технологии учебных станций. Практическая значимость – в разработке и апробировании в образовательном процессе вуза методики по диагностике сформированности грамматических навыков корейского языка, а также в конструировании и внедрении в учебный процесс вуза практических заданий. Результаты могут быть применены в процессе подготовки преподавателей иностранного языка в вузах и на курсах повышения квалификации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Гальскова Н. Д. Современная образовательная модель в области иностранных языков: структура и содержание. *Иностранные языки в школе*. 2015. № 8. С. 2–8. [Galskova N. D. Modern model of foreign language education: structure and content. *Inostrannye iazyki v shkole*, 2015, (8): 2–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ulegysz>
2. Алехин И. А., Климович А. Т., Овсянникова О. А., Пустозеров А. И. Технологии профессионально ориентированного обучения. М.: РИО Российской таможенной академии, 2016. 156 с. [Alekhin I. A., Klimovich A. T., Ovsyannikova O. A., Pustozеров A. I. *Technologies of professionally oriented education*. Moscow: Russian Customs Academy, 2016, 156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yifonf>
3. Быстрой Е. Б., Бароненко Е. А., Райсвих Ю. А., Штыкова Т. В. Коммуникативное взаимодействие в процессе подготовки бакалавров педагогического образования: аксиологический подход. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2017. № 7. С. 30–35. [Bystray E. B., Baronenko E. A., Raisvich Ju. A., Shtykova T. V. Communicative interaction in the process of preparing bachelors of education: axiological approach. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (7): 30–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqjigf>
4. Быстрой Е. Б., Мухаметшина О. В. Актуализация профессионального контекста ситуативной направленности как одно из условий подготовки будущих учителей к межкультурному общению. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016. № 5. С. 24–29. [Bystray E. B., Mukhametshina O. V. Updating of the situation orientated professional context as a condition of training future teachers for cross-cultural communication. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (5): 24–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whpqrq>
5. Кубеева М. А. Роль мотивации в повышении интереса к урокам английского языка. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2. С. 134–137. [Kubeeva M. A. Motivation role in increase in interest in English lessons. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(2): 134–137. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xulgvv>
6. Минеева О. А., Колдина М. И. Особенности мотивации студентов нелингвистических специальностей к изучению иностранного языка. *Карельский научный журнал*. 2018. Т. 7. № 3. С. 17–20. [Mineeva O. A., Koldina M. I. Peculiarities of non-linguistics students' motivation for learning a foreign language. *Karelian Scientific Journal*, 2018, 7(3): 17–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkxtvr>

7. Минеева О. А., Оладышкина А. А., Клопова Ю. В. Способы повышения мотивации студентов к изучению английского языка. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1. С. 125–128. [Mineeva O. A., Oladyshkina A. A., Klopova Yu. V. The ways of increasing students' motivation in learning the English language. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(1): 125–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytxpte>
8. Антипова И. А., Сидорова О. Ю. Методика обучения использованию научной речи курсантов военного вуза на занятиях по русскому языку как иностранному. *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 5. № 6. С. 738–745. [Antipova I. A., Sidorova O. Yu. Methodology of teaching the Russian scientific speech to foreign military students. *Pedagogy. Theory & Practice*, 2020, 5(6): 738–745. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/ped200160>
9. Белова Л. А., Слабышева А. В. Создание условий для реализации коммуникации на уроке иностранного языка. *Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования*, под ред. Л. С. Зникиной. Кемерово: КузГТУ, 2017. С. 37–41. [Belova L. A., Slabysheva A. V. Creating the conditions for the implementation of communication in foreign language lesson. *Theoretical and applied aspects of linguistic education*, ed. Znikina L. S. Kemerovo: KuzSTU, 2017, 37–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yozxfx>
10. Жолтикова Н. В. Обучение в сотрудничестве на уроках английского языка как средство формирования коммуникативной компетенции. *Концепт*. 2014. № 2. С. 136–140. [Zholtikova N. V. Cooperative learning in the classroom of English as a means of formation of communicative competence. *Koncept*, 2014, (2): 136–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/seffcf>
11. Мосина М. А., Канцур А. Г. Обучение по станциям – технология организации автономного учения студентов в аудиторной и внеаудиторной деятельности. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. 2016. № 2-2. С. 29–36. [Mosina M. A., Kantsur A. G. Educational learning stations as a technology of autonomous learning. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2016, (2-2): 29–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xwvtf>
12. Нельзина Е. Н. Обучение «по станциям» на раннем этапе овладения иностранным языком. *Начальная школа плюс До и После*. 2004. № 5. С. 31–34. [Nelzina E. N. Training "by stations" at an early stage of mastering a foreign language. *Nachalnaia shkola plus Do i Posle*, 2004, (5): 31–34. (In Russ.)]
13. Плотникова Н. Н. Обучение по «станциям» как одна из эффективных форм организации образовательной деятельности на уроках иностранного языка в начальной школе. *Язык и культура*. 2015. № 1. С. 122–130. [Plotnikova N. N. Training on stations is one of the most effective organizing forms of educational activity for teaching of English in primary school. *Language and Culture*, 2015, (1): 122–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/29/13>
14. Савоничева Г. А. Технология «Обучение по станциям» в образовательном процессе по иностранному языку. Образовательный потенциал. *Перспективные направления дошкольного образования: опыт, проблемы, пути развития*: II Междунар. науч.-практ. конф. и IV Междунар. форум. (Чебоксары, 24 декабря 2014 г. – 2 февраля 2017 г.) Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2017. С. 31–33. [Savonicheva G. A. The technology of station rotation teaching a foreign language. Educational potential. *Promising directions of preschool education: experience, problems, and development*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf. and IV Intern. Forum, Cheboksary, 24 Dec 2014 – 2 Feb 2017. Cheboksary: Ekspertno-metodicheskii tsentr, 2017, 31–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygyrgh>
15. Василенко Т. В. Обучение на станциях. *Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам*: 5 Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та. (Минск, 28 октября 2011 г.) Минск: БГУ, 2011. С. 110. [Vasilenko T. V. Station training. *Intercultural communication and vocational-oriented teaching of foreign languages*: Proc. 5 Intern. Sci. Conf., dedicated to the 90th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, 28 Oct 2011. Minsk: BSU, 2011, 110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udaevl>
16. Чернявский А. А. Обучение на «станциях» как инновационная методика обучения иностранным языкам. *Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам*: 5 Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та. (Минск, 28 октября 2011 г.) Минск: БГУ, 2011. С. 129. [Tcharniauski A. A. Station rotation as an innovative method of teaching foreign languages. *Intercultural communication and vocational-oriented teaching of foreign languages*: Proc. 5 Intern. Sci. Conf., dedicated to the 90th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, 28 Oct 2011. Minsk: BSU, 2011, 129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udaevl>
17. Вишленкова С. Г. Обучение на «станциях» как форма организации занятия по домашнему чтению на языковых факультетах. *Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков*: V Междунар.

- науч.-практ. конф. (Саранск, 10 ноября 2015 г.) Саранск: МГПИ, 2015. С. 60–67. [Vishlenkova S. G. Teaching at "stations" as the form of the class activity at house reading lessons at language faculties. *Actual problems of Germanic studies and foreign language teaching methodology*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf., Saransk, 10 Nov 2015. Saransk: MSPI, 2015, 60–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whnvgf>
18. Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология. *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 5. С. 44–64. [Blinov V. I., Esenina E. Yu., Sergeev I. S. Models of blended learning: organizational and didactic typology. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2021, 30(5): 44–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64>
19. Розанова Я. В. Технология ротационной модели метода смешанного обучения в неязыковом вузе. *Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit*. 2014. № 2. С. 70–76. [Rozanova Ya. V. The technology of rotation model of mixed learning method in engineering institution. *Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri Magister Dixit*, 2014, (2): 70–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ssgfhf>
20. Семенова И. Н., Слепухин А. В. Дидактический конструктор для проектирования моделей электронного, дистанционного и смешанного обучения в вузе. *Педагогическое образование в России*. 2014. № 8. С. 68–74. [Semenova I. N., Slepukhin A. V. Didactic constructor for producing the models of e-learning, distance and blended learning in higher education. *Pedagogical Education in Russia*, 2014, (8): 68–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snjvkd>
21. Андреева Н. В., Рождественская Л. В., Ярмахов Б. Б. Шаг школы в смешанное обучение. М.: Национальная Открытая Школа; #EdCrunch; Рыбаков Фонд, 2016. 280 с. [Andreeva N. V., Rozhdestvenskaya L. V., Yarmakhov B. B. *School enters the blended learning*. Moscow: Natsionalnaia Otkrytaia Shkola; #EdCrunch; Rybakov Fond, 2016, 280. (In Russ.)]
22. Маргарян Т. Д. Формы автономного обучения в техническом вузе в группах ESP (английский для специальных целей). *Гуманитарный вестник*. 2014. № 2. [Margaryan T. D. Autonomous learning in ESP groups at a technical university. *Gumanitarny vestnik*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2014-2-166>
23. Mason M. The benefits of station teaching. *New York Teacher*, 2018, LIX(6). URL: <https://www.uft.org/news/teaching/teacher-teacher/benefits-station-teaching> (accessed 9 Mar 2023).
24. Hwang I. K., Kim S. J., Kim J. W., Pak H., Tsoi M. O. 카자흐스탄인을 위한 종합 한국어. Корейский язык для казахстанцев. Уровень 1. Seoul: Korea Foundation, 2009. 374 с. [Hwang I. K., Kim S. J., Kim J. W., Pak H., Tsoi M. O. *Korean language for Kazakhstanis. Level 1*. Seoul: Korea Foundation, 2009, 374. (In Russ.)]
25. Пакулова Я. Е. Спорные методические решения и грамматические моменты, требующие переосмысления, на начальном этапе обучения корейскому языку. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 179–190. [Pakulova Ya. E. Controversial methodical decisions and grammatical aspects at the beginning stage of teaching Korean. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, (1): 179–190. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqros1>

оригинальная статья

Актуальные направления методической поддержки педагогов по реализации онлайн-обучения школьников

Сартаков Игорь Витальевич
Новосибирский государственный педагогический университет,
Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0002-1406-9442>

Чикова Ольга Анатольевна
Уральский государственный педагогический университет,
Россия, Екатеринбург
Новосибирский государственный педагогический университет,
Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0002-3347-9148>
chik63@mail.ru

Славенинова Наталья Владимировна
Новосибирский государственный педагогический университет,
Россия, Новосибирск

Поступила в редакцию 25.01.2023. Принята после рецензирования 17.03.2023. Принята в печать 20.03.2023.

Аннотация: Цель – выявить дефициты в методической поддержке педагогов при реализации онлайн-обучения школьников. Выявлены актуальные направления методической поддержки онлайн-обучения: цифровые инструменты для коммуникации; форма представления мультимедийного контента; сервис для обмена методическими материалами; порядок использования заимствованных на видеохостингах материалов; методика создания онлайн-теста для домашнего задания. Проведено анкетирование 58 учителей школ Новосибирской и Свердловской областей для выявления предпочтений педагогов в конкретизации направлений методической поддержки онлайн-обучения. Корреляционная связь между ответами на вопросы анкеты и данными респондентов (пол, возраст, профильная подготовка, педагогический стаж, стаж онлайн-преподавания) – слабая или отсутствует. Установлено, что необходима методическая поддержка педагогов онлайн-обучения в освоении многофункциональных цифровых инструментов для коммуникации (Microsoft Teams, Discord); овладении формами представления мультимедийного контента в виде графических схем, инфографики, интеллект-карт; применении облачных сервисов для обмена методическими материалами; использовании для создания онлайн-тестов специальных форм (Google Forms, WEBanketa, Menti.com). Опрос показал, что большинство педагогов правильно понимают порядок использования заимствованных на видеохостингах материалов в рамках онлайн-уроков. Результаты актуальны для школ России и определяют направления дополнительного обучения педагогов, реализующих онлайн-обучение в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: проблемы онлайн-обучения, методическая поддержка, цифровая образовательная среда, цифровые инструменты, цифровые сервисы, массовые открытые онлайн-курсы, мультимедийный контент, онлайн-тест, анкетирование

Цитирование: Сартаков И. В., Славенинова Н. В., Чикова О. А. Актуальные направления методической поддержки педагогов по реализации онлайн-обучения школьников. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 178–186. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-178-186>

full article

Current Directions of Methodological Support for Teachers in the Implementation of Online Learning for Schoolchildren

Igor V. Sartakov
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0002-1406-9442>

Olga A. Chikova
Ural State Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0002-3347-9148>
chik63@mail.ru

Nataliia V. Slaveninova
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Received 25 Jan 2023. Accepted after peer review 17 Mar 2023. Accepted for publication 20 Mar 2023.

Abstract: The authors analyzed scientific and methodological publications on the methods of organizing online learning to identify the current directions in methodological support. These directions included the tools that provide digital communication, multimedia presentation, exchange of methodological materials, video hosting

sites, and online tests. A survey of 58 teachers from the Novosibirsk and Sverdlovsk regions revealed their ideas about methodological support for online teaching. The research showed almost no correlation between the responses and the respondents' gender, age, profile training, teaching experience, online teaching experience, etc. The respondents needed methodological support in mastering multifunctional communication tools, e.g., Microsoft Teams or Discord; the forms of presentation of multimedia graphic content as charts, infographics, intelligence maps, etc.; cloud services for the exchange of methodological materials; special forms to create online tests, e.g., Google Forms, WEBanketa, Menti.com. Most teachers demonstrated a good understanding of the procedure for using materials downloaded from video hosting sites as part of online lessons. The results of the study are relevant for Russian schools and determine the directions of additional training for teachers as providers of digital academic environment.

Keywords: problems of online learning, methodological support, digital educational environment, digital tools, digital services, mass open online courses, multimedia content, online test, questionnaire

Citation: Sartakov I. V., Slaveninova N. V., Chikova O. A. Current Directions of Methodological Support for Teachers in the Implementation of Online Learning for Schoolchildren. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 178–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-178-186>

Введение

Цифровая трансформация образования предполагает обновление методов и организационных форм учебно-воспитательной работы школы, включая практику онлайн-обучения в цифровой образовательной среде образовательной организации [1]. Цифровая образовательная среда (ЦОС) школы является важным условием организации, сопровождения и поддержания онлайн-обучения. ЦОС предполагает новый характер педагогического управления познавательной деятельностью школьников при онлайн-обучении, включающий структурные компоненты: мотивационно-целевой, информационно-содержательный, организационно-деятельностный и контрольно-оценочный [2, с. 65–69]. ЦОС предоставляет для онлайн-обучения материально-техническое оснащение, платформу для хранения документов, доступ к электронным библиотекам, сервисы организации обучения, сервисы учета достижений учащихся в форме индивидуального цифрового портфолио, образовательные сервисы с видеоуроками и учебными пособиями, платформу для онлайн-трансляций и мониторинга образовательного процесса, интеграцию с государственными сервисами и ресурсами. ЦОС – это единая информационная система, объединяющая всех участников образовательного процесса онлайн-обучения (учеников, учителей, родителей и администрацию школы) и включающая информационные образовательные ресурсы и сервисы, технологические средства и систему педагогических технологий¹.

Основная функция ЦОС образовательной организации – обеспечение учебно-воспитательного процесса при онлайн-обучении. Онлайн-обучение определяется как «использование Интернета для доступа к учебным

материалам, для взаимодействия с преподавателем и другими обучающимися, а также для получения помощи по усвоению новых знаний и личному развитию в процессе обучения»² [3, р. 17]. Установлено, что реализация онлайн-обучения в ЦОС образовательной организации «обладает большим количеством преимуществ: разнообразие форматов обучения, гибкость образовательного процесса, повышение качества и эффективности предоставляемых образовательных услуг, реализация потребности обучающихся в саморазвитии, снижение затрат на обучение и экономия времени педагогов и обучающихся, возможность разработки четких критериев оценки, инновационность учебного процесса» [4, с. 16]. По результатам второго ежегодного всероссийского социологического исследования «Восприятие онлайн-обучения различными целевыми группами» (2019 г.), реализуемого в рамках приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в РФ», выявлено: «66 % россиян считают, что онлайн-обучение позволяет постоянно получать новые знания, а 51 % – что оно в целом способствует повышению качества и доступности образования»³.

Наряду с такими неоспоримыми преимуществами онлайн-обучения, как возможность обучаться в любое время и в любом месте, построение индивидуальных образовательных траекторий [1], отмечаются его слабые стороны: большие затраты времени на разработку контента и высокая стоимость его создания; утрата учащимися навыков анализа и синтеза информации; возможность неоднократного прохождения онлайн-тестов снижает объективность оценивания; сложности с прокторингом; избыточное регламентирование

¹ О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды. Постановление Правительства РФ № 2040 от 07.12.2020. *СПС Гарант*.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

³ Онлайн-обучение: оценки и перспективы. *Ректор ВУЗа*. 2020. № 2. С. 66–68. <https://www.library.ru/apots>

и формализация обучения, ограничение возможности творчества; одностороннее преподнесение лектором материала, отсутствие живого диалога [5, с. 21–22]. Типичные проблемы при проведении онлайн-занятий: нестабильное внимание обучающихся, проблемы объективности тестирования, например, при проведении практических занятий по иностранному языку преподавателю трудно провести объективную оценку устной речи обучающихся [6, с. 157]. Установлено, что онлайн-обучение может усиливать стресс у детей и подростков. Опасения и беспокойство обучаемых онлайн связано с системой оценивания, его справедливостью и прозрачностью, а также с самим процессом обучения. Обучаемые жалуются на недостаток межличностного общения и ожидают очного обучения [7, с. 26–28]. О. Б. Полякова отмечает специфику эмоционального истощения обучаемых при онлайн-обучении вследствие изменения учебной мотивации и восприятия учебных достижений, выражающуюся в сопротивлении стрессогенным факторам онлайн-обучения, низких показателях личностной неудовлетворенности и состояния загнанности [8].

Слабые стороны онлайн-обучения преодолимы путем разработки эффективных форм, средств и методов организации учебно-воспитательного онлайн-процесса в ЦОС [9]. В настоящее время сформулированы базовые принципы методики онлайн-обучения:

- развитие эффективной организационной модели, которая поддерживает планирование, развитие и реализацию высококачественного преподавания в онлайн-режиме;
- определение потребностей обучаемых;
- тщательное планирование структуры, целей и мероприятий онлайн-курса;
- приведение в соответствие друг с другом технических, педагогических компонентов и управления процессом обучения;
- создание стимулирующих ситуаций;
- предоставление широкой поддержки и руководства при знакомстве студентов с методом онлайн-обучения;
- постоянная обратная связь с учащимися и анализ содержания и методов преподавания курса [10].

Показано, что эффективность онлайн-занятий во многом определяется уровнем развития цифровых компетенций педагога, который условно можно дифференцировать как способность применять (1), адаптировать (2) и разрабатывать (3) информационные ресурсы для преподавания. Р. М. Асадуллин, А. В. Дорофеевым и И. Р. Левиной предложено выявлять уровень развития цифровых компетенций педагога на основании анализа педагогических ситуаций и соответственно определять через общепользовательскую, общепедагогическую и предметно-методическую компетенции [11].

Специфика онлайн-обучения выражается в методах изложения материала, подготовке к уроку, планировании занятий. Выбор учителем формы, средств и методов онлайн-обучения определяется возможностями цифровой образовательной среды конкретной школы, включающей информационные образовательные ресурсы, технологические средства и систему педагогических технологий. Можно выделить четыре формы онлайн-обучения: 1) урок; 2) индивидуальная работа; 3) внеурочная работа; 4) проектное обучение. Как правило, онлайн-обучение реализуется специфическими средствами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), предусматривающими интерактивность. Методы организации онлайн-обучения бывают интерактивными, индивидуальными и совместными [12].

Н. В. Попова и др. предлагают для усиления внимания обучающихся онлайн применять элементы интерактивности, использовать дидактический потенциал, который представляют мобильные телефоны, планшеты или личные компьютеры студентов; внедрять видеоаудирование и составление ментальных карт для подготовки к коммуникации во время аудиторного занятия [6, с. 157]. Учеными из Волгоградского государственного социально-педагогического университета отмечены особые образовательные возможности сетевого онлайн-обучения, которые предусматривают взаимодействие учителей и учащихся в сетевых сообществах при реализации содержания учебных занятий и контроля полученных знаний [13]. Из традиционных методов обучения в условиях онлайн-обучения Л. А. Зенковой актуализируются исследовательские методы обучения, оказывающие положительное влияние на процесс формирования у обучаемых мотивационно-ценностного отношения к познавательной деятельности [14]. И. Ю. Жмаевым описывается применение метода проектов в рамках онлайн-обучения, когда «учащиеся получают навык самостоятельной работы, учатся решать познавательные и утилитарные задачи, приобретают коммуникативные навыки, развивают исследовательские умения» [15, с. 47]. Коллективом авторов из Московского городского педагогического университета отмечены преимущества использования игровых методов в онлайн-обучении школьников на примере квест-игры «Юные бизнесмены», разработанной для обучающихся 5–6 классов и в игровом формате знакомящей учеников с основами финансовой грамотности [16]. Учеными из Казахстана описана методика персонализированного адаптивного онлайн-обучения школьников математике с применением программного обеспечения Articulate Storyline – «мультифункционального редактора, позволяющего создавать учебный и интерактивный контент: диалоговые тренажеры, тесты, викторины, аудио и видео-проигрыватели, симуляции и мини-игры» [17, с. 53].

В настоящее время наиболее распространенной формой организации онлайн-обучения является онлайн-курс [18–23]. Онлайн-курс подразумевает образовательный процесс, организованный определенным способом. В зависимости от педагогических подходов к процессу обучения Н. Л. Романова подразделяет онлайн-курсы на три типа: 1) курсы для непрерывного обучения и повышения квалификации, когда цель обучения определяется самим обучающимся; 2) курсы, в которых сами обучаемые могут выбирать определенный набор заданий и выполнять их в совместной работе с другими слушателями; 3) курсы, разработанные профессиональными преподавателями и имеющие строго определенный график учебного процесса и заявленный образовательный результат [20, с. 7]. По принципу построения онлайн-курса Н. В. Гречушкина выделяет два типа курсов: 1) организованные на базе педагогических подходов очного обучения; 2) организованные на базе новых педагогических подходов [18, с. 128].

В последние десять лет наблюдается рост количества и разнородности массовых открытых онлайн-курсов (МООК); возникло множество проблем при разработке МООК с точки зрения педагогики, ресурсов и логистики. Педагогические проблемы включают цели обучения, оценку результата, методы обучения, содержание и продолжительность курса, гибкость и поддержку совместного обучения. Ресурсные соображения включали доступность платформ МООК, поддержку со стороны принимающего учреждения и доступные интеллектуальные и аппаратные ресурсы. Ресурсные трудности заключаются в сложностях обеспечения доступности платформ МООК, интеллектуальных и технических ресурсов, а также поддержки со стороны принимающего учреждения и платформы. Логистические проблемы связаны с количеством времени, которое преподаватели тратят на разработку МООК [21, р. 203]. С точки зрения преподавателя, у МООК есть как достоинства (например, улучшения организации учебного процесса в части доступности и мобильности обучения), так и недостатки (особые педагогические требования к цифровой образовательной системе и др.) [22]. Выявлено, что МООК больше востребованы у активных в научной и методической работе преподавателей и у студентов с высокой успеваемостью [23]. Установлено, что преподаватели видят преимущества МООК в их возможности обеспечить: 1) лучшую организацию учебного процесса и учебных материалов; 2) доступность высшего образования и академическую мобильность; 3) реализацию личных и карьерных целей; 4) ресурсоэффективность. Подводные камни МООК связывают с педагогическим несовершенством формата, особыми требованиями к системе образования, ресурсоемкостью и карьерными рисками преподавателей [22].

Актуальной задачей дальнейшего развития практики онлайн-обучения является проблема качества обучения. А. А. Жукова считает, что «для достижения цели высококачественного образования учителя должны обладать достаточной цифровой компетенцией, чтобы соответствовать предъявляемым к ним образовательным требованиям» [24, с. 29–30]. О. А. Грицова и Е. В. Тиссен применили методику оценки качества онлайн-обучения, основанную на определении несоответствий между фактическим и ожидаемым восприятием обучаемыми онлайн-образовательного процесса, известную за рубежом как методика SERVQUAL. Методика позволяет измерить удовлетворенность обучаемых онлайн-обучением по следующим критериям: материальность, достоверность, отзывчивость, убежденность, сочувствие. Наиболее низкая оценка удовлетворенности зафиксирована по качеству коммуникаций и индивидуализации обучения [25]. Обеспечение качества онлайн-обучения школьников предполагает методическую поддержку учителя в преодолении дефицитов в его профессиональной подготовке. О. В. Фролова отмечает, что одной из важнейших задач развития практики онлайн-обучения является разработка системы профессиональной поддержки учителя в реализации онлайн-обучения школьников для обеспечения методической, технической и психолого-педагогической помощи [26].

Научно-методический анализ специфики организации онлайн-обучения школьников позволяет определить актуальные аспекты методической поддержки учителя. Цель статьи – выявить дефициты в методической поддержке педагогов при реализации онлайн-обучения школьников.

Методы и материалы

На основе обзора литературы выявлены актуальные направления методической поддержки педагогов в реализации онлайн-обучения. Создана анкета для выявления предпочтений педагогов в выборе:

- цифровых инструментов для коммуникации (вопрос 1);
- формы представления мультимедийного контента (вопрос 2);
- сервиса для обмена методическими материалами (вопрос 3);
- порядка использования заимствованных на видеохостингах материалов (вопрос 4);
- методики создания онлайн-теста для домашнего задания (вопрос 5).

Проведен опрос 58 учителей школ Новосибирской и Свердловской областей для выявления дефицитов в методической поддержке онлайн-обучения с использованием инструмента анонимного опроса Google Forms. О каждом эксперте были сообщены следующие данные (в ранжированном виде): пол (мужской,

женский), возраст (23 года – 70 лет), наличие профильной подготовки в области ИКТ (нет, да), педагогический стаж (0–37 лет), стаж онлайн-преподавания (0–5 лет). Статистическая обработка данных опроса проводилась помощью программного обеспечения SPSS: представлены описательная статистика и корреляционный анализ связи между ответами на вопросы анкеты и данными респондентов.

Результаты

Результаты опроса педагогов по выявлению их готовности к выбору метода онлайн-обучения (табл. 1) показали, что большинство респондентов (69,5 %) при проведении онлайн-уроков отдают предпочтение многофункциональным инструментам. При выборе

формы представления мультимедийного контента большинство учителей (61 %) предпочитают графические схемы, инфографику, интеллект-карты, т. к. они привлекают внимание обучаемых и инициируют вопросы по теме онлайн-урока. Наиболее удобным цифровым сервисом для обмена методическими материалами онлайн-уроков 40,7 % педагогов считают облачные хранилища. Почти две трети опрошенных (62,7 %) считают достаточным для соблюдения прав автора использование на онлайн-уроках заимствованных на видеохостингах материалов со ссылкой на авторов и сайты, с которых были заимствованы материалы. Создание тестов для домашнего задания через специальные тестовые формы наиболее рационально по мнению 39 % опрошенных педагогов.

Табл. 1. Результаты диагностики готовности преподавателей к выбору метода онлайн-обучения

Tab. 1. Readiness of teachers to choose a particular online learning method

Вопросы и варианты ответов	Доля, %
Вопрос 1. Какой цифровой инструмент для коммуникации на онлайн-уроке наиболее результативен?	
Многофункциональные инструменты (Microsoft Teams, Discord)	69,5
Инструмент для групповых видеоконференций (Zoom, Skype)	27,1
Мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram)	3,4
Электронная почта	0
Вопрос 2. Какая форма представления мультимедийного контента для онлайн-урока наиболее эффективна?	
Графическая схема, инфографика, интеллект-карта, которая привлечет внимание обучаемых и инициирует вопросы по теме урока	61,0
Презентация с проблемными вопросами в текстовой форме	30,5
Видеофрагменты	6,8
Изображение с устным описанием в виде аудиофайла	1,7
Вопрос 3. Какой цифровой сервис наиболее удобен для обмена методическими материалами онлайн-уроков?	
Электронная почта	40,7
Существующие образовательные платформы (МЭШ, Google Classroom, CORE)	30,5
Папки общего доступа в облачных хранилищах (Яндекс.Диск, Google Drive, Microsoft OneDrive)	23,7
Системы дистанционного обучения (Moodle, Microsoft Teams)	5,1
Вопрос 4. Каким образом на онлайн-уроке возможно использовать заимствованные на видеохостингах материалы, чтобы не нарушить права автора?	
Буду использовать ролики самостоятельно на онлайн-уроках и поделюсь с коллегами	62,7
Размещу видеоматериалы на сайтах для учителей и укажу себя как создателя	20,3
Буду применять видеоматериалы на онлайн-уроке (ссылки на авторов и источник указывать необязательно)	11,9
Буду использовать видеоматериалы на онлайн-уроке (ссылки на авторов и источник указывать обязательно)	5,1
Вопрос 5. Какой метод более рационален для создания онлайн-теста для домашнего задания?	
С помощью библиотек готовых заданий (Яндекс.Учебник, ЯКласс)	39,0
С помощью специальных форм (Google Forms, WEBanketa, Menti.com)	37,3
С помощью создания текстового документа и его размещения в электронном дневнике	22,0
С помощью конструкторов интерактивных заданий, в которых разместятся вопросы	1,7

Описательная статистика по личным данным экспертов (в ранжированном виде) представлена в таблице 2. Все значения асимметрии результатов измерения находятся в диапазоне допустимости (от -1 до +1), показатель эксцесса также не выходит за порог 2.

Коэффициенты корреляции (по Пирсону), подсчитанные для определения связей между ответами на вопросы анкеты и данными респондентов (табл. 3), показали наличие слабой гендерной зависимости ($r = 0,2$) ответов на вопросы 1 и 2; показатель *Возраст* слабо повлиял на ответы на вопросы 1, 3 и 5; наличие профильной подготовки не повлияло на ответы на вопросы; показатель *Педагогический стаж* слабо повлиял ($r = 0,2-0,3$) на ответы на вопросы 1-3; стаж онлайн-преподавания слабо повлиял на выбор ответов на вопросы 2 и 3.

Обсуждение

Согласимся с исследователями в том, что онлайн-обучение обладает неоспоримыми преимуществами: возможность обучаться в любое время и в любом месте, построение индивидуальных образовательных траекторий [1]. Оно предполагает использование цифровой образовательной среды для получения новых знаний и личного развития путем доступа к электронным образовательным ресурсам и взаимодействия обучающегося с учителем и другими обучающимися [3]. Наша позиция соотносится с выводами Р. М. Асадуллина, А. В. Дорофеева и И. Р. Левиной: качество онлайн-

обучения определяется уровнем развития цифровых компетенций педагога, которые проявляются в работе с электронными образовательными ресурсами и в педагогическом управлении процессом получения новых знаний и достижений образовательных результатов (личностных, метапредметных и предметных) [10]. Необходима методическая поддержка педагогов в реализации онлайн-обучения, которая, по справедливому замечанию А. А. Жуковой, должна выражаться в повышении квалификации в применении ИКТ и освоении ЦОС во всех исследованных группах по возрасту и стажу [24].

Заключение

В условиях цифровой трансформации образования актуально обсуждение методов организации онлайн-обучения в цифровой образовательной среде. На основе анализа научно-методической литературы по проблемам организации онлайн-обучения в условиях цифровой трансформации образования разработана анкета по методике проведения онлайн-уроков. Цифровая образовательная среда при онлайн-обучении обеспечивает доступ к учебным материалам и взаимодействие обучающегося с учителем и другими обучающимися с целью усвоения новых знаний и личного развития. Основным базовым принципом методики онлайн-обучения является наличие организационной модели, которая поддерживает планирование, развитие и реализацию высококачественного преподавания в онлайн-режиме.

Табл. 2. Описательная статистика по данным респондентов

Tab. 2. Descriptive statistics according respondents' profiles

Данные	Минимум	Максимум	Ср. зн.	Ст. откл.	Дисперсия	Асимметрия	Эксцесс
Пол	1,00	2,00	1,59	0,50	0,25	-0,36	-1,94
Возраст	23,00	70,00	33,93	12,76	162,70	1,25	0,55
Профильная подготовка	0	1,00	0,53	0,50	0,25	-0,14	-2,05
Педагогический стаж	0	37,00	9,27	11,02	121,42	1,34	0,45
Стаж онлайн-преподавания	0	5,00	1,70	1,36	1,86	0,64	-0,07

Табл. 3. Коэффициенты корреляции между данными респондентов и ответами на вопросы анкеты

Tab. 3. Correlation coefficients between respondents' profiles and their responses

Данные	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3	Вопрос 4	Вопрос 5
Пол	-0,176	-0,150	-0,091	0,132	-0,119
Возраст	-0,160	-0,111	0,239	0,076	0,162
Профильная подготовка	0,083	-0,074	0,105	-0,107	-0,050
Педагогический стаж	-0,178	-0,164	0,320	0,069	0,088
Стаж онлайн-преподавания	-0,008	-0,218	0,187	0,003	-0,121

Прим.: полужирным шрифтом выделены значимые отличия.

На основе обзора литературы и результатов анкетирования выявлены дефициты в методической поддержке педагогов, влияющие на эффективность онлайн-обучения в цифровой образовательной среде. Показана необходимость методической поддержки педагогов в реализации ими онлайн-обучения школьников, определены ее актуальные направления:

1) Освоение многофункциональных инструментов (Microsoft Teams, Discord).

2) Овладение формами представления мультимедийного контента (графические схемы, инфографика, интеллект-карты).

3) Применение облачных сервисов для обмена методическими материалами (Яндекс Диск, Google Drive, Microsoft OneDrive).

4) Разъяснение необходимости указания ссылок на авторов и сайты при использовании заимствованных из видеохостингов материалов с целью соблюдения авторских прав.

5) Использование при создании онлайн-теста для домашнего задания специальных тестовых форм (Google Forms, WEBanketa, Menti.com).

Корреляционный анализ связи между ответами на вопросы анкеты и данными респондентов обнаружил, что в рамках организации курсов повышения

квалификации педагогов необходимо при реализации направлений 1, 2 и 5 учитывать гендерные и возрастные различия преподавателей; при реализации направлений 1, 2 и 3 – педагогический стаж; а при реализации направлений 2 и 3 необходимо учитывать стаж онлайн-преподавания.

Результаты исследования могут быть использованы в школах России при организации работы методической службы и определяют направления дополнительного обучения педагогов, реализующих онлайн-обучение в цифровой образовательной среде

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В., Заславский И. М., Карлов И. А., Мерцалова Т. А., Сергоманов П. А., Фруммин И. Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М.: ИД ВШЭ, 2019. 343 с. [Uvarov A. Yu., Gable E., Dvoretzskaya I. V., Zaslavskii I. M., Karlov I. A., Mertsalova T. A., Sergomanov P. A., Froumin I. D. *Difficulties and prospects digital transformation of education*. Moscow: HSE, 2019, 343. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/anygho>
2. Куликова С. С., Яковлева О. В. Педагогическое управление в цифровой образовательной среде: вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов. *Образование и наука*. 2022. Т. 24. № 2. С. 48–83. [Kulikova S. S., Yakovleva O. V. Pedagogical management in the digital educational environment: theoretical aspect. *Obrazovanie i nauka*, 2022, 24(2): 48–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-48-83>
3. Ally M. Foundations of educational theory for online learning. *The theory and practice of online learning*, ed. Anderson T. 2nd ed. Athabasca, AB: Athabasca University Press, 2008, 15–44. <https://doi.org/10.15215/aupress/9781897425084.01>
4. Быстрова Н. В., Ремизова Е. А., Ермолаева Е. Л. Реализация электронного обучения в цифровой образовательной среде. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 69-3. С. 14–17. [Bystrova N. V., Remizova E. A., Ermolaeva E. L. Implementation of electronic learning in the digital educational environment. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (69-3): 14–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/aczrhg>
5. Шамина Н. В. Онлайн-обучение в образовательном процессе: сильные и слабые стороны. *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 2. С. 20–24. [Shamina N. V. Online learning in the educational process: strengths and weaknesses. *Kazan Pedagogical Journal*, 2019, (2): 20–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nlnczt>
6. Попова Н. В., Верещи Й., Благовещенская Е. А., Кузьмина А. В. Многофакторный анализ онлайн-обучения в рамках системного подхода: аспекты повышения качества онлайн-обучения в вузе. *Человек и образование*. 2022. № 1. С. 157–169. [Popova N. V., Veress J., Blagoveshchenskaya E. A., Kuzmina A. V. Multivariate analysis of online learning within the framework of systematic approach: aspects of improving the quality of online learning at a university. *Man and Education*, 2022, (1): 157–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.54884/S181570410020135-3>
7. Федосенко Е. В. Психологическое давление онлайн-обучения на школьников и студентов: мифы и реальность. *Образование и качество жизни*. 2021. № 3. С. 24–28. [Fedosenko E. V. Psychological pressure of online

- education on schoolchildren and students: myths and reality. *Obrazovanie i kachestvo zhizni*, 2021, (3): 24–28. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtllhq>
8. Полякова О. Б. Специфика эмоционального истощения студентов в условиях онлайн-обучения. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2020. Т. 19. № 4. С. 17–24. [Polyakova O. B. Specificity of student's emotional exhaustion in the context of online learning. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta*, 2020, 19(4): 17–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/senceh>
  9. Попова А. М. Онлайн-обучение школьников и студентов. *Вопросы педагогики*. 2020. № 4-2. С. 283–287. [Popova A. M. Online education of schoolchildren and students. *Voprosy pedagogiki*, 2020, (4-2): 283–287. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pfhrmy>
  10. Caplan D., Graham R. The development of online courses. *The theory and practice of online learning*, ed. Anderson T. 2nd ed. Athabasca, AB: Athabasca University Press, 2008, 245–264. <https://doi.org/10.15215/aupress/9781897425084.01>
  11. Асадуллин Р. М., Дорофеев А. В., Левина И. Р. Диагностика цифровых компетенций педагога. *Педагогика и просвещение*. 2022. № 1. С. 1–17. [Asadullin R. M., Dorofeev A. V., Levina I. R. Diagnostics of digital competencies of the pedagogue. *Pedagogika i prosveshchenie*, 2022, (1): 1–17. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.1.37153>
  12. Чикова О. А. Модель организации воспитательной работы в цифровой образовательной среде школы. *Современный учитель – взгляд в будущее: Междунар. науч.-образов. форум. (Екатеринбург, 17–18 ноября 2022 г.)* Екатеринбург, 2022. Ч. 1. С. 254–265. [Chikova O. A. Model of organization of educational work in the digital educational environment of the school. *A modern teacher – a look into the future: Intern. Sci. and Educational Forum, Ekaterinburg, 17–18 Nov 2022. Ekaterinburg, 2022, pt. 1, 254–265. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/ST2022t1-83>*
  13. Клеветова Т. В., Комиссарова С. А., Попов К. А. Технологии онлайн-обучения как современное направление реализации образовательной деятельности в онлайн-сообществах учащихся. *Современные проблемы науки и образования*. 2021. № 3. [Klevetova T. V., Komissarova S. A., Popov K. A. Online educational technologies as a modern direction of learning in the communities of teachers and students. *Modern problems of science and education*, 2021, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.30787>
  14. Зенкова Л. А. Воспитание мотивационно-ценностного отношения к познавательной деятельности в контексте цифровой образовательной среды обучающихся основной школы. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 75-2. С. 130–133. [Zenkova L. A. Education of motivational-value relations to cognitive activities in the context of the digital educational environment students of the basic school. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2022, (75-2): 130–133. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kqwtom>
  15. Жмаев И. Ю. Применение метода проектов в условиях онлайн-обучения. *Тенденции развития науки и образования*. 2022. № 90-1. С. 47–50. [Zhmaev I. Yu. The application of the project method in online learning. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2022, (90-1): 47–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2022-13>
  16. Шинкарёва О. В., Орлова А. О., Миронова К. Г. Онлайн-квест как метод инновационного обучения школьников основам финансовой грамотности. *Вестник МГПУ. Серия «Экономика»*. 2022. № 3. С. 101–111. [Shinkareva O. V., Orlova A. O., Mironova K. G. Online quest as a method of innovative teaching schoolchildren about the basics of financial literacy. *MCU Journal of Economic Studies*, 2022, (3): 101–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2312-6647.2022.33.3.9>
  17. Жилмагамбетова Р. З., Мубаракوف А. М., Алимгамбетова А. З. Адаптивное персонализированное обучение математике – инновационный метод онлайн-преподавания в школе. *Вестник ЗКГУ*. 2021. № 4. С. 53–61. [Zhilmagambetova R. Z., Mubarakov A. M., Alimagambetova A. Z. Adaptive personalized teaching of mathematics – an innovative method of online teaching at school. *Vestnik ZKGU*, 2021, (4): 53–61. (In Russ.)] [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2021.84\(4\).32](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2021.84(4).32)
  18. Гречушкина Н. В. Онлайн-курс: определение и классификация. *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 6. С. 125–134. [Grechushkina N. V. Online course: definition and classification. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2018, 27(6): 125–134. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xrodtf>
  19. Золотухин С. А. Основные принципы оценки массовых открытых онлайн-курсов. *European Social Science Journal*. 2015. № 7. С. 228–234. [Zolotukhin S. A. Basic principles of assessment of massive open online courses. *European Social Science Journal*, 2015, (7): 228–234. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/umzafr>
  20. Романова Н. Л. Онлайн-курсы как инновационная форма дистанционного обучения. *Педагогика высшей школы*. 2018. № 2. С. 5–8. [Romanova N. L. Online courses as innovative form of distance learning. *Pedagogika vysshei shkoly*, 2018, (2): 5–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nusaud>

21. Zhu M., Bonk C. J., Sari A. R. Instructor experiences designing MOOCs in higher education: pedagogical, resource, and logistical considerations and challenges. *Online Learning*, 2018, 22(4): 203–241. <http://dx.doi.org/10.24059/olj.v22i4.1495>
22. Захарова У. С., Танасенко К. И. MOOC в высшем образовании: достоинства и недостатки для преподавателей. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. 2019. № 3. С. 176–202. [Zakharova U. S., Tanasenko K. I. MOOCs in higher education: advantages and pitfalls for instructors. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2019, (3): 176–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-3-176-202>
23. Рощина Я. М., Рощин С. Ю., Рудаков В. Н. Спрос на массовые открытые онлайн-курсы (MOOC) опыт российского образования. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. 2018. № 1. С. 174–199. [Roshchina Ya. M., Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. The demand for massive open online courses (MOOC): evidence from Russian education. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2018, (1): 174–199. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-1-174-199>
24. Жукова А. А. Уровень развития информационной компетентности у учителей до и после разработки электронной образовательной среды. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2022. Т. 11. № 3. С. 29–36. [Zhukova A. A. The level of development of information competence among teachers before and after the development of an electronic educational environment. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij*, 2022, 11(3): 29–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-3-29-36>
25. Грицова О. А., Тиссен Е. В. Оценка качества онлайн-обучения в системе высшего образования в регионах. *Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 3. С. 929–943. [Gritsova O. A., Tissen E. V. Quality assessment of online learning in regional higher education systems. *Ekonomika regiona*, 2021, 17(3): 929–943. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-15>
26. Фролова О. В. Разработка системы профессиональной поддержки учителей в условиях онлайн-обучения в школе. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2021. № 4. С. 82–92. [Frolova O. V. Development of a system of professional support for teachers in the online education in school. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2021, (4): 82–92. (In Russ.)] https://doi.org/10.54509/22203036_2021_4_82

оригинальная статья

Проблемы формирования культуры делового общения у студентов, обучающихся на юридических факультетах вузов

Терехова Елена Анатольевна

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0002-0431-3165>
2005fly@bk.ru

Поступила в редакцию 20.03.2023. Принята после рецензирования 22.04.2023. Принята в печать 24.04.2023.

Аннотация: На современном этапе развития науки и практики управления проблема формирования культуры делового общения связана с усложнением профессиональных задач, предъявлением профессиональных требований для работников. Работа юриста заключается в различных аспектах: оказание правовой помощи людям, разъяснение смысла норм права, проведение совещаний и т.д. – и напрямую зависит от навыков эффективного делового общения, а также деловой переписки. Цель – определить проблемы формирования культуры делового общения у студентов-юристов и разработать рекомендации по повышению эффективности образовательного процесса. Применены методы тематического исследования, типизированных ситуаций, обучения действием, метод проектов. Выделены и проанализированы основные проблемы, связанные с формированием культуры делового общения. Сделан вывод о существовании на современном этапе проблемы формирования культуры делового обмена у студентов-юристов, которые препятствуют развитию делового общения. Анализ проблем, их систематизация позволит наметить возможные шаги для оптимизации процесса формирования культуры делового общения у студентов-юристов. Отсутствие специализированных дисциплин в учебных программах сильно влияет на деловое общение юристов. Студенту-юристу необходимо уметь пользоваться основными моделями речевой деятельности, понимать логичность ее построения, овладевать профессиональной лексикой, которая имеет определенные особенности в юриспруденции, чтобы сформировать достаточный ее уровень для будущей профессиональной деятельности. Для этого необходимо организовывать мероприятия, направленные на развитие коммуникативных навыков студентов, такие как тренинги, дебаты; обучать деловой этике; организовывать групповые проекты и задания, чтобы студенты могли учиться работать в команде, договариваться друг с другом; работать над индивидуальностью студента, содействовать формированию у студентов уверенности в себе и своих способностях, чтобы они могли проявлять инициативу в профессиональной деятельности. Практическая значимость данной работы заключается в выработке общих рекомендаций по повышению эффективности образовательного процесса с целью формирования культуры деловых обменов среди студентов-юристов.

Ключевые слова: культура делового общения, образовательные организации, студенты-юристы, проблема профессионального общения, процесс формирования культуры речи

Цитирование: Терехова Е. А. Проблемы формирования культуры делового общения у студентов, обучающихся на юридических факультетах вузов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 187–194. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-187-194>

full article

Developing a Business Communication Culture in Law Students

Elena A. Terekhova

Siberian Institute of Management of Russian Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0000-0002-0431-3165>
2005fly@bk.ru

Received 22 Mar 2023. Accepted after peer review 22 Apr 2023. Accepted for publication 24 Apr 2023.

Abstract: At the present stage of management science and practice, the problem of business communication is associated with complex professional tasks and high professional requirements for employees. The article introduces some recommendations on the issue of developing business communication culture in students of law. Lawyers provide legal assistance, explain the meaning of the law, hold meetings, etc. The skill of effective business communication

and business correspondence is important for them to provide various types of legal services. Oral and written business communication is one of the main problems of business speech development. The authors used the methods of case study, typical situations, projects, and teaching by action to define the problems of forming a culture of business communication in law students and develop recommendations to increase the effectiveness of the academic process. The lack of specialized disciplines in the curriculum affects the business communication development. A law student needs to learn how to use the basic models of speech activity, understand the speech logic, and master the legal vocabulary. They require events aimed at developing their communication skills, such as workshops on business ethics, debates, negotiations, group projects and various forms of team work, etc. Law students need to develop their personality and self-confidence to be able to take the initiative in their professional activities.

Keywords: culture of business communication, education institutions, law students, problems of professional communication, developing a culture of speech

Citation: Terekhova E. A. Developing a Business Communication Culture in Law Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 187–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-187-194>

Введение

В век информационного пространства обмен информацией является базовым параметром специалиста. Деловая речь – один из главных компонентов делового имиджа. На сегодняшний день студенты-юристы должны обладать навыками делового устного общения и делового письма. Умение говорить для юриста необходимо, поскольку эта профессия основана на работе с клиентами и ведении переговоров с государственными служащими. Она требует умений анализировать большие объемы юридических документов и доносить основную мысль до заказчика услуг. Поэтому студент-юрист должен выработать определенные коммуникативные навыки в процессе обучения, знать требования к оформлению и содержанию деловой переписки. Деловое общение позволяет юристам организовать свою профессиональную деятельность, познать друг друга, сформировать и развить межличностные отношения. Соблюдение основных принципов и норм деловой речи – залог успешности любого юриста [1; 2]. Однако интенсивно развивающаяся система профессионального образования не способна обеспечить тот уровень функционирования и развития, которого требует современное общество. Необходимы качественные изменения в содержании и технологии обучения студентов-юристов.

Одной из основных проблем формирования культуры деловой речи у юристов является недостаточное внимание к этому аспекту обучения во время юридического образования. Часто студенты не получают нужного количества практических занятий по развитию навыков делового общения, что приводит к неумению эффективно и убедительно выражать свои мысли в процессе общения с коллегами и клиентами. Многие считают, что знания законов и правил хватит для успешной юридической деятельности, не понимая, что умение эффективно общаться является одним из ключевых факторов успеха в профессии.

Также проблемой является отсутствие индивидуального подхода к обучению культуре делового общения. Каждый студент и юрист имеет свои индивидуальные особенности, которые могут повлиять на эффективность обучения. Необходимо учитывать эти особенности и разрабатывать индивидуальные программы обучения.

Наконец, одной из проблем является недостаточное использование современных технологий в обучении культуре делового общения для повышения эффективности образовательного процесса. Существует множество онлайн-курсов и приложений, которые могут помочь студентам и юристам развивать свои навыки деловой речи, однако они не всегда используются в полной мере.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты расширяют и дополняют процесс по формированию культуры деловой речи путем решения поставленных проблем. Практическая – во внедрении результатов исследования проблематики по формированию культуры деловой речи в образовательный процесс вузов.

В. А. Кузнецовым и О. Ю. Кузнецовой проводились исследования культуры делового общения, и на основе этих исследований они пришли к выводу, что формирование культуры делового общения возможно только при конкретных условиях, а именно ценностно-смысловых (мотивация к эффективной профессиональной деятельности), индивидуально-психологических (высокая культура делового общения) и коммуникативно-деятельностных (наличие коммуникативных возможностей для достижения целей профессиональной деятельности) [3]. Н. А. Бердяев под культурой делового общения понимает процесс вербального взаимодействия между двумя или более людьми, который сопровождается обменом информацией и практикой для достижения однозначной цели [4].

Много трудов посвящено проблемам формирования культуры делового общения. Представители поколения педагогов минувшего тысячелетия заложили основы деловой этики, этикета и культуры в сфере деловых коммуникаций. Они предложили и усовершенствовали новые подходы к образованию. Чтобы речь была правильной, понятной, соответствующей этикету, по их мнению, учащийся должен брать на себя роль в содержательных разговорах и дебатах, что поможет развить его коммуникативные способности – отстаивать собственное мнение, слушать других, способность обсуждать всевозможные темы.

Принципиально отметить, что речь специалиста должна соответствовать орфографическим и лексическим общепризнанным меркам, а также структурным и этическим. В связи с этим представляется необходимым изучение процесса развития деловой культуры речи, особенно у студентов-юристов, чья профессия непосредственно связана с претворением в жизнь делового общения, профессиональных взаимодействий [5]. На данный момент существует большой спрос на профессиональную культуру речи у специалистов, но вместе с тем имеются определенные проблемы в образовательной подготовке студентов-юристов. Деловое общение рассматривается учеными как межфункциональное понятие, т. е. оно не может использоваться в какой-то одной сфере общения. В различных областях устного взаимодействия существуют специализированные сегменты делового общения, соответствующие функциональным системам и стилям, например, официально-деловому стилю, устной деловой речи и деловому письму [3; 6; 7].

По мнению Г. Х. Ахбаровской, изучение деловой письменной речи способствует совершенствованию устной речи. Работа с деловым языком позволяет приобрести навыки уместного применения речевых средств с функциональным стилем и типом речи, содействует овладению культуры делового общения и т. д. [8]. А. В. Хуторской выделяет особенно положительное влияние системы образования на личностные качества учащихся, которые повышают уровень разговорных навыков, что впоследствии заметно повышает эффективность формирования культуры делового общения¹.

Современные учебные заведения придают большое значение тому, чтобы привить студентам навыки работы в постоянно меняющихся ситуациях и умение отыскивать неординарные решения различных вопросов. Для формирования перечисленных навыков необходим индивидуальный подход к каждому студенту. Исследованию проблемы отсутствия индивидуального подхода к обучению культуре

делового общения посвящены труды А. А. Бодалева, Л. А. Гуниной, С. Я. Евтушенко [6], Л. Н. Захаровой, И. Н. Кузнецова, О. Ю. Кузнецовой, В. А. Кузнецова [3], О. В. Свиной, Д. А. Торопова, И. В. Ульяновой, Л. И. Чернышевой [9] и многих других исследователей. Для формирования индивидуального подхода к обучению культуре делового общения студентов-юристов можно использовать следующие приемы:

- обучающие – различные методы обучения (лекции, семинары, тренинги, деловые игры, работа в малых группах и т. д.),
- цифровые (информационные) – все виды современных технологий (онлайн-курсы, вебинары, мобильные приложения, которые позволят студентам получать доступ к обучающим материалам в удобное для них время и место),
- контрольные – оценка результатов обучения (благодаря которой можно корректировать индивидуальный подход, понимать, какие подходы работают эффективнее).

Многие авторы считают, что необходима системная перестройка структуры и содержания делового общения из-за наличия проблемы недостаточного использования современных технологий для повышения эффективности образовательного процесса. Это связано с возрастанием роли делового общения и межличностного взаимодействия как в нашей стране, так и за рубежом в основном за счет формирования межличностного общения в международных отношениях и развития электронной коммуникации и виртуального рынка труда.

Результаты

Проблема отсутствия дисциплин, способствующих повышению уровня культуры делового общения у студентов-юристов

Многие навыки делового общения у студентов-юристов формируются в рамках изучения определенных учебных дисциплин. Однако большинство из этих курсов отсутствует в учебном плане. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция акцентирует внимание на той части образования, которая касается речи. Поэтому в обязательной части результатов обучения указано, что студенты должны обладать способностью к коммуникации на русском и иностранном языках как в письменной, так и в устной формах для межличностного и межкультурного взаимодействий (ОК-5); способностью к логической коррекции, формулированию устных и письменных бесед различными способами². Отсутствие дисциплин, способствующих

¹ Хуторской А. В. Что представляет собой наша научная школа. URL: <https://khutorskoy.ru/science/> (дата обращения: 15.02.2023).

² Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ № 1011 от 13.08.2020. *ИПП Гарант*.

развитию культуры делового общения, отражается на профессиональной подготовке студентов-юристов. Ч. Б. Далецкий подчеркнул, что вся система юридического образования обязана включать положения о подготовке выпускников, обладающих необходимыми речевыми навыками, с помощью которых они смогут выполнять поставленные перед ними задачи [10].

Известно, что наиболее полезным навыком для всех студентов-юристов является правильное составление соглашений и юридических заключений, поэтому обучение учащихся изначально должно быть направлено на составление грамотных письменных текстов с использованием специальной терминологии. К примеру, дисциплина «Теория государства и права» способствует становлению правовой культуры у студентов-юристов, поскольку знакомит их с основными правовыми терминами. Данная дисциплина преподается на первом курсе и является первой ступенью обучения студента-юриста. Программа «Теория государства и права» построена таким образом, что обучающиеся изучают основные юридические термины и учатся использовать их в ходе обсуждений правовых проблем. Дисциплина первого курса «Русский язык для юристов» учит основам правильной речи и тому, как красиво и правильно излагать собственные мысли. Данный курс не включен в образовательную программу студентов юридических направлений. Письменные задания способствуют развитию навыков делового письма. Благодаря этому направлению на дальнейших курсах студенты-юристы познакомятся с характеристиками официальных документов, таких как деловые письма, протоколы, отчеты, справки, пояснительные записки, акты, заявления и контракты [11–13].

На младших курсах изучается юридическая терминология, а на старших постепенно отрабатываются навыки устной речи. Профессионалы в области права должны в совершенстве владеть навыками манипуляции партнером в ходе переговоров, уметь идти на компромисс или отступать для достижения поставленных задач. Разделы Юридической риторики, а именно «Переговоры», «Внесудебное разрешение юридических споров», помогут студентам-юристам научиться интерактивному устному дискурсу. Все эти дисциплины научат их решать проблемы нестандартно, достигать консенсусов в особо сложных вопросах, формировать и отстаивать собственную позицию, соблюдать определенные этические нормы. Данные разделы также являются низкоприоритетными в образовании. При освоении дисциплин «Переговоры» и «Внесудебное разрешение юридических споров» студенты-юристы приобретут навыки, которые помогут им в будущем оказывать квалифицированную юридическую помощь гражданам. В таком варианте наблюдаются синтез правовых и нравственных принципов, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Соблюдение юристом этических норм в процессе вербальной коммуникации и следование нормам закона, повышение уровня нравственно-правовой культуры способствуют его положительному восприятию как гражданами, так и коллегами в условиях профессиональной деятельности. В ходе профессиональной деятельности юристу необходимо постоянно совершенствовать навыки своего речевого поведения, повышать культуру общения. В процессе общения важно уметь не только говорить, но и со стороны слушать себя, оценивая убедительность, понятность, доходчивость собственных высказываний, уместность употребления различных речевых и неречевых форм коммуникации, степень эмоциональной окраски речи, выразительность своего речевого поведения [14–17].

По мнению Л. Э. Карташовой, для студентов-юристов ораторское искусство является обязательным условием осуществления профессиональной деятельности [18]. Также исследователи считают, что студентам правового профиля следует развивать навык работы в команде, выполняя работу в парах или группах. Однако внедрению практического обучения в юридическое образование в современную эпоху уделяется недостаточное внимание, хотя оно необходимо для последующего умения сотрудничать с другими специалистами и использовать личные способности для достижения назначенной цели [19; 20]. Н. Н. Казиева делает акцент на том, что самым важным фактором в формировании культуры делового общения являются не теоретические знания, а умение их применять. Даже если у юриста большой лексический запас, но он не умеет им пользоваться, он не сможет использовать все виды речевых конструкций на практике. В своей работе она обобщает, что отличительной чертой делового общения является эффективное сотрудничество, которое требует предвзятельной практики [21].

Некоторые юридические действия, в частности ведение допроса в различной обстановке, требуют от обучающихся уголовного профиля изучения особенных предметов / спецкурсов, которые также являются низкоприоритетными, например «Методика и тактика допроса». Значимая особенность учебного материала такого типа заключается в определенной форме проведения (формат деловых игр), в процессе которой обучающиеся состязаются в умении проведения допроса. Правильно формулировать и задавать вопросы, работать с протоколами, изучать и анализировать их, планировать допрос, документировать устные показания подсудимого – все это необходимо для рассмотрения судебного дела. Поэтому целесообразно внедрение в образовательную программу для студентов-юристов дисциплины «Судебное состязание», включающей в себя проведение деловых игр, с помощью которых обучающиеся заочно участвуют в предполагаемых гражданском или уголовном процессах.

Существуют конкретные этические проблемы, с которыми часто сталкиваются студенты-юристы из-за отсутствия соответствующих дисциплин. Для того чтобы не допускать этических ошибок, необходимо изучать деловую и профессиональную этику, речевой и организационный этикет. По мнению А. К. Соболевой, изучение курсов «Деловое общение», «Консультирование» поможет избежать этических ошибок в своей речи. Благодаря этим дисциплинам студенты-юристы научатся грамотно оформлять документы и излагать материал, соблюдать требования служебного этикета и т. д. [17].

Все представленные курсы способствуют формированию культуры делового общения у обучающихся и становлению начальных навыков, которые содействуют соблюдению служебных, этических, организационных требований для действенного выполнения своих обязанностей.

Одними из ключевых требований считаются:

- корректность – умение оформлять официальные документы;
- логичность – применение правовых стандартов-клише;
- объективность – безличный характер передачи информации;
- уместность – правильное использование юридической терминологии;
- публичность – представление материала на встречах, собраниях [22–24].

Спектр предлагаемых дисциплин огромен. Однако, к сожалению, большинство из этих предметов не включено в учебный план юридического факультета. Обучение деловому общению студентов-юристов без первоначальных знаний профессиональной терминологии довольно затруднительно. Для формирования культуры делового общения необходимо освоение каждым студентом основных дисциплин: Теория государства и права; Русский язык для юристов; Юридическая риторика; Деловое общение; Консультирование; Методика и тактика допроса; Судебное состязание.

Востребованность межкультурной деловой коммуникации в настоящее время

В разделе требований к результатам обучения бакалавра по направлению 40.03.01 Юриспруденция определено получение будущими специалистами навыков по коммуникации в различных формах речевой и языковой подготовки, для того чтобы справляться с решением вопросов многообразных форм взаимодействия. Эти моменты очень важны для тех, кто хочет стать юристом, и обоснованы весьма внушительными требованиями работы, а также длинным списком навыков, знаний, компетенций: работа со специальными документами, знание юриспруденции и зарубежного права для представления интересов российских клиентов за рубежом.

Для взаимодействия с нерусскоговорящими специалистами требуется знание иностранного языка и умение использовать его для точного выражения целей, идей и проблем, для обмена информацией в деловом общении на профессиональном уровне. Изучение дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» предоставляет студентам-юристам вышеперечисленные возможности и включает в себя изучение профессиональной лексики. Даже при знании грамматики, морфологии и синтаксиса без специализированного словарного запаса невозможно обеспечить достаточную точность при обсуждении правовых проблем [25–27]. Данная дисциплина должна включать в себя следующие разделы: *Business networking skills* (организация встречи, написание формальных и неформальных повесток дня, ведение делового разговора), *Applying for the job* (участие в интервью, резюме, оформление писем), *The work environment* (корпоративная культура, разговор о работе), *Talking about your company and business* (представление и описание вашей компании, реклама), *Business communication* (структура делового письма, письма-предложения, рекламного письма, письма-жалобы, ответа на жалобу; переговоры и заключение договоров), *Lawsystem* (виды правовых систем).

Рекомендации для устранения проблем, связанных с формированием культуры деловых обменов среди студентов-юристов

Культура делового общения выступает сложным структурно-уровневым образованием, которое проходит длительный период совершенствования и развития. Необходимы определенные рекомендации для создания эффективного образовательного процесса по формированию культуры делового общения среди студентов-юристов.

В первую очередь, обучение студентов-юристов должно быть направлено на грамотное использование профессиональной терминологии. Правильное использование юридической терминологии студенты-юристы осваивают при изучении курсов «Теория государства и права», а «Русский язык для юристов» позволит освоить умение грамотного письма. Студенты-юристы должны уметь составлять и обрабатывать документы, поэтому учебный процесс должен способствовать развитию данных умений. Кроме того, преподавание должно включать как можно больше письменных заданий, чтобы студенты-юристы приобретали навыки делового письма. Благодаря этому они смогут в дальнейшем работать с документами (деловые письма, протоколы, отчеты, акты, заявления, договоры, постановления и т. д.).

Специфика профессионального общения требует от юристов высокого уровня коммуникативных качеств, навыков и компетенций, которые развиваются

как в процессе обучения, так и на практике. Студентов-юристов следует знакомить со специализированными формами обучения, способствующими развитию коммуникативных навыков, такими как дебаты, деловые игры и состязания. Общение с другими людьми лежит в основе профессиональной деятельности юристов всех специальностей. Поэтому внедрение заданий на отработку коммуникативных навыков является одной из главных рекомендаций по повышению эффективности образовательного процесса.

Учитывая нынешний спрос на иностранные языки, мы можем сделать вывод, что образование должно быть нацелено на повышение качества профессиональной подготовки юристов посредством разработки и внедрения технологии формирования культуры делового общения в процессе изучения иностранного языка. Данная технология обучения должна включать в себя особенности педагогического содержания (основные лексические учебные темы и учебные темы по разделу «Деловое общение в юридической деятельности»); процессуальные особенности (организация учебной деятельности в малых группах на основе создания условий для активной совместной учебной деятельности в различных учебных ситуациях, сочетание традиционных и интерактивных методов обучения с использованием иностранного языка (типизированные ситуации, интерактивное обучение, case study, метод проектов, анализ деловой переписки (basketметод), обучение действием); комплекс диагностических методик) при проектировании авторской методики [28].

Для решения проблемы недостаточного использования современных технологий для формирования культуры делового общения у студентов-юристов требуется создание онлайн-курсов и мобильных приложений для обучения культуре делового общения. Это позволит студентам получать доступ к обучающим материалам в любое время и из любой точки мира. Можно использовать игры и симуляторы, которые помогут студентам быстро и доступно применять знания на практике. Кроме того, одним из способов решения поставленной проблемы может быть создание сообщества студентов-юристов, которые активно используют современные технологии для обмена опытом и идеями.

Заключение

На основе анализа проблем формирования культуры делового общения у студентов-юристов была выявлена следующая закономерность: если учащийся не обладает знаниями деловой лексики, грамматических норм,

правилами делового этикета, межкультурной деловой коммуникации, то это приводит к невозможности эффективного профессионального взаимодействия. Основной задачей в области преподавания в юридических вузах для формирования культуры делового общения у студентов-юристов является максимальное приближение целей программы содержания образования к профессионально ориентированным результатам обучения. Решением поставленной задачи послужат введение практических занятий, которые готовят студентов к работе в группах и дают им возможность реализовать себя; изучение английского языка, использование интерактивных методов обучения с помощью современных технологий.

Сегодня существует серьезная проблема отсутствия курсов, обучающих коммуникативным навыкам юристов в профессии. Основная задача подготовки успешных юристов в плане развития профессиональных речевых навыков – преодоление оторванности вузовского юридического образования от юридических наук и практики, что приводит к разрушению профессиональной подготовки студентов-юристов. Помимо внедрения перечисленных в статье дисциплин в программу обучения студентов-юристов, важную роль играет введение в учебный план практических занятий, письменных заданий, использование новейших интерактивных технологий для формирования профессионально-речевой компетенции обучающихся. Современные технологии в обучении культуре делового общения позволяют студентам-юристам получать доступ к учебным материалам, что облегчает процесс обучения и повышает его эффективность. Кроме того, современные технологии позволяют использовать интерактивные методы обучения, что делает образовательный процесс более увлекательным и позволяет студентам-юристам применять навыки на практике. Также необходимо внедрение индивидуального подхода к обучению культуре делового общения. Каждый студент и юрист имеет свои индивидуальные особенности, которые могут повлиять на эффективность обучения, поэтому стоит учитывать эти особенности и разрабатывать индивидуальные программы обучения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Турабаева Л. К., Абдикеримова Г. А., Есболаева И. А., Жапбарова Г. А. Формирование и развитие культуры речи. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 6-4. С. 797–799. [Turabaeva L. K., Abdikarimova G. A., Esbolaeva I. A., Zhapbarova G. A. Formation and cultural development

- of the speech. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2016, (6-4): 797–799. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/rqbsqp>
2. Зауторова Э. В. Социально-педагогическая поддержка в профессиональной подготовке студентов. *Глобальные, национальные, региональные проблемы развития приоритетных отраслей в условиях цифровой экономики: Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 17 мая 2022 г.) М.: АЭО, 2022. С. 96–99. [Zautorova E. V. Social and pedagogical support in the professional training of students. *Global, national, and regional problems of the development of priority industries in the digital economy: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 17 May 2022. Moscow: AEO, 2022, 96–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nkcydp>
  3. Кузнецов В. А., Кузнецова О. Ю. Деловое общение в педагогическом коллективе. *Перспективы науки и образования*. 2014. № 3. С. 56–62. [Kuznetsov V. A., Kuznetsova O. Yu. Business communication in the pedagogical collective. *Perspectives of science and education*, 2014, (3): 56–62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/squatv>
  4. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мир книги; Литература, 2006. 416 с. [Berdyayev N. A. *Self-knowledge: experience of philosophical autobiography*. Moscow: Mir knigi; Literatura, 2006, 416. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwomzp>
  5. Храмова Н. Г. Профессиональные коммуникативные компетенции студентов юридических вузов в системе повышения качества высшего юридического образования. *Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 3. С. 203–212. [Khrantsova N. G. Professional communicative competences of law students in the system for improving the quality of higher legal education. *The Humanities and Social Sciences*, 2016, (3): 203–212. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wfjanz>
  6. Евтушенко С. Я. Особенности обучения деловому общению иностранных студентов в аспекте русского языка как иностранного. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 2. С. 171–175. [Evtushenko S. Ya. Features of training foreign students in business communication in the aspect of Russian as a foreign language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (2): 171–175. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wdzjbb>
  7. Панфилова А. П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб.: Знание, 2001. 433 с. [Panfilova A. P. *Business communication in professional activity*. St. Petersburg: Znanie, 2001, 433. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kywop>
  8. Ахбарова Г. Х. Изучение жанров деловой речи в школе. *Русский язык в школе*. 2006. № 2. С. 7–11. [Akhbarova G. H. Studying the genres of business speech at school. *Russian Language at School*, 2006, (2): 7–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ohlvtv>
  9. Чернышова Л. И. Деловое общение. М.: ЮНИТИ, 2012. 414 с. [Chernyshova L. I. *Business communication*. Moscow: UNITI, 2012, 414. (In Russ.)]
  10. Далецкий Ч. Б. Риторико-коммуникативная культура личности юриста. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 4. С. 94–101. [Daletsky Ch. B. Rhetoric-communicative culture of a lawyer's personality. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, (4): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkaxup>
  11. Барабанщиков В. А. Восприятие в структуре общения. *Мир психологии*. 2013. № 1. С. 168–187. [Barabanshchikov V. A. Perception in the communication structure. *Mir psixologii*, 2013, (1): 168–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxtqix>
  12. Большунов А. Я., Киселева Н. И., Марченко Г. И., Новиков А. В. Деловые коммуникации, ред. А. Г. Тюриков, Л. И. Чернышова. М.: КноРус, 2019. 282 с. [Bolshunov A. Y., Kiseleva N. I., Marchenko G. I., Novikov A. V. *Business communications*, ed. Tyurikov A. G., Chernyshova L. I. Moscow: KnoRus, 2019, 282. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fxuvwo>
  13. Бороздина Г. В., Кормнова Н. А. Психология и этика делового общения. М.: Юрайт, 2023. 392 с. [Borozdina G. V., Kormnova N. A. *Psychology and ethics of business communication*. Moscow: Iurait, 2023, 392. (In Russ.)]
  14. Дутов Ю. И. Формирование правовой культуры курсантов образовательных учреждений МВД России: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2006. 221 с. [Dutov Yu. I. *Formation of the legal culture of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Cand. Ped. Sci. Diss. Voronezh, 2006, 221. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxxbkj>
  15. Косянова О. М. Коммуникативная компетентность как одна из основ качественного профессионального образования студентов правовых специальностей. *Наука и школа*. 2008. № 1. С. 8–11. [Kosyanova O. M. Communicative competence as one of the foundations of high-quality professional education for students of legal specialties. *Nauka i shkola*, 2008, (1): 8–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncrxgd>
  16. Кузин Ф. А. Культура делового общения. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2002. 320 с. [Kuzin F. A. *Culture of business communication*. 6th ed. Moscow: Os-89, 2002, 320. (In Russ.)]

17. Соболева А. К. Риторическая подготовка студентов-юристов, или юридическая риторика как учебный предмет. *Предмет риторики и проблемы и проблемы преподавания: Первая Всерос. конф. по риторике*. (Москва, 28–30 января 1997 г.) М.: Добросвет, 1998. С. 194–205. [Soboleva A. K. Rhetorical training of law students, or legal rhetoric as an academic subject. *The subject of rhetoric and problems and problems of teaching: Proc. First All-Russian Conf. by rhetoric, Moscow, 28–30 Jan 1997*. Moscow: Dobrosvet, 1998, 194–205. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zlpfuh>
18. Карташова Л. Э. О роли учебной дисциплины «Ораторское искусство» в формировании юриста. *Вестник Российского университета кооперации*. 2015. № 2. С. 135–138. [Kartashova L. E. The role of the subject "Juridical rhetoric" in the developing of law competences. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperatsii*, 2015, (2): 135–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhual>
19. Baker A. C., Jensen P. J., Kolb D. A. Conversation as experiential learning. *Management Learning*, 2005, 36(4): 411–427. <https://doi.org/10.1177/1350507605058130>
20. Elbow P. *Embracing contraries: Explorations in learning and teaching*. NY: Oxford University Press, 1986, 338.
21. Казиева Н. Н. Коммуникативная культура и особенности делового общения. *Наука, техника и образование*. 2017. № 11. С. 75–77. [Kazieva N. N. Communicative culture and features of business communication. *Nauka, tekhnika i obrazovaniye*, 2017, (11): 75–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsqlivz>
22. Мандель Б. Р. Педагогика. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2014. 288 с. [Mandel B. R. *Pedagogy*. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2014, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tomvvh>
23. Соловейчик С. Л. Педагогика для всех. М.: АСТ; Времена, сор., 2023. 413 с. [Soloveitchik S. L. *Pedagogy for all*. Moscow: AST; Vremena, 2023, 493. (In Russ.)]
24. Методические указания для обучения устной речи на английском языке, сост. Н. Н. Курпешко. Кемерово: КузГТУ, 2001. 36 с. [*Methodological guidelines for teaching oral speech in English*, comp. Kurpeshko N. N. Kemerovo: KuzSTU, 2001, 14–28. (In Russ.)]
25. Лебедева Т. А. Профессионально ориентированная коммуникативная подготовка студентов-юристов. *Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки*. 2011. № 3. С. 172–177. [Lebedeva T. A. Professionally oriented communicative training of law students. *Vestnik Moskovskoi gosudarstvennoi akademii delovogo administrirovaniia. Seria: Filosofskie, sotsialnye i estestvennye nauki*, 2011, (3): 172–177. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxohnx>
26. Макушина Е. Б. Место дисциплины «Теория и практика правовых коммуникаций» в учебной программе подготовки юристов. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2003. № 1. С. 14–16. [Makushina E. B. The place of the discipline Theory and practice of legal communications in the training program for lawyers. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2003, (1): 14–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qisyfd>
27. Попов Е. Б. *Legal English. Specialties and Particulars*. Английский язык для юристов. Книга первая: углубленный курс. Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, 2015. 235 с. [Popov E. B. *Legal English. Specialties and Particulars. English for lawyers. The first book: an in-depth course*. Orenburg: Orenburg Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University, 2015, 235. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugotdr>
28. Кленина Н. В. Формирование культуры делового общения будущих юристов средствами иностранного языка. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2010. Т. 16. № 3. С. 73–77. [Klenina N. V. Formation of culture of business communication of future lawyers by means of foreign language. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seria: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaia rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2010, 16(3): 73–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ntucrn>

оригинальная статья

Некоторые аспекты взаимодействия в системе органов публичной власти в контексте обеспечения доверия

Гуторова Алла Николаевна

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

<https://orcid.org/0000-0003-0345-6903>

allagutorova@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2022. Принята после рецензирования 02.12.2022. Принята в печать 08.12.2022.

Аннотация: Народное доверие не может быть полностью связано с деятельностью депутатов Государственной Думы, законодательных (представительных) органов субъекта РФ, представительных органов муниципалитетов и обусловлено исключительно ей. Актуальность проблематики неуклонно возрастает в условиях наличия института выборности единоличных должностных лиц (причем на разных уровнях публичной власти) вплоть до противопоставления институтов коллегиального и единоличного, но одновременно – выборного народного представительства. Предмет исследования – конституционные и отраслевые нормы, регулирующие отношения в системе органов публичной власти. Цель – выявить особенности конституционно-правового регулирования взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в системе публичной власти с позиции доверия. Посредством использования общенаучных и специальных методов (сравнительно-правового и догматического) исследованы взаимоотношения между федеральными, региональными органами государственной власти и органами местного самоуправления. Выделена совокупность норм, позволяющих достигнуть разумного компромисса между конституционными принципами разделения властей и единства системы публичной власти. Негативно оценено введение критерия недостижения показателей для оценки эффективности деятельности глав муниципальных образований. Установлено, что право на выражение доверия или недоверия – это правомочие, принадлежащее народному представительству. Его особенность – неопределенность правовых последствий, в отличие от отрешения от должности, удаления в отставку и других юридических форм досрочного прекращения полномочий.

Ключевые слова: высшее должностное лицо, Президент России, глава муниципального образования, народное доверие, государственные органы власти, органы местного самоуправления, публичная власть

Цитирование: Гуторова А. Н. Некоторые аспекты взаимодействия в системе органов публичной власти в контексте обеспечения доверия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 195–203. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-195-203>

full article

Some Aspects of Interaction in the System of Public Authorities in the Context of Trust Assurance

Alla N. Gutorova

Southwest State University, Russia, Kursk

<https://orcid.org/0000-0003-0345-6903>

allagutorova@mail.ru

Received 31 Oct 2022. Accepted after peer review 2 Dec 2022. Accepted for publication 8 Dec 2022.

Abstract: People's trust depends not only on the deputies of the State Duma that represent regions or municipalities. However, the relevance of the problem is connected with the opposition between institutions of collegiate and individual people's delegates. This study featured the constitutional and sectoral norms that govern the public relations in the system of public authorities. The author used the perspective of trust assurance to study the constitutional and legal regulation of public authorities and local self-government within the framework of public authorities. The study involved general scientific and special methods, e.g., comparative legal and dogmatic analyses, and described the relations between the federal authorities, the state power, and the local self-government. The analysis revealed a set of norms that allows for a reasonable compromise between the constitutional principles of the separation of powers and the unity of the system of public power. The author believes that the non-achievement criterion used

for assessing the performance of municipal authorities should be removed. The right to express confidence or distrust is a power that belongs to the people's representation. It has uncertain legal consequences and cannot be associated with obligatory removal from office, forced resignation, and other legal forms of early termination of powers.

Keywords: highest official, President of Russia, head of the municipality, people's trust, state authorities, local self-government bodies, public authorities

Citation: Gutorova A. N. Some Aspects of Interaction in the System of Public Authorities in the Context of Trust Assurance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 195–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-195-203>

Введение

В советской России не было институтов выборных единоличных органов, фактически первыми лицами были Генеральный секретарь ЦК КПСС и партийные секретари республик, краев, областей, городов и других административно-территориальных единиц. В России вследствие проведения референдума в 1991 г. был учрежден пост выборного Президента (сначала РСФСР, затем России); стал набирать силу институт единоличного представительства, который требовал не меньшего статуса народного доверия, чем выборный парламент [1, с. 107]. В субъектах РФ и муниципальных образованиях наблюдались неоднозначные процессы «маятниковых» колебаний между выборным или невыборным статусом высших должностных лиц или глав муниципалитетов, однако юридическая возможность прямого мандата народного доверия (за исключением небольшого периода в отношении высших должностных лиц субъектов РФ) всегда сохранялась.

В ч. 2 ст. 1 ФЗ № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414-ФЗ)¹ подчеркивается, что именно Президент РФ обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех органов, которые входят в единую систему публичной власти. При такой формулировке логично предположить, что даже самостоятельные по вопросам местного значения муниципальные органы публичной власти подпадают под эту обязывающую норму права; в свою очередь роль государственных органов субъектов РФ в данном процессе определена законом значительно яснее: они юридически обязаны действовать согласованно, взаимодействовать друг с другом, причем основополагающее координирующее значение здесь имеет компетенция Президента РФ как главы государства [2, с. 23]. Это становится возможным главным образом вследствие институциональных гарантий народного доверия в отношении президентского института в целом и конкретного лица, замещающего данную должность в соответствующий момент времени ввиду завершения очередного избирательного цикла и очередной поддержки победившей на выборах кандидатуры.

Институт доверия органам государственной власти субъекта РФ

Конкурирующее состояние институтов народного доверия федеральным и региональным органам публичной власти проявляется вследствие развития в федеральном законодательстве института федерального участия в осуществлении региональной кадровой политики (ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ). Конституция РФ напрямую не обязывает федеральную законодательную власть устанавливать правило об участии федеральных органов исполнительной власти в формировании исполнительных органов субъектов РФ, но и не запрещает этого [3, с. 56]. Можно было бы предположить, что пользующееся мандатом прямого (через выборы) и опосредованного (через доверие Президента РФ) народного доверия высшее должностное лицо субъекта РФ должно было бы наделяться правом самостоятельно определять, каких должностных лиц исполнительной власти (своих заместителей, министров, руководителей департаментов, управлений, комитетов, служб и т. п.) назначать на должности или лишать соответствующих властных полномочий.

Федеральный закон в обновленной редакции (ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ) довольно четко указал перечень должностных лиц, которые подлежат согласованию с федеральными властями, причем это касается реализации не столько предметов совместного ведения Федерации и субъектов РФ, сколько вопросов исключительного ведения субъектов РФ. Согласование назначения на должность осуществляется по результатам проверки соответствия кандидатов квалификационным или иным требованиям, причем это касается не только наделения их полномочиями, но и досрочного прекращения их деятельности [4].

Таким образом, федеральный законодатель в вопросе о проверке соответствия кандидатов квалификационным и иным требованиям, по существу, «не доверяет» не только региональным государственным властям, но и территориальным органам федеральных органов государственной власти (например, прокуратуре, органам управления в сфере юстиции). Причем эта функция – сугубо юридическая, не организационно-правовая. Проверка соответствия

¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414-ФЗ от 21.12.2021. *Российская газета*. 2021. № 294.

кандидатов квалификационным и иным требованиям осуществляется повсеместно на всех предприятиях, в учреждениях и в организациях страны на основании норм Трудового кодекса РФ² без какого-либо вмешательства извне вышестоящих органов публичной власти. Для контроля законности данного процесса, как показывает практика, достаточно полномочий и ресурсов органов прокуратуры [5].

Понимая инновационную природу методов правового регулирования ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ, законодатель одновременно установил ряд требований, направленных на недопущение злоупотребления [6], в их числе:

- во-первых, исчерпывающий характер перечня ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ, на что есть прямое указание в ч. 5 ст. 4 данного закона;
- во-вторых, кодифицированный подход к правовому регулированию (перечень ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ может содержаться только в указанном законе, регулирование этих отношений в других законодательных актах не влечет за собой каких-либо правовых последствий);
- в-третьих, правило о том, что изменения и дополнения в ч. 4 ст. 4 подлежат обсуждению рабочими органами Государственного Совета РФ в соответствии с процедурами, установленными соответствующим федеральным законом³.

Анализ данных гарантий и практики их реализации показывает, что органы исполнительной власти субъектов РФ имеют собственный публичный интерес в реализации самостоятельной кадровой политики, что проявляется в открытом или латентном противодействии федеральному вмешательству в региональный управленческий процесс. Однако исследуемое явление имеет более сложную правовую природу, поскольку оно позволяет одновременно добиться большей степени рассредоточения фактической публичной власти между институционально конкурирующими органами [7, с. 93] благодаря соразмерному ослаблению компетенции высших должностных лиц субъектов РФ. В связи с этим подчеркнем, что региональные руководители органов исполнительной власти специальной компетенции, перечень которых указан в ч. 4 ст. 4 ФЗ № 414-ФЗ, фактически становятся должностными лицами «двойного подчинения» (федеральным властям и высшему должностному лицу субъекта), лишая тем самым глав регионов возможности непосредственно распоряжаться в соответствующих сферах исполнительно-распорядительной деятельности. Это, при прочих равных условиях, благоприятно влияет на реализацию требований ст. 10 Конституции РФ о разделении властей применительно к уровню субъектов РФ.

Кроме того, отметим, что норма ч. 6 ст. 11 ФЗ № 414-ФЗ соразмерно расширяет сферу контрольной компетенции регионального органа народного представительства в отношении территориальных органов федеральных органов исполнительной власти специальной компетенции [8]. Законодательный орган субъекта РФ обладает правом приглашать соответствующих должностных лиц, корреспондирует их обязанность выступить на заседании и ответить на вопросы депутатов. По существу, это своего рода правительственный час [9, с. 71], только в отношении федеральных органов исполнительной власти, которые органам государственной власти субъектов Российской Федерации, строго говоря, не подконтрольны и не подотчетны.

Таким образом, федеральный законодатель, с одной стороны, расширяет полномочия федеральной власти (экспансия круга должностных лиц, подлежащих согласованию с федеральными властями), с другой – соразмерно этому увеличивает компетенцию государственных органов субъектов РФ (право на ограниченный контроль деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, которые действуют на территориях соответствующих субъектов РФ). Такого рода институциональные «переплетения» весьма благоприятно влияют на реализацию конституционной цели поиска надлежащего баланса между конституционными принципами разделения властей и единства системы публичной власти [10, с. 36].

Вместе с тем выскажем критическое суждение в отношении анализируемого Федерального закона № 414-ФЗ. Так, законодатель настолько часто повторяет юридическим рефреном формулу о единой системе публичной власти, что это нередко приводит к неоправданным нарушениям правил юридической техники [11, с. 246]. Например, ч. 1 ст. 2 данного закона регулирует принципы деятельности государственных органов субъектов РФ. Если соединить в одну логическую цепочку первый абзац и п. 5 данной части (в ч. 1 ст. 2 каждый из пунктов относится к первому абзацу), то юридическая норма будет выглядеть следующим образом: «Деятельность органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, осуществляется в соответствии с принципом единства системы публичной власти». Нетрудно заметить, что законодатель дважды в одной и той же правовой норме указывает на принцип единства системы публичной власти, в чем нет никакой необходимости. Повторное правовое регулирование не усиливает действие правовой нормы, но лишь нарушает принцип нормативной экономии.

² Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001 с послед. изм. *СЗ РФ*. 2002. № 1. Ст. 3.

³ О Государственном Совете РФ. ФЗ № 394-ФЗ от 08.12.2020. *СЗ РФ*. 2020. № 50. Ст. 8039.

Доверие органам местного самоуправления со стороны главы субъекта РФ

Конституционно-правовая риторика последних десятилетий [12] выработала, на наш взгляд, довольно спорную позицию, согласно которой федерализм якобы создает меньшие гарантии автономии и независимости, чем местное самоуправление. Этому, по сути, ложному пониманию смысла конституционных правоотношений во многом способствовало закрепление в Конституции РФ (до внесения поправок 2020 г.) положения, согласно которому органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, в то время как государственная исполнительная власть (Федерации и субъектов РФ) образует единую иерархическую систему. Из этого делались спорные выводы, что публичная власть субъектов РФ как подсистема государственной власти нуждается в большей степени иерархичности, чем местное самоуправление, которое практически полностью отделено от государственной власти и опирается на тезис о невмешательстве государства во внутренние вопросы муниципалитетов, особенно если речь идет об участии в публичной кадровой политике.

Сегодня подходы к данным вопросам меняются [13, с. 80]. Местное самоуправление перестает быть «неприкосновенным» конституционно-правовым институтом, особенно вследствие конституционных поправок 2020 г., согласно которым органы местного самоуправления и органы государственной власти теперь образуют единую систему публичной власти. Это обстоятельство дает шансы к разумной корректировке господствующего конституционного правосознания в пользу обоснования необходимости более высокой степени автономии субъектов Федерации как участников федеративных отношений, причем значительно большей, чем это имеет отношение к муниципальным образованиям [14]. Конечно, положения Европейской хартии местного самоуправления⁴ не распространяются на органы публичной власти субъектов РФ, однако имеется гораздо более весомый источник гарантий самостоятельности субъектов РФ, чем положения Европейской хартии – это Конституция РФ, ее статьи 73 и 76. Федеральному законодателю не следует забывать об интересах субъектов РФ, их нельзя игнорировать, они нуждаются в соразмерной реализации посредством федерального правотворчества [15].

Законодательство о местном самоуправлении, опирающееся на нормативное установление ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности систем органов государственной власти и органов местного самоуправления [16, с. 34], до настоящего времени отрицает фактор доверия муниципальным органам

со стороны региональной государственной власти, полагая это своего рода вмешательством государства в деятельность местных сообществ. Во всяком случае, положения пунктов 13 и 14 ст. 25 ФЗ № 414-ФЗ отдают предпочтение таким основаниям, как, во-первых, неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципалитетами обязанностей в части делегированной государственной компетенции, во-вторых, недостижение показателей для оценки эффективности деятельности глав муниципальных образований. В первом случае включается процедура досрочного прекращения полномочий волей главы субъекта РФ (сначала предупреждение или выговор, затем досрочная отставка), во втором – решающее значение имеет усмотрение представительного органа муниципального образования (глава субъекта РФ обладает лишь правом инициативы). В обоих случаях утрата доверия главе муниципального образования не имеет юридического значения.

Конечно, критерий неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей [17] по реализации делегированной государственной компетенции является юридически более строгим, чем утрата доверия. Если предположить, что сама по себе утрата доверия является достаточным основанием для того, чтобы глава муниципального образования прекратил досрочно осуществление властных полномочий по решению главы субъекта РФ, то такая модель явно не вписывается в тезис о самостоятельности местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Объясняется это тем, что муниципалитеты не вправе отказаться от их наделяния отдельными государственными полномочиями [18]. Чем больше муниципалитеты наделяются делегированной компетенцией, тем вероятнее досрочные отставки глав муниципальных образований, мотивированные ненадлежащим исполнением соответствующих обязанностей. Однако если глава субъекта РФ перестал доверять главе муниципального образования, но последний добросовестно исполняет свои обязанности в части реализации делегированной компетенции, то высшее должностное лицо вынуждено продолжать работать с утратившим доверие лицом и не имеет каких-либо властных ресурсов, чтобы юридически прекратить подобные отношения.

Нетрудно заметить, что в практической действительности опытный губернатор всегда найдет основания, чтобы досрочно прекратить полномочия главы муниципалитета вследствие ненадлежащего исполнения последним его обязанностей. Добросовестное исполнение одних обязанностей может многократно блокироваться возложением все новых обязанностей, усилением контрольно-надзорных мероприятий,

⁴ Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985). СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

выявлением нарушений и требованием привлечения к ответственности [19]. Фактическим мотивом будет, как правило, утрата доверия, но это (в условиях правового запрета отставки по подобным основаниям) необходимо будет «облачить» в другие юридические формы, придав им видимость ненадлежащего исполнения обязанностей при фактической утрате доверия. Однако так ли отличаются друг от друга утрата доверия и ненадлежащее исполнение обязанностей? Не было бы честнее признать, что главы муниципальных образований могут фактически утрачивать доверие глав субъектов РФ и этому нужно придавать надлежащую правовую форму?

Полагаем, что законодательство в дальнейшем может развиваться в данном направлении. В условиях закрепления в Конституции РФ самостоятельности местного самоуправления трудно согласиться с идеей возможности досрочной отставки глав муниципалитетов ввиду одного лишь недоверия главы субъекта РФ. Однако федеральный закон может установить институт выражения недоверия главы субъекта РФ главе муниципального образования как таковой, сопровождая это рядом других правовых установлений (например, правом представительного органа муниципального образования удалить главу муниципального образования в отставку ввиду недоверия главы субъекта РФ).

При этом важно помнить, что в соответствии с Европейской хартией местного самоуправления основной формой деятельности местных сообществ являются собрания депутатов (в русскоязычной терминологии – заседания представительных органов муниципальных образований). Вероятно, что в теории и практике современной России придается слишком большое значение полномочиям и статусу глав муниципальных образований, в то время как фактическая компетенция по решению вопросов местного значения сосредоточена, главным образом, в границах полномочий представительных органов муниципалитетов. Самостоятельность последних никаким образом не затрагивалось бы, если федеральный закон учредил бы институт утраты доверия главы субъекта РФ главе муниципального образования.

Критически следует оценивать также новацию современного законодательства о возможности досрочного прекращения полномочий глав муниципальных образований вследствие недостижения показателя для оценки эффективности деятельности [20]. Это, по нашему мнению, – путь к очевидной бюрократизации конституционных правоотношений, который заслуживает решительно негативной оценки в юридической науке. Вместо того чтобы своей фактической деятельностью и реальными делами заслуживать и поддерживать доверие избирателей, депутатов, глав субъектов РФ и Президента РФ, современные главы

муниципалитетов теперь вынуждены отслеживать некие показатели эффективности, подтверждать их документально, плодить ненужные документы, заниматься бюрократией в ущерб политике. Этот путь диктуется на федеральном законодательном уровне, поэтому его невозможно преодолеть практикой деятельности органов публичной власти в субъектах РФ и муниципальных образованиях под угрозой прокурорского надзора и неблагоприятных судебных решений. Возможно, для оценки эффективности деятельности должностных лиц муниципалитетов и должны использоваться некие показатели, но их недостижение вследствие общепринятых конституционно-правовых ценностей современного российского общества не может служить основанием для досрочной отставки избранных населением и имеющих прямой мандат народного доверия должностных лиц.

Соотношение конституционных институтов выражения доверия или недоверия и народное доверие

Контрольная функция регионального народного представительства дополняется правом законодательного органа субъекта РФ на выражение доверия или недоверия [21, с. 7], во-первых, высшему должностному лицу субъекта РФ, во-вторых, руководителям исполнительных органов субъекта РФ, в назначении которых на должность законодательный орган субъекта РФ принимал участие (п. 5 ч. 3 ст. 8 ФЗ № 414-ФЗ). Данное правило в его сравнении с федеральным регулированием позволяет выявить его следующие отличительные черты. Ни Совет Федерации, ни Государственная Дума не наделены правомочием выражения доверия или недоверия Президенту РФ, это возможно исключительно в отношении Правительства РФ, причем только со стороны Государственной Думы как одной из палат Федерального Собрания. В субъектах РФ, напротив, доверие или недоверие выражается в отношении должностных лиц, т. е. конкретных людей, которые не образуют в совокупности коллегиальных органов (таких как члены Правительства РФ – физические лица) [22, с. 68].

Вопрос о соотношении конституционных институтов *выражение доверия или недоверия органам и должностным лицам и народное доверие* требует отдельного, самостоятельного исследования. В рамках заявленной проблематики отметим, что выражение доверия или недоверия не следует смешивать с народным доверием, хотя между этими конституционными явлениями есть много общего. Право на выражение доверия или недоверия – это правомочие, принадлежащее народному представительству. Его особенность – неопределенность правовых последствий (в отличие от отрешения от должности, удаления в отставку

и других юридических форм досрочного прекращения полномочий) достаточно определенного по своим правовым последствиям юрисдикционного установления. Если народное представительство утратило доверие к исполнительной власти (или ее отдельным представителям) – это еще не основание для досрочной отставки последней, но это важный общественный сигнал для принятия адекватных организационно-правовых мер, включая возможность досрочного прекращения полномочий на основе волеизъявления самой исполнительной власти (не полностью добровольного, но в то же время и не predetermined полностью волей депутатского корпуса) [23].

Доверие народного представительства исполнительной власти – это форма реализации народного доверия [24, с. 44], но эти способы доверия могут не совпадать и даже расходиться друг с другом. Депутаты как члены коллегиального органа в течение срока полномочий могут сами утратить доверие граждан, причем значение этого фактора возрастает по мере удаления во времени в течение срока действующей легислатуры от результатов последних выборов. В случае эскалации конфликта между представительной и исполнительной властью каждая из сторон имеет основания ссылаться на фактор народного доверия, поэтому выражение недоверия исполнительной власти со стороны народного представительства может повлечь за собой необходимость апелляции исполнительной власти непосредственно к народу.

Политической истории нашей страны хорошо известны кризисные отношения 1993 г., когда вертикально выстроенная единая система представительной власти оказывала организованное противодействие такой же вертикально выстроенной единой системе исполнительной власти. В итоге эти отношения оказались конституционно неустойчивой правовой конструкцией, что привело к цепочке кризисных явлений и завершилось принятием всенародным голосованием Конституции РФ, прямыми выборами членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, заключением Договора об общественном согласии и т. п.

Выражение представительным органом субъекта РФ недоверия отдельным должностным лицам региональной исполнительной власти (высшему должностному лицу и должностным лицам, в назначении которых региональный парламент принимал участие) следует отличать от «зеркальной» (фактически – балансирующей) процедуры роспуска регионального органа законодательной власти решениями Президента РФ или высшего должностного лица субъекта РФ [25]. Важно подчеркнуть само наличие механизмов, обеспечивающих баланс балансирующих механизмов (законодательный орган субъекта РФ вправе выразить недоверие высшему должностному лицу субъекта РФ; высшее должностное лицо субъекта РФ обладает

возможностью досрочного прекращения полномочий законодательного органа субъекта РФ), что, однако, наблюдается не во всех случаях (законодательный орган субъекта РФ не обладает правом выражения недоверия Президенту РФ, в то время как Президент РФ может распустить законодательный орган субъекта РФ; руководителям отдельных органов исполнительной власти субъектов РФ (кроме высшего должностного лица) может быть выражено недоверие законодательного органа субъекта РФ, но исполнительные органы, в формировании состава которых принимал участие законодательный орган субъекта РФ, не вправе принимать решения о роспуске данного законодательного органа) [26, с. 98]. Кроме того, роспуск законодательного органа субъекта РФ может быть мотивирован исключительно юридико-деликтными основаниями (неисполнение решения суда), что не имеет прямого отношения к доверию или недоверию одних органов в отношении других.

Заклучение

Выявлена возможность использования различных конституционно-институциональных решений в отношении аспектов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в системе публичной власти с позиции доверия. Один из подходов мог бы состоять в недифференцированном федеральном нормативно-правовом установлении, согласно которому все должностные лица должны избираться непосредственно гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (Президент РФ, высшие должностные лица субъектов РФ, главы муниципальных образований). Мотивировать это можно было бы достоинствами имеющегося конституционно-правового статуса Президента РФ, что допустимо использовать по аналогии в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Такое институциональное решение выгодно отличалось бы повышенными гарантиями обеспечения народного доверия всем ключевым должностным лицам в единой системе публичной власти. Однако, как это ни парадоксально, оно не вполне вписывается в публичные интересы ряда субъектов конституционных правоотношений, поскольку выборность должностных лиц субъектов РФ и муниципальных образований ставит их в автономное, независимое от федеральных органов положение.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2023 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства».

Funding: The publication was part of state task No. 085102020-0033 (2023): Transformation of private and public law in the context of the evolution of the individual, society, and the state.

Литература / References

1. Давыборец Е. Н. «Феномен» доверия президенту России. *Социологические исследования*. 2016. № 11. С. 107–113. [Davyborets E. N. "Phenomenon" of trust to Russia's president. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2016, (11): 107–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzjrzb>
2. Едалов Г. В. Правовой статус Президента Российской Федерации как гаранта конституции России в сфере федерального вмешательства. *Бизнес в законе*. 2009. № 3. С. 22–24. [Edalov G. V. The law status of the President of the Russian Federation as the guarantee of the Russian Federation Constitution in the sphere of federal intervention. *Biznes v zakone*, 2009, (3): 22–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kohbmp>
3. Панов А. А. Полномочия Президента Российской Федерации, связанные с формированием и деятельностью органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 6. С. 56–67. [Panov A. A. Authorities of the President of the Russian Federation in the sphere of formation and activity of executive bodies of the subjects of Russian Federation. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGiUA)*, 2018, (6): 56–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvrrdg>
4. Рачёноква О. Н. Юридическое согласование в механизме современного российского федерализма. *Многосоставные государства: опыт и перспективы развития*: Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 29–30 мая 2019 г.) Пенза: ПГУ, 2019. С. 128–131. [Rachenkova O. N. Legal coordination in the mechanism of modern Russian federalism. *Multiple states: experience and development prospects*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 29–30 May 2019. Penza: PSU, 2019, 128–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fkvkjy>
5. Козлов Т. Л., Илий С. К. Прокурорский надзор за исполнением законов о государственной и муниципальной службе, противодействию коррупции. *Вестник ВИПК МВД России*. 2016. № 2. С. 33–43. [Kozlov T. L., Iliy S. K. Procuracy supervision over implementation of the laws on state and municipal service, combating corruption. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2016, (2): 33–43. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vytwfnf>
6. Коломейцева Т. А., Свистунова Л. Ю. Функции и гарантии конституционных запретов и ограничений. *Ученые записки юридического факультета*. 2021. № 3. С. 19–22. [Kolomeyeva T. A., Svistunova L. Yu. Functions and guarantees of constitutional prohibitions and restrictions. *Uchenye zapiski iuridicheskogo fakulteta*, 2021, (3): 19–22. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/houhox>
7. Мальй А. Ф., Соломонов П. Н. О воплощении принципа разделения власти в организационной структуре субъекта Российской Федерации. *Евразийская адвокатура*. 2018. № 2. С. 93–95. [Malyj A. F., Solomonov P. N. Application separation of the authority principle in the organizational structure of the Russian Federation subject. *Eurasian advocacy*, 2018, (2): 93–95. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xpbfpg>
8. Рогожина Е. А. Территориальные органы федеральных органов исполнительной власти. *Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России*. 2009. № 1. С. 84–85. [Rogozhina E. A. Territorial bodies of federal executive authorities. *Regionalnye aspekty upravleniya, ekonomiki i prava Severo-zapadnogo federalnogo okruga Rossii*, 2009, (1): 84–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ydddqg>
9. Лолаева А. С. «Правительственный час» как форма парламентского контроля в субъектах Российской Федерации. *Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства*: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 10 февраля 2016 г.) Уфа: Аэтерна, 2016. С. 71–73. [Lolaeva A. S. "Government hour" as a form of parliamentary control in the subjects of the Russian Federation. *Current state and prospects of development of Russian and international legislation*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 10 Feb 2016. Ufa: Aeterna, 2016, 71–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vllszn>
10. Комарова В. В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей. *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 9. С. 36–46. [Komarova V. V. The constitutional system of power in the Russian Federation and the principle of separation of powers. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2017, (9): 36–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.82.9.036-046>
11. Усманова Е. Ф. Соблюдение правил юридической техники как фактор повышения эффективности законодательства. *Символ науки*. 2015. № 11-1. С. 246–247. [Usmanova E. F. Compliance with the rules of legal technique as a factor of improving the effectiveness of legislation. *Simvol nauki*, 2015, (11-1): 246–247. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbrrsz>

12. Попов Е. А. Социально-правовое «красноречие» российской Конституции. *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. 2011. № 3. С. 153–160. [Popov E. A. Social and legal "eloquence" of the Russian Constitution. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo*, 2011, (3): 153–160. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qqyqnev>
13. Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 4. С. 80–97. [Gritsenko E. V. Federalism and local self-government in the light of Russian Constitutional Reform 2020. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, (4): 80–97. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wucdnz>
14. Хабриева Т. Я., Сивицкий В. А. Федеральное Собрание в 2003 году: вклад законодателей в развитие российского федерализма и местного самоуправления. *Журнал российского права*. 2003. № 12. С. 7–16. [Khabrieva T. Ya., Sivitsky V. A. Federal Assembly in the year 2003: lawmakers' contribution in the development of the Russian federalism and local self-government. *Journal of Russian Law*, 2003, (12): 7–16. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qzqyst>
15. Щепачёв В. А. Развитие местного самоуправления – основа укрепления российского федерализма. *Местное право*. 2016. № 5. С. 13–22. [Shchepachev V. A. The development of local self-governance – strengthening the foundation of the Russian federalism. *Mestnoe pravo*, 2016, (5): 13–22. (In Russ.)]
16. Тоболкина А. С., Елькина А. В. Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020: огосударствление местного самоуправления. *International Law Journal*. 2020. Т. 3. № 1. С. 34–39. [Tobolkina A. S., Elkina A. V. Amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020: nationalization of local self-government. *International Law Journal*, 2020, 3(1): 34–39. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrklni>
17. Обухова Г. Н. Презумпция невиновности в процессе привлечения работника к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей. *Проблемы правоприменения в современной России: науч.-практ. конф.* (Омск, 27 февраля 2015 г) Омск: ОмГУ, 2015. С. 357–360. [Obukhova G. N. Presumption of innocence in the process of bringing an employee to responsibility for non-performance or improper performance of their work duties. *Problems of law enforcement in modern Russia: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, Омск, 27 Feb 2015. Омск: OmSU, 2015, 357–360. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vpnzih>
18. Кеня И. А. Практика регулирования вопросов наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. *Муниципальная служба: правовые вопросы*. 2009. № 4. С. 2–7. [Kenya I. A. The practice of regulating the issues of granting local self-government bodies with separate state powers. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2009, (4): 2–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kyungl>
19. Кондрашев А. А. Отрешение от должности губернатора Президентом Российской Федерации в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения и ненадлежащее исполнение им своих обязанностей: проблемы теории и практической реализации. *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 3. С. 20–32. [Kondrashev A. A. Removal of the Governor by the President of the Russian Federation due to the loss of trust for corruption and improper performance of the duties: problems of theory and implementation. *Lex russica*, 2020, 73(3): 20–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.020-032>
20. Яковенко Д. А. Мониторинг и анализ нормативно-правовой базы, регулирующей современные требования по подготовке докладов о результатах и основных направлениях деятельности (ДРОНД) как основного инструмента в переходе на управление, ориентированного на результат и формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) (на примере Минвостокразвития России и Минкавказ России), в 2017–2019 годах. *Вестник профессионального бухгалтера*. 2019. № 7-9. С. 3–76. [Yakovenko D. A. Monitoring and analysis of the regulatory framework regulating modern requirements for the preparation of reports on results and main activities as the main tool in the transition to result-oriented management and the formation and achievement of performance indicators of federal executive authorities (on the example of the Ministry of Regional Development of Russia and the Ministry of Caucasus of Russia) in 2017–2019. *Vestnik professionalnogo bukhgaltera*, 2019, (7-9): 3–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bxlrjh>
21. Волчкова Н. Н. Вотум недоверия как институт парламентского контроля в субъектах Российской Федерации. *Экономические и гуманитарные науки*. 2016. № 10. С. 3–7. [Volchkova N. N. Vote of no confidence as institute of parliamentary control in subjects of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2016, (10): 3–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xrqcsd>
22. Кузнецов И. И. Контрольные полномочия российского парламента: политические возможности и ограничения. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2011. № 2. С. 68–89. [Kuznetsov I. I. Supervisory powers of the Russian Parliament: political opportunities and constraints. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2011, (2): 68–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ookzww>

23. Тлеубаев Ж. С. Механизм сдержек и противовесов в органах власти: пути совершенствования. *Проблемы права*. 2012. № 2. С. 22–24. [Tleubaev Zh. S. The mechanism of checks and balances in government: ways to improve. *Problemy prava*, 2012, (2): 22–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/shgjlh>
24. Мельникова М. В. Парламентский контроль за деятельностью исполнительной власти. *Вестник Самарского юридического института*. 2015. № 2. С. 44–47. [Melnikova M. V. Parliamentary control over the activity of executive power. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2015, (2): 44–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tyyvwj>
25. Ахьядов Э. С.-М. Основания роспуска законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации как меры конституционно-правовой ответственности. *Гражданин. Выборы. Власть: II Междунар. науч.-практ. конф. (Пятигорск, 25–26 ноября 2015 г.)* Ставрополь: Параграф, 2016. С. 15–17. [Akhyadov E. S.-M. Grounds for the dissolution of the legislative (representative) authorities of the constituent entities of the Russian Federation as a measure of constitutional and legal responsibility. *Citizen. Elections. Power: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Pyatigorsk, 25–26 Nov 2015*. Stavropol: Paragraph, 2016, 15–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozrbkh>
26. Степаненко Д. М. Институт роспуска представительного органа государственной власти в России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 180 с. [Stepanenko D. M. *Institute of the dissolution of the representative body of state power in Russia*. Dr. Law Sci. Diss. Krasnodar, 2007, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nolvpf>

оригинальная статья

Совершенствование методов предоставления государственных и муниципальных услуг как фактор снижения коррупции

Кузнецова Полина Юрьевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, Пермь

pkuznetsova@list.ru

Поступила в редакцию 15.11.2022. Принята после рецензирования 14.02.2023. Принята в печать 15.02.2023.

Аннотация: Важнейшим направлением современного развития государственного управления является совершенствование предоставления государственных и муниципальных услуг на основе новых технологических решений. В качестве ключевой задачи развития данной сферы выступает снижение уровня коррупции. Цель – исследовать методы совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг в России и оценить их воздействия на снижение уровня коррупции в деятельности органов государственного и муниципального управления. В работе использован институциональный подход, позволяющий изучить формально-правовые аспекты государственного управления в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг, в частности нормативные правовые документы и реализацию их положений на практике, и теории сервисного государства и позитивного государственного управления, согласно которым государство призвано удовлетворять потребности общества и гражданина путем предоставления публичных услуг. Институциональный подход, теории сервисного государства и позитивного государственного управления определили применение соответствующих методов исследования: формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа, метод *case study*. В результате проанализирована реализация таких методов снижения коррупции при предоставлении услуг, как внедрение административных регламентов предоставления услуг, организация деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, предоставление услуг в электронной форме. Выявлены проблемы правового и управленческого характера: 1) требования нормативных актов соблюдаются не в полной мере; 2) организациями предпринимаются недостаточные меры для исполнения нормативных правовых актов и организации деятельности в сфере профилактики и противодействия коррупции, не используется потенциал информационных технологий для формирования антикоррупционного поведения граждан и организаций; 3) важнейшим направлением деятельности органов государственной и муниципальной власти в сфере противодействия коррупции при предоставлении услуг в электронной форме должен быть контроль органами полноты и достоверности информации, размещаемой на едином портале. Разработаны рекомендации по их решению.

Ключевые слова: коррупция, государственные услуги, муниципальные услуги, административный регламент, многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, единый портал государственных и муниципальных услуг, административные процедуры, доступность услуг, качество услуг

Цитирование: Кузнецова П. Ю. Совершенствование методов предоставления государственных и муниципальных услуг как фактор снижения коррупции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 204–213. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-204-213>

full article

Improving the Methods of Providing State and Municipal Services as a Factor of Reducing Corruption

Polina Yu. Kuznetsova

Perm National Research Polytechnic University, Russia, Perm

pkuznetsova@list.ru

Received 15 Nov 2022. Accepted after peer review 14 Feb 2023. Accepted for publication 15 Feb 2023.

Abstract: The main task of public administration is to improve public and municipal services by introducing new technological solutions, thus reducing the level of corruption. The research featured the methods for improving state and municipal services in Russia and assessed their anti-corruption impact. The institutional approach made it possible to study the formal legal aspects of public administration in the provision of public and municipal services,

in particular, regulatory legal documents and their implementation. The research also covered the theory of the service state and positive public administration, which allows the state to adapt public services to social needs. The study relied on the formal legal method, a comparative legal analysis, and a case study. The anti-corruption tools included administrative regulations, multifunctional center management, and digital services. The research revealed the following legal and managerial problems: 1) partial violation of regulatory requirements; 2) poor implementation of regulatory and anti-corruption legal acts: service providers fail to use the potential of information technology to shape the anti-corruption behavior in citizens and organizations; 3) digital information posted on the single state portal is incomplete, unreliable, and not controlled by authorities. The article contains some recommendations and solutions.

Keywords: corruption, state services, municipal services, administrative regulations, multifunctional center for the provision of state and municipal services, a single portal of state and municipal services, administrative procedures, availability of services, quality of services

Citation: Kuznetsova P. Yu. Improving the Methods of Providing State and Municipal Services as a Factor of Reducing Corruption. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 204–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-204-213>

Введение

Государственные и муниципальные услуги представляют собой деятельность органов государственного и муниципального управления по реализации полномочий, установленных нормативными правовыми актами. Институт услуг имеет серьезное социальное значение, поскольку в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг реализуются права человека и гражданина в сферах экономических отношений, социального обеспечения, в том числе пенсионного, и социальной защиты, образования, здравоохранения и т.д. Государственные и муниципальные услуги, предоставляемые органами власти, можно разделить на четыре группы: услуги информационного характера; услуги, связанные с получением разрешительных или регистрационных документов; услуги, связанные с получением справок и согласований; услуги, устанавливающие права на получение пенсий, пособий и др. Таким образом, значимость эффективного функционирования данного института невозможно переоценить, поскольку без получения государственных и муниципальных услуг гражданин не сможет реализовать свои законные права и интересы.

Государственные и муниципальные услуги являются ключевым элементом т.н. позитивного управления [1, с. 183], в рамках которого главным пред назначением деятельности органов власти является удовлетворение потребностей граждан в жизнеобеспечении. В силу социальной ориентации государства ключевым показателем эффективности деятельности органов власти становится уровень удовлетворенности граждан предоставляемыми им услугами, обеспечивающими возможность реализации всего комплекса прав, получения льгот и др.

При этом особенностями получения услуг является их заявительный характер и взаимодействие потребителя с органами власти, их должностными лицами. Для получения услуг со стороны гражданина требуется предоставление комплекта документов,

подтверждающих возникновение у него соответствующих прав. Должностные лица на основании представленных документов определяют, может ли данная услуга быть предоставлена. В системе данных отношений существуют коррупционные риски. Для их минимизации внедряются новые методы и технологии предоставления государственных и муниципальных услуг.

Цель исследования – анализ направлений совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг в России и оценка их воздействия на снижение уровня коррупции в деятельности органов государственного и муниципального управления. Задачи: анализ нормативно-правового регулирования предоставления государственных и муниципальных услуг; мероприятий многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг по профилактике коррупционных правонарушений при оказании услуг; возможностей снижения риска коррупционных правонарушений в связи с переходом на предоставление услуг в электронной форме.

Степень изученности проблемы

Важнейшим направлением деятельности органов государственного и муниципального управления является предоставление гражданам и организациям государственных и муниципальных услуг, через которые реализуются социальные, экономические, политические права. Как справедливо отмечает в своем исследовании Д. В. Жигалов, гражданин судит о работе органов власти и местного самоуправления в целом по тому, как ему оказываются государственные и муниципальные услуги [2, с. 47]. Основным направлением совершенствования государственного управления в РФ в последние годы является повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг. Современное государство имеет все черты сервисного государства, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей граждан в благах

и услугах. По мнению В. Н. Зайковского, «сервисность» государства характеризуется социальной направленностью его деятельности, стремлением к повышению уровня удовлетворенности граждан предоставляемыми услугами [3, с. 38]. По Э. Ф. Каировой, сервисное государство как особая форма организации осуществляет предоставление услуг, определяя потребности и интересы населения [4, с. 354].

При этом важнейшей целью совершенствования процедур предоставления государственных и муниципальных услуг является борьба с коррупцией в данной сфере, поскольку уровень коррупционных рисков здесь является весьма высоким. Известный исследователь Б. В. Волженкин отмечал, что коррупция нашла свое распространение при регистрации уставов, лицензировании деятельности, оказании прочих услуг [5, с. 12]. В. В. Астанин полагает, что использование законодательных норм в целях коррупции нередко возникает именно при реализации регистрационных, разрешительных, юрисдикционных полномочий органов власти [6, с. 128], что непосредственно связано с предоставлением государственных и муниципальных услуг. Н. Л. Аширбагина и О. В. Фрик ключевой проблемой предоставления государственных и муниципальных услуг считают нарушения коррупционного характера [7]. Аналогичной позиции придерживаются Л. В. Глазкова и соавторы [8, с. 104].

Р. С. Сорокин ссылается на мнение исследователя Г. С. Гончаренко о том, что сфера оказания государственных и муниципальных услуг до 90 % проходит через завуалированную коррупцию [9]. По мнению А. Д. Ильякова, государственная услуга старому знакомому или родственнику без очереди оказывает разрушительное влияние на государственные механизмы [10, с. 343]. К. М. Сердалинов отмечает, что большая часть коррупционных проявлений в сфере предоставления услуг остается латентной, поскольку граждане не сообщают о нарушениях в правоохранительные органы [11, с. 97]. Г. А. Абулханова и Ч. Я. Шафранская полагают, что если при предоставлении услуг нет достаточной прозрачности, то появляются возможности для процветания бытовой коррупции [12, с. 10]. А. Каирбекова и Р. А. Абрамов считают, что коррупция в процессе административного регулирования наносит серьезный ущерб развитию малого и среднего бизнеса в России [13]. По мнению В. Н. Гладких, все формы коррупционной деятельности нарушают нормальное функционирование государства, ухудшают качество государственных услуг [14, с. 42]. Аналогичной позиции придерживается В. А. Сувернева, отмечая, что коррупция имеет системный характер и охватывает все уровни управления [15, с. 68]. Коррупция не просто снижает эффективность государственных институтов, а подрывает авторитет власти и престиж страны [16, с. 35].

А. В. Куракин и М. В. Костенников отмечают, что коррупция препятствует реализации гражданами своих конституционных прав [17].

Исследователи предлагают различные методы противодействия коррупции в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг. По мнению Р. С. Сорокина, важнейшим направлением совершенствования системы государственных и муниципальных услуг является регламентация их предоставления, поскольку благодаря административным регламентам заявитель и чиновник получают информацию обо всех основаниях получения услуги и принятия решения [9]. Значимость административных регламентов в реализации полномочий должностных лиц подчеркивает Е. С. Колягина, отмечая комплексный характер этих документов в регулировании не только административных процедур, но и порядка взаимодействия с заявителями [18, с. 180]. Мы полагаем, что направлением совершенствования регламентации услуг должна являться выработка общих требований к определению критериев качества предоставления государственных, муниципальных и социальных услуг и закрепление их в отраслевом законодательстве и административных регламентах предоставления государственных и муниципальных услуг [19, с. 57]. С позиций Е. А. Серенко, важнейшим направлением повышения качества предоставления услуг стало развитие системы многофункциональных центров как посредников между органами власти и гражданами: в процессе развития системы МФЦ однозначно повысилось качество оказания услуг, а благодаря устранению прямого контакта заявителя с чиновниками снизились стимулы к коррупционным сделкам [20]. По мнению И. А. Громова, «предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде позволяет, помимо снижения затрат и соответствующего повышения эффективности деятельности органов управления, создавать условия для снижения уровня распространения коррупции» [21, с. 173]. Л. Atzori, A. Iera и G. Morabito отмечают, что современное общество сталкивается со многими проблемами, и информационно-коммуникационные технологии могут взять на себя ключевую роль в их решении [22]. По мнению Л. Л. Иванова, «развитие современных IT-технологий позволяет обеспечивать прозрачность взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществлять антикоррупционный контроль за деятельностью должностных лиц» [23, с. 280].

Таким образом, авторами выделены основные направления снижения коррупционных рисков при предоставлении государственных и муниципальных услуг:

- 1) регламентация административных процессов и административных процедур путем принятия и реализации административных регламентов;

2) развитие системы многофункциональных центров, реализующих предоставление услуг по принципу «одного окна», что позволяет минимизировать контакты граждан и организаций с органами власти;

3) перевод услуг в электронную форму и возможность получения их гражданами через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ).

Методы

Основными технологиями и методами совершенствования предоставления государственных и муниципальных услуг, снижения уровня коррупции при их оказании являются разработка и внедрение административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг, организация деятельности многофункциональных центров (МФЦ) предоставления государственных и муниципальных услуг и перевод услуг в электронную форму. Исследование реализуется по трем направлениям анализа путем применения соответствующих методов исследования.

Исследование внедрения административных регламентов как способов стандартизации деятельности должностных лиц при предоставлении услуг реализуется путем применения сравнительно-правового анализа регламентов федеральных государственных услуг на предмет соответствия требованиям Постановления Правительства РФ № 1228 от 20.07.2021 «О разработке и утверждении административных регламентов предоставления государственных услуг»¹ и ФЗ № 210-ФЗ от 27.07.2010 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»², что позволяет определить их соответствие нормативным требованиям законодательства и исключить возможные правовые пробелы как причины возникновения коррупционных рисков. Оценка соответствия деятельности должностных лиц положениям административных регламентов проводится на основе анализа рейтингов органов власти и реестров отзывов граждан на предоставляемые им услуги, агрегированные на портале «Ваш контроль»³. «Ваш контроль» позволил структурировать информацию по оценке качества и доступности услуг

по органам, регионам, конкретным услугам, рассмотреть конкретные кейсы, дал возможность провести количественный и качественный анализ данных.

Анализ деятельности МФЦ в сфере профилактики коррупции при предоставлении государственных и муниципальных услуг проводился путем применения сравнительного анализа полноты и качества размещенной информации на официальных порталах МФЦ четырех субъектов РФ: сайт МФЦ Пермского края⁴, республики Дагестан⁵, города Москвы⁶ и Новгородской области⁷. В качестве критериев анализа были выбраны следующие показатели: наличие раздела «Противодействие коррупции», нормативные, правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции, кодекс этики и служебного поведения работников, методические рекомендации по профилактике коррупции и формы документов для заполнения, планы мероприятий по предупреждению и противодействию коррупции и отчеты об их исполнении, информация для граждан, в том числе буклеты по профилактике коррупции, и действующие методы обратной связи для сообщений о фактах коррупции.

Анализ перевода услуг в электронную форму проводился методом сравнительно-правового анализа соответствия информации на ЕПГУ требованиям административных регламентов государственных и муниципальных услуг.

Результаты

В соответствии с ФЗ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 1), под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами⁸. Как отмечают С. Л. Алексеев

¹ Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства РФ. Постановление Правительства РФ № 1228 от 20.07.2021. СПС КонсультантПлюс.

² Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг. ФЗ № 210-ФЗ от 27.07.2010. СПС КонсультантПлюс.

³ Ваш контроль. URL: <https://vashkontrol.ru/> (дата обращения: 28.10.2022).

⁴ Пермский краевой многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг. URL: <https://mfcr.permkrai.ru/> (дата обращения: 08.10.2022).

⁵ Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в Республике Дагестан. URL: <https://mfcrd.ru/> (дата обращения: 08.10.2022).

⁶ Многофункциональные центры предоставления государственных услуг города Москвы. URL: <https://md.mos.ru/> (дата обращения: 08.10.2022).

⁷ Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Новгородской области. URL: <https://mfc53.povreg.ru> (дата обращения: 08.10.2022).

⁸ О противодействии коррупции. ФЗ № 273-ФЗ от 25.12.2008. СПС КонсультантПлюс.

и Ю. С. Алексеева, сущностным признаком коррупции в указанном законе является незаконное использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства [24, с. 12]. Данным федеральным законом определены меры по профилактике и противодействию коррупции, включающие проведение антикоррупционной экспертизы, контроль в сфере кадровой работы, парламентский и общественный контроль, введение и реализацию антикоррупционных стандартов, оптимизацию и конкретизацию полномочий государственных органов и их работников, которые должны быть отражены в административных и должностных регламентах⁹.

Важнейшим направлением совершенствования деятельности государственных и муниципальных служащих в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг являлось внедрение административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг. Административные регламенты принимаются в форме нормативных правовых актов и включают стандарт и порядок предоставления соответствующих услуг и соответственно являются важнейшим способом снижения риска коррупционных правонарушений. Задачами внедрения административных регламентов являлись: внедрение разных способов предоставления услуг, максимально удобных заявителю (непосредственно в органе власти, посредством МФЦ или через ЕПГУ); четкое определение последовательности административных процедур и действий по предоставлению государственных и муниципальных услуг, начиная от приема документов и завершая предоставлением результата; закрепление временных показателей реализации каждого этапа оказания услуг, не допускающих безосновательное затягивание их предоставления; определение порядка реализации досудебного порядка обжалования решений и действий (бездействий) органов, предоставляющих услуги. На основе административных регламентов разрабатываются должностные регламенты государственных гражданских и должностные инструкции муниципальных служащих. Таким образом, все действия государственных, муниципальных служащих, сотрудников МФЦ по предоставлению государственных и муниципальных услуг являются строго регламентированными, исключая нарушения прав заявителей.

Требования к порядку разработки, структуре и содержанию административных регламентов федеральных услуг определены Постановлением Правительства РФ № 1228 от 20.07.2021¹⁰. Наше исследование

показало, что ряд регламентов предоставления федеральных государственных услуг не в полной мере соответствует требованиям данного документа. Например, административный регламент предоставления услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, утвержденный Постановлением Правления ПФР № 16п от 23.01.2019¹¹, не содержит информации, содержащей требования предоставления заявителю государственной услуги в соответствии с вариантом ее предоставления; отсутствуют сведения максимального срока предоставления услуги для каждого варианта предоставления услуги, не определены критерии принятия решения о предоставлении (об отказе в предоставлении) услуги и критерии принятия решения о приостановлении предоставления услуги. Данные правовые пробелы создают нерегулируемую область отношений, в которой могут возникнуть коррупционные нарушения.

Одной из задач внедрения административных регламентов являлось предоставление полной, исчерпывающей, достоверной информации гражданам и организациям обо всех обстоятельствах и условиях получения ими государственных и муниципальных услуг, в том числе о перечне требуемых документов, порядке их подачи, сроках предоставления услуг, ответственности органов и должностных лиц. Однако сами тексты регламентов, поскольку речь идет о нормативных правовых актах, являются строго формализованными, граждане не всегда способны понять и воспринять их содержание, что приводит к отказу в приеме документов при наличии их неполного комплекта. При этом заявителям не всегда понятны основания принятия решения об отказе в предоставлении государственной или муниципальной услуги. Кроме того, должностные лица допускают нарушения административных регламентов, необоснованно требуя дополнительные документы, что приводит к увеличению сроков предоставления услуг.

Анализ отзывов граждан о качестве предоставления государственных услуг Управления Росреестра в Пермском крае за 2021 год, представленных на сайте «Ваш контроль», позволил выделить ряд проблем в процессе оказания услуг. Во-первых, граждане не удовлетворены временем ожидания в очереди при получении государственной услуги, вежливостью и компетентностью сотрудника, взаимодействующего с заявителем при предоставлении государственной услуги. Средняя оценка по данным критериям

⁹ Там же.

¹⁰ Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов...

¹¹ Об утверждении административного регламента предоставления Пенсионным фондом РФ государственной услуги по установлению страховых пенсий, накопительной пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению. Постановление Правления Пенсионного фонда РФ № 16п от 23.01.2019. СПС КонсультантПлюс.

составила 3 балла из 5, тогда как положительными оценками при мониторинге считаются только 4 и 5¹². Во-вторых, анализ конкретных отзывов граждан содержит жалобы на отсутствие ответов органов власти на обращения, отсутствие разъяснений со стороны органов о причинах приостановки предоставления или непредоставления услуги, нарушения сроков рассмотрения документов без указания оснований¹³. В ходе экспертно-аналитического исследования, проведенного Фондом «РОСС-XXI век» в городах Саратове, Волгограде и Ульяновске, респонденты в качестве важнейших факторов повышения эффективности государственных и муниципальных услуг отмечали «минимизацию числа документов, требуемых при предоставлении услуг» (61 %) и «усиление персональной ответственности должностных лиц за соблюдение регламентов» (59 %)» [25, с. 21].

Важнейшим институтом, обеспечивающим предоставление государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна», являются многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг. По словам начальника управления развития государственного управления, организационной, правовой, кадровой и финансовой работы Департамента государственного управления и кадровой политики Вологодской области Алены Поромоновой: «Весь механизм работы МФЦ расписан до мелочей: по каждой услуге есть строго определенный пакет документов (требовать дополнительные сотрудники не вправе), сами госуслуги закреплены в постановлениях Правительства РФ, сроки жестко регламентированы. В центрах действуют системы видеонаблюдения, электронной очереди и единая справочная служба (контакт-центр). Таким образом, даже ускорить или, наоборот, затянуть решение вопроса невозможно в принципе»¹⁴. Работа МФЦ организована в соответствии со стандартами, устанавливающими требования по организации работы, приему заявителей, взаимодействию с ними. Непосредственно деятельность по предоставлению услуг осуществляется сотрудниками МФЦ в строгом соответствии с административными процедурами и административными действиями, указанными в административных

регламентах. Взаимодействие с органами государственного и муниципального управления осуществляется посредством системы межведомственного электронного взаимодействия.

МФЦ, как и иные организации, должны осуществлять меры по предупреждению коррупции: определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных нарушений; сотрудничество с правоохранительными органами; разработка и реализация стандартов, направленных на добросовестную работу организаций; принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; предотвращение и урегулирование конфликта интересов; недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов¹⁵.

Информация по разработке и проведению антикоррупционных мероприятий должна размещаться на сайтах организаций. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ № 530-н от 07.10.2013 установлены требования к размещению и наполнению подразделов, посвященных вопросам противодействия коррупции¹⁶. Мы проанализировали сайты МФЦ Пермского края, Республики Дагестан, города Москвы и Новгородской области на предмет соблюдения указанных требований и размещения нормативных правовых актов, регулирующих вопросы профилактики и противодействия коррупции, наличия локальных актов организаций, полноты информации о проводимых мероприятиях в области профилактики и противодействия коррупции. В результате проведенного исследования было выяснено, что вкладка «Противодействие коррупции» присутствует на сайтах МФЦ Пермского края и Новгородской области, отсутствует на сайте МФЦ Республики Дагестан. На сайте МФЦ города Москвы вкладка есть, но информации в разделе нет, кроме указания о проведении антикоррупционной экспертизы проекта нормативного правового акта от 17.12.2019.

В качестве существенной меры в сфере противодействия коррупции является предоставление руководителями организации сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного

¹² Рейтинг Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии в Пермском крае за 2021 год. URL: https://vashkontrol.ru/ratings?a_page=6 (дата обращения: 10.10.2022).

¹³ Реестр отзывов на услуги, предоставляемые Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: <https://vashkontrol.ru/reviews> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁴ Взятку не предложишь: МФЦ как способ борьбы с коррупцией. *Портал противодействия коррупции в Вологодской области*. 30.11.2018. URL: https://anticorrupt.gov35.ru/8-prosveshchenie-grazhdan/publikatsii/index.php?ELEMENT_ID=37380 (дата обращения: 23.10.2022).

¹⁵ О противодействии коррупции... Ст. 13.3.

¹⁶ О требованиях к размещению и наполнению подразделов, посвященных вопросам противодействия коррупции, официальных сайтов федеральных государственных органов, Центрального банка РФ, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, государственных корпораций (компаний), иных организаций, созданных на основании федеральных законов, и требованиях к должностям, замещение которых влечет за собой размещение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ № 530н от 07.10.2013. *ИПП Гарант*.

характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей¹⁷. Формы документов для заполнения присутствуют только на сайтах МФЦ Пермского края и Нижегородской области.

Полный перечень нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции представлен лишь на сайтах МФЦ Пермского края и Нижегородской области. На сайтах МФЦ Республики Дагестан и города Москвы данные документы размещены в общем перечне нормативных правовых актов по организации предоставления государственных и муниципальных услуг. Кроме того, сайты МФЦ Пермского края и Новгородской области содержат методические рекомендации по профилактике коррупционных правонарушений. При этом следует отметить особое значение такого локального акта, как Кодекс этики и служебного поведения работников организации. Кодексы этики включают принципы и правила служебного поведения при осуществлении работниками профессиональной служебной деятельности, в том числе в сфере противодействия коррупции. Нормы Кодекса этики обязательны для исполнения работниками организаций, соблюдение положений Кодекса этики учитывается при проведении аттестации, формировании кадрового резерва и при наложении дисциплинарных взысканий. Следует отметить, что тексты Кодекса этики и служебного поведения размещены на всех анализируемых сайтах МФЦ, кроме города Москвы. Планы мероприятий по предупреждению и противодействию коррупции представлены лишь на сайтах МФЦ Пермского края и Нижегородской области, а отчет о выполнении мероприятий размещен только на сайте МФЦ Пермского края.

Важным направлением профилактики коррупции является предоставление гражданам и организациям информации о видах коррупции, о недопущении коррупционного поведения и определение форм обратной связи для сообщений о фактах коррупции. На сайте МФЦ Пермского края представлены информационные материалы для граждан: памятка «ЖКХ», памятка «Ритуальные услуги», памятка «Образование», памятка «На дорогах», памятка «Здравоохранение». В буклетах в доступной форме объясняются потенциальные риски коррупционных правонарушений в данных сферах. На остальных сайтах подобная информация отсутствует. Обратная связь для сообщений о фактах коррупции присутствует на сайтах МФЦ Пермского края и Новгородской области и отсутствует на сайтах МФЦ Республики Дагестан и города Москвы.

Важнейшим направлением деятельности в сфере противодействия коррупции при предоставлении государственных и муниципальных услуг является расширение использования информационно-телекоммуникационных технологий. В настоящее время реализуется государственная программа «Информационное общество», в рамках которой в качестве ведущей задачи подпрограммы «Информационное государство» определены установление и развитие единых стандартов качества и приведение в соответствие этим стандартам межведомственного электронного взаимодействия органов власти федерального, регионального и муниципального уровней. Ожидаемыми результатами реализации подпрограммы являются: предоставление наиболее массовых и общественно значимых государственных услуг преимущественно в электронном виде¹⁸. Таким образом, перевод услуг в электронную форму является ключевым направлением развития государственного и муниципального управления в настоящее время. Органы власти должны обеспечить перевод услуг в электронную форму посредством размещения информации об услуге на ЕПГУ, реализации возможностей гражданам и организациям подать пакет документов, заявление и получить результат государственной и муниципальной услуги. При получении услуг в электронной форме на ЕПГУ должны размещаться требования административных регламентов в части установления оснований получения услуги, временных критериев, перечня необходимых документов, процедур ее предоставления, организации межведомственного взаимодействия и т. д.

Однако анализ информации на ЕПГУ на предмет соответствия содержанию административных регламентов ряда услуг показал, что информация на портале является неполной и недостоверной. Так, в административном регламенте предоставления Министерством культуры РФ государственной услуги «Лицензирование деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» предусмотрено, что в электронной форме осуществляется прием и регистрация заявления и прилагаемых к нему документов; проверка правильности оформления заявления и полноты прилагаемых к нему документов; принятие решения о предоставлении лицензии или отказ в предоставлении лицензии и т. д. Вместе с тем анализ информации по данной услуге, предоставленной на ЕПГУ, показал, что способов подачи заявки в электронной форме с использованием портала

¹⁷ О противодействии коррупции... Ст. 8.

¹⁸ Об утверждении государственной программы РФ «Информационное общество». Постановление Правительства РФ № 313 от 15.04.2014. СПС КонсультантПлюс.

не предусмотрено¹⁹. Информация на ЕПГУ о государственной услуге по приему заявлений, постановке на учет и предоставлению информации об организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи за счет бюджетных ассигнований предусматривает перечень оснований для отказа в предоставлении услуги, который не соответствует административному регламенту²⁰.

Заключение

Применение таких методов предоставления услуг, как внедрение административных регламентов, деятельность многофункциональных центров и предоставление услуг в электронной форме, оказывает позитивное влияние на снижение уровня коррупции, поскольку минимизируется взаимодействие граждан и организаций с органами власти, стандартизируются и регламентируются действия должностных лиц, повышается прозрачность административных процедур и принимаемых решений. Но вместе с тем исследование позволило выявить ряд проблем и разработать рекомендации по их решению.

Во-первых, анализ соответствия административных регламентов требованиям нормативных документов показал, что требования нормативных актов соблюдаются не в полной мере. Проблема может объясняться тем, что новые нормативные требования, установленные Постановлением Правительства РФ № 1228, были приняты в 2021 г., и органы власти не завершили процессы переработки административных регламентов. Результативность противодействия коррупции обусловлена комплексным профессиональным анализом нормативных правовых актов, практики их применения [16, с. 197]. Следовательно, важно своевременно разработать и принять административные регламенты в соответствии с новыми требованиями,

осуществлять контроль соответствия содержания административных регламентов нормативным требованиям. С целью повышения служебной дисциплины при предоставлении услуг необходимо включение в административные регламенты норм об ответственности должностных лиц за их неисполнение.

Во-вторых, анализ сайтов МФЦ на предмет размещения необходимой информации в сфере профилактики и противодействия коррупции при предоставлении государственных и муниципальных услуг показал, что организациями предпринимаются недостаточные меры для исполнения нормативных правовых актов и организации деятельности в сфере профилактики и противодействия коррупции, не используется потенциал информационных технологий для формирования антикоррупционного поведения граждан и организаций. Для решения данной проблемы необходимо обязать учредителей данных организаций осуществлять регулярный мониторинг размещаемой информации на сайтах организаций на предмет ее полноты, достоверности и актуальности.

В-третьих, мы полагаем, что важнейшим направлением деятельности органов государственной и муниципальной власти в сфере противодействия коррупции при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронной форме должен быть контроль органами полноты и достоверности информации, размещаемой на ЕПГУ.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Васильева А. Ф. Защита субъективного публичного права в позитивном государственном управлении. *Актуальные проблемы российской права*. 2009. № 3. С. 182–187. [Vasilyeva A. F. Protection of subjective public law in positive public administration. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 2009, (3): 182–187. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muiieh>
2. Жигалов Д. В. Совершенствование системы оказания государственных и муниципальных услуг органами государственной власти и местного самоуправления и государственными и муниципальными учреждениями. *Местное право*. 2011. № 6. С. 47–56. [Zhigalov D. V. Improving the system of providing state and municipal services by state authorities and local governments and state and municipal institutions. *Mestnoe pravo*, 2011, (6): 47–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvnzhx>

¹⁹ Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством культуры РФ государственной услуги «Лицензирование деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Приказ Министерства культуры РФ № 1517 от 25.11.2020. СПС КонсультантПлюс.

²⁰ Об утверждении административного регламента Министерства здравоохранения Пермского края по приему заявлений, постановке на учет и предоставлению информации об организации оказания высокотехнологичной медицинской помощи за счет бюджетных ассигнований. Приказ Министерства здравоохранения Пермского края № СЭД-34-01-06-859 от 27.11.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423966171> (дата обращения: 16.10.2022).

3. Зайковский В. Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? *Дайджест-Финансы*. 2014. № 3. С. 35–45. [Zaykovsky V. N. "Service state": a new paradigm or modern technology for public administration? *Digest Finance*, 2014, (3): 35–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjtpvh>
4. Каирова Э. Ф. Вопросы местного значения как муниципальные услуги: анализ теоретических основ. *Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход*. 2018. Т. 1. С. 348–359. [Kairova E. F. Local issues such as municipal services: an analysis of the theoretical foundations. *Formirovanie gumanitarnoi sredy v vuze: innovatsionnye obrazovatelnye tekhnologii. Kompetentnostnyi podkhod*, 2018, 1: 348–359. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylxvrv>
5. Волженкин Б. В. Коррупция. СПб.: СПбЮИ, 1998. 42 с. [Volzhenkin B. V. *Corruption*. St. Petersburg: SPbLI, 1998, 42. (In Russ.)]
6. Астанин В. В. Взаимосвязь коррупционных проявлений и экологических преступлений: проблемы детерминации, латентности и уголовной репрессии. *Человек: преступление и наказание*. 2009. № 1. С. 126–130. [Astaniin V. V. Interaction of corruption and ecological crimes issues of determination, latency and criminal repression. *Man: crime and punishment*, 2009, (1): 126–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jgwece>
7. Аширбагина Н. Л., Фрик О. В. Анализ практики предоставления государственных и муниципальных услуг. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 4-2. С. 14–21. [Ashirbagina N. L., Frik O. V. Providing state and municipal services: a practice analysis. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2016, (4-2): 14–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvvhqh>
8. Глазкова Л. В., Бурмистров И. А., Казенков О. Ю., Ермаков Д. Н. Этимология коррупции и ее системообразующие компоненты. *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 5. С. 102–106. [Glazkova L. V., Burmistrov I. A., Kazenkov O. Yu., Ermakov D. N. Etymology of corruption and its major components. *Law and State: The Theory and Practice*, 2017, (5): 102–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zekned>
9. Сорокин Р. С. Противодействие коррупции в сфере оказания государственных и муниципальных услуг посредством принципа прозрачности. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 2-2. С. 78–80. [Sorokin R. S. The resistance to corruption in the sphere of public and municipal services through the transparency principle. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2015, (2-2): 78–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tneevx>
10. Ильяков А. Д. Административно-правовое исследование понятия «коррупция». *Административное и муниципальное право*. 2013. № 4. С. 342–346. [Ilyakov A. D. Administrative-legal study of the concept of corruption. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2013, (4): 342–346. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rptuhb>
11. Сердалинов К. М. Некоторые вопросы противодействия коррупционным проявлениям в сфере оказания государственных услуг. *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*. 2018. № 1. С. 91–100. [Serdalinov K. M. Anti-corruption in public services. *Vestnik Akademii pravookhranitelnykh organov pri Generalnoi prokurature Respubliki Kazakhstan*, 2018, (1): 91–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfhujq>
12. Абулханова Г. А., Шафранская Ч. Я. Развитие цифровой экономики как инструмент минимизации коррупционных рисков. *Диалектика противодействия коррупции: VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч.* (Казань, 24 ноября 2017 г.) Казань: Познание, 2017. С. 10–12. [Abulkhanova G. A., Shafranskaya Ch. Ya. Digital economy as an anti-corruption tool. *Dialectics of Anti-Corruption: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Kazan, 24 Nov 2017. Kazan: Poznanie, 2017, 10–12. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykkosl>
13. Каирбекова А., Абрамов Р. А. Влияние коррупции на развитие предпринимательства в России. *Human Progress*. 2021. № 2. [Kairbekova A., Abramov R. A. The corruption impact on the entrepreneurship development in Russia. *Human Progress*, 2021, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.34709/IM.172.6>
14. Гладких В. Н. Противодействие коррупции в системе государственного и муниципального управления. *Цифровая наука*. 2021. № 6-2. С. 40–54. [Gladkikh V. N. Combating corruption in the system of state and municipal administration. *Cifrovaya nauka*, 2021, (6-2): 40–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsslca>
15. Сувернева В. А. К вопросу о понятии коррупции. *Символ науки*. 2020. № 12-2. С. 67–70. [Suverneva V. A. Concept of corruption. *Simvol nauki*, 2020, (12-2): 67–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wsccev>
16. Противодействие коррупции: новые вызовы, отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: ИНФРА-М, 2016. 376 с. [*Combating corruption: new challenges*, ed. Khabrieva T. Ya. Moscow: INFRA-M, 2016, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytdvbb>
17. Куракин А. В., Костеников М. В. Административно-правовое противодействие коррупции в системе государственной службы и в деятельности сотрудников полиции Российской Федерации и зарубежных государств. *Полицейская деятельность*. 2011. № 1. С. 10–16. [Kurakin A. V., Kostennikov M. V. Administrative and legal counteraction to corruption in the public service system and in the activities of police officers of the Russian Federation and abroad. *Politseiskaia deiatelnost*, 2013, (1): 10–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qarodt>

18. Колягина Е. С. Взаимосвязь административного регламента государственного органа и должностного регламента служащего. *Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ*. 2018. № 12. С. 180–184. [Kolyagina E. S. Interrelation of the administrative regulations of the state body and the official regulations of the employee. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniia RoSMU*, 2018, (12): 180–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrmymqh>
19. Кузнецова П. Ю. Совершенствование методологии оценки качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2019. № 3. С. 53–58. [Kuznetsova P. Yu. Improvement of methodology of assessment of quality and availability of providing public and municipal services. *State and municipal management. Scientific notes*, 2019, (3): 53–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-3-53-58>
20. Серенко Е. А. В Хабаровском крае выполнены требования по обеспечению населения услугами МФЦ. *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. 2016. № 22. С. 300–304. [Serenko E. A. The Khabarovsk Territory fulfilled the requirements for providing the population with multi-functional centers for public and state services. *Prioritetnye nauchnye napravleniia: ot teorii k praktike*, 2016, (22): 300–304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkmzser>
21. Громов И. А. Влияние цифровых решений в области государственных и муниципальных услуг на восприятие коррупции. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2019. № 6. С. 173–178. [Gromov I. A. Impact of digital solutions in public and municipal services on perceptions of corruption. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2019, (6): 173–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umgksp>
22. Atzori L., Iera A., Morabito G. Understanding the Internet of Things: Definition, potentials, and societal role of a fast evolving paradigm. *Ad Hoc Networks*, 2017, 56: 122–140. <https://doi.org/10.1016/j.adhoc.2016.12.004>
23. Иванов Л. Л. Совершенствование механизмов противодействия коррупции в органах государственной власти в условиях цифровизации. *Молодой ученый*. 2022. № 23. С. 279–280. [Ivanov L. L. Improving anti-corruption mechanisms in public authorities in the context of digitalization. *Molodoi uchenyi*, 2022, (23): 279–280. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thmlsy>
24. Алексеев С. Л., Алексеева Ю. С. Основы антикоррупционного права. Казань: Академия социального образования, 2015. 184 с. [Alekseev S. L., Alekseeva Yu. S. *Fundamentals of anti-corruption law*. Kazan: Academy of Social Education, 2015, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bnbxmo>
25. Смирнова Т. В. Эффективность государственных и муниципальных услуг в регионах: социологический анализ. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 6. № 1. С. 19–28. [Smirnova T. V. Efficiency of public and municipal services in regions: sociological analysis. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2022, 6(1): 19–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-19-28>

оригинальная статья

Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе

Лисина Наталья Леонидовна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-8707-2274>
lisina_nl@mail.ru

Ушакова Александра Павловна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
Баев Вячеслав Джурович
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Поступила в редакцию 06.02.2023. Принята после рецензирования 01.03.2023. Принята в печать 01.03.2023.

Аннотация: Рассмотрены правовые основы создания и развития агломераций в Кузбассе через призму Закона Кемеровской области – Кузбасса «О создании и развитии агломераций в Кемеровской области» и опыта агломерационных процессов других субъектов Российской Федерации. В целях сбалансированного социально-экономического и экологического развития агломераций требуются выявление правовых признаков агломерации, определение юридических действий, необходимых для их создания, эффективная система управления агломерационными процессами с созданием специальных органов управления ими. Эти правовые вопросы явились предметом рассмотрения Кузбасса как региона, приступившего к развитию агломераций сравнительно недавно. Успешность агломерационных процессов во многом зависит от качества нормативной правовой основы в субъекте Российской Федерации, поскольку на федеральном уровне должное правовое регулирование создания и развития агломераций отсутствует. В качестве предмета правового регулирования закона «О создании и развитии агломераций в Кемеровской области» авторы видят общественные отношения в сфере создания, развития и ликвидации нового вида специальных территориальных единиц Кемеровской области (агломераций), имеющих особые цели и задачи управления. Его уникальность состоит в максимальном приближении агломерации к специальной территориальной единице. Изучение опыта иных регионов по созданию и развитию городских агломераций позволило сделать ряд предложений, направленных на совершенствование правового регулирования агломерационных процессов в Кемеровской области. Представляется необходимым наличие стратегий (концепций) развития агломераций, заключение межмуниципальных соглашений о взаимодействии, согласование с Координационным советом документации о территориальном планировании и градостроительном зонировании.

Ключевые слова: агломерация, пространственное развитие, модель управления агломерацией, территориальное устройство, градостроительство, правовое регулирование создания агломераций, законы об агломерациях

Цитирование: Лисина Н. Л., Ушакова А. П., Баев В. Д. Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 214–223. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>

full article

Legislative Basis for the Development of Agglomerations in the Kemerovo Region (Kuzbass)

Natalia L. Lisina
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8707-2274>
lisina_nl@mail.ru

Alexandra P. Ushakova
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
Vyacheslav D. Baev
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 6 Feb 2023. Accepted after peer review 1 Mar 2023. Accepted for publication 1 Mar 2023.

Abstract: The article describes the legal foundations behind the development of agglomerations in Kuzbass based on the local law and the best practices in other regions. A balanced socio-economic and ecological development of agglomerations depends on the legal status of agglomeration and the legal actions necessary to obtain this status. An effective management of agglomeration processes requires special management bodies. The Kemerovo Region is relatively new to agglomeration development. The success of agglomeration processes largely depends on the quality of the regional regulatory laws since no proper legal regulation exists at the federal level. According

to the regional Law on the Development of Agglomerations in the Kemerovo Region, urban agglomerations are a new type of special territorial units with special management goals and objectives. The best practice analysis resulted in a number of proposals aimed at improving the legal regulation of agglomeration processes in the Kemerovo Region. The regional law needs strategies and concepts of urban development, inter-municipal cooperation agreements, and a Coordinating Council to unify documentation on territorial planning and urban zoning.

Keywords: agglomeration, spatial development, agglomeration management model, territorial organization, urban planning, legal regulation of urban development, laws on agglomerations

Citation: Lisina N. L., Ushakova A. P., Baev V. D. Legislative Basis for the Development of Agglomerations in the Kemerovo Region (Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 214–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>

Введение

Процесс развития городских агломераций в своем естественном, «стихийном» варианте приводит к возникновению целого ряда трудно решаемых проблем. Некоторые из них являются типичными спутниками большого города (перегруженность дорог, точечная и плотная застройка, загрязнение компонентов окружающей среды, застройка «зеленого пояса» и др.). Для решения этих и многих других проблем требуется создание эффективной системы управления на надгородском – агломерационном – уровне, которая обеспечит благоприятные условия проживания населения. На данный момент происходит апробация разных моделей управления городскими агломерациями на базе некоторых наиболее активных российских городов и регионов.

В тех субъектах Российской Федерации, которые приняли решение о начале работы на уровне агломераций до момента создания необходимой федеральной законодательной базы, были приняты региональные нормативные акты или заключены специальные межмуниципальные соглашения. В числе таких субъектов РФ и Кемеровская область – Кузбасс. В 2022 г. принят Закон Кемеровской области – Кузбасса «О создании и развитии агломераций в Кемеровской области»¹ (далее – Закон Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях). На основе данного Закона в Кузбассе были юридически созданы две агломерации – Северокузбасская и Южнокузбасская. Возникают закономерные вопросы: достаточно ли его принятия для функционирования агломераций в регионе, обеспечивает ли он социально-экономическое и экологическое развитие Кузбасса, каковы особенности его содержания в сопоставлении с опытом правового регулирования иных субъектов РФ. Необходимость правовой оценки Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях предопределяет актуальность, научную и практическую значимость настоящего исследования.

Результаты

Предмет правового регулирования Закона

Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях

Любой нормативный правовой акт регулирует определенный круг общественных отношений, которые составляют предмет его правового регулирования. В ст. 1 Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях предмет регулирования определен следующим образом: «Настоящий закон устанавливает основные понятия, цели, задачи и порядок создания агломераций в Кемеровской области – Кузбассе, принципы развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе, полномочия органов государственной власти Кемеровской области – Кузбасса в сфере развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе, а также регулирует отдельные вопросы, связанные с развитием агломераций в Кемеровской области – Кузбассе»².

Квалифицируя перечисленные правовые отношения с точки зрения науки конституционного права, можно утверждать, что предмет правового регулирования Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях составляют общественные отношения в сфере создания, развития и ликвидации нового вида специальных территориальных единиц Кемеровской области (агломераций), имеющих особые цели и задачи управления.

Уникальность данного закона по сравнению с правовым регулированием иных субъектов РФ заключается в максимальном приближении агломерации к специальной территориальной единице. В Законе об агломерациях установлены правила, достаточные для создания или ликвидации в будущем подобных территориальных единиц, а также для организации специальных органов управления в их границах.

Что такое специальные территориальные единицы? Это базовые ячейки системы одного из видов территориального устройства – специального территориального устройства.

¹ О создании и развитии агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. Закон Кемеровской области – Кузбасса № 28-ОЗ от 24.03.2022. *Законодательный вестник Кузбасса*. 24.03.2022.

² Там же.

В субъекте РФ могут одновременно существовать три разных вида территориального устройства [1] (границы их территориальных единиц могут пересекаться):

1. Административно-территориальное устройство устанавливает территориальное разделение функций федеральных и региональных органов исполнительной власти. Административно-территориальными единицами могут быть города, села, посёлки городского типа, административные районы и др.

2. Территориальная организация местного самоуправления позволяет территориально организовать работу органов местного самоуправления. Здесь территориальными единицами выступают муниципальные образования разных видов.

3. Специальное территориальное устройство позволяет установить особенности территориальной организации работы одного конкретного органа государственной власти (например, военные округа, федеральные арбитражные округа, участки мировых судей), либо решить специальную управленческую задачу, связанную с определенной территорией (особо охраняемые природные территории, территории введения чрезвычайного положения и др.). Специальные территориальные единицы могут быть разного масштаба – от макрорегионального уровня (федеральные округа) и до внутримunicipального (судебные участки мировых судей, участки избирательных комиссий). В числе таких специальных территориальных единиц могут быть и агломерации, такое их понимание полностью соответствует и составу, и смыслу тех правовых норм, которые получили закрепление в Законе об агломерациях в Кемеровской области.

Научная квалификация правовых отношений, составляющих предмет регулирования Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях, позволяет исследовать вопрос о соотношении предметов ведения РФ и Кемеровской области по данному вопросу.

Соотношение предметов ведения Российской Федерации и Кузбасса по вопросам, связанным с городскими агломерациями

Вопросы создания и управления городскими агломерациями достаточно сложно квалифицировать с точки зрения разделения вопросов исключительного ведения федерации, совместного ведения и собственного ведения субъектов РФ. Такие правоотношения наиболее близки к области территориального устройства субъекта РФ (в части создания специальной территориальной единицы – агломерации) и к градостроительным отношениям (которые и образуют объект управления создаваемых в агломерации особых органов).

1. Отношения в сфере территориального устройства субъекта РФ (создание специальной территориальной единицы для функционирования регионального органа власти) прямо не названы в перечне предметов ведения федерации (ст. 71 Конституции РФ³) или предметов совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ). В ст. 6 Устава Кемеровской области⁴ в числе предметов ведения региона названы установление системы органов государственной власти, иных государственных органов, порядка их формирования, организации деятельности, разграничение компетенции этих органов исходя из общих принципов, закрепленных Конституцией РФ и федеральным законом (ч. 2 ст. 6) и решение вопросов административно-территориального устройства Кемеровской области – Кузбасса (ч. 5 ст. 6). Известный конституционалист С. А. Авакьян тоже относит административно-территориальное устройство к предметам собственного ведения субъектов РФ [2, с. 132].

Обратим внимание, что в обоих названных выше источниках в качестве предмета собственного ведения субъекта РФ названо «административно-территориальное устройство», в то время как в случае агломераций мы имеем дело со «специальным территориальным устройством». На наш взгляд, специальное территориальное устройство субъекта РФ тоже должно входить в предмет собственного ведения субъекта РФ.

Во-первых, отношения в области специального территориального устройства субъекта РФ не отнесены к предметам ведения РФ или к предметам совместного ведения в ст. 71 и 72 Конституции, что теоретически позволяет применить к ним положения ст. 73 Конституции о полноте государственной власти субъектов РФ вне пределов ведения и полномочий РФ по предметам совместного ведения.

Во-вторых, правовые отношения по поводу административно-территориального устройства и специального территориального устройства объективно схожи.

В-третьих, процесс создания специальной территориальной единицы (агломерации) тесно связан с установлением состава органов государственной власти субъекта РФ (созданием Координационного совета агломерации). Право субъектов РФ самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти субъекта РФ предусмотрено в ч. 5 ст. 1 ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ»⁵. Наличие права субъекта РФ самостоятельно создавать специализированные органы должно означать и правомерность создания специальной территориальной единицы, необходимой для организации деятельности данного органа в пространстве.

³ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). ИПП Гарант.

⁴ Устав Кемеровской области – Кузбасса. Принят Законодательным Собранием КО 09.04.1997. *Законодательный вестник Кузбасса*. 08.07.2022.

⁵ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. ФЗ № 414 от 21.12.2021. *СЗ РФ*. 27.12.2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8975.

Таким образом, в части установления правил создания и ликвидации агломерации как специальной территориальной единицы Кемеровской области, а также порядка создания органов управления агломерациями Закон Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях принят в пределах предметов собственного ведения Кемеровской области.

2. Отношения в сфере градостроительной деятельности непосредственно не названы в Конституции ни в числе предметов ведения федерации (ст. 71), ни в числе вопросов совместного ведения (ст. 72). Исходя из этого, можно было бы заключить, что они находятся в сфере ведения субъектов РФ. Конституционный Суд определил⁶, что законодательство в сфере градостроительной деятельности находится в сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ, поскольку отношения в сфере градостроительной деятельности имеют комплексный, межотраслевой характер, в их основе находятся административное, земельное, водное, лесное законодательство и законодательство об охране окружающей среды, отнесенные ст. 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения.

В сфере совместного ведения субъекты РФ вправе принимать собственные акты по тем вопросам, которые не были урегулированы федеральным законодательством (т.н. опережающее правотворчество). Однако в настоящий момент в Законе Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях нет регулятивных норм, дополняющих федеральное законодательство в сфере градостроительной деятельности. Здесь может потребоваться уточнение по поводу ст. 10 Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях, в которой предусмотрено, что органы государственной власти Кемеровской области оказывают поддержку агломерациям в различных областях (содействие комплексному освоению территории, развитие конкурентных преимуществ агломерации и др.). Представляется, что основное назначение этой статьи – в установлении базовых направлений региональной политики в отношении агломераций. Эта статья непосредственно не устанавливает права или обязанности в части оказания такого содействия, а лишь декларирует намерение, подчеркивает важность именно этих направлений поддержки. Нормы ст. 10 указанного закона можно отнести к декларативным.

Терминологический аппарат

Основу терминологического аппарата законодательства в сфере развития агломераций составляют понятия *агломерация* и *городская агломерация*. Оба термина не являются общепотребительными, а относятся

к специальным, т.е. используемым в той или иной отрасли научного знания. Согласно правилам юридической техники специальные неюридические термины обычно употребляются в нормативных актах в том значении, которое закрепляют за ними соответствующие отрасли знаний [3, с. 166]. Они могут определяться в нормативном акте и иным образом, чем это предлагается в научных работах, но с сохранением общего смысла.

Между тем задача внедрения терминов *агломерация* и *городская агломерация* в законодательство достаточно сложна. Основной причиной сложности представляется многозначность понятия *агломерация*. Оно может употребляться в качестве сокращенной формы как от термина *городская агломерация*, так и от термина *агломерация экономической активности*. В результате одинаковый по написанию термин означает два разных явления, изучаемых в рамках двух разных наук – геоурбанистики и экономики. Эти науки по-разному понимают сущность агломерации, способы определения ее границ, важнейшие тенденции ее развития и актуальные управленческие задачи.

Первое значение термина – геоурбанистическое. В рамках геоурбанистики – научного направления на стыке географии и градостроительства – изучается городская агломерация как группа интенсивно связанных населенных пунктов. В отличие от классической географии городов, в геоурбанистике основное внимание уделяется «не отдельным городам, а целой сети городов и общему процессу урбанизации, во всем многообразии его пространственных форм» [4, с. 3]. На современном этапе развития общества именно городская агломерация, а не отдельный единичный город, считается базовой ячейкой системы расселения, основным объектом прогнозирования и проектирования [4, с. 4–5; 5, с. 22].

В качестве классического приводится определение городской агломерации, предложенное профессором Г. М. Лаппо – это «компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную локальную систему многообразными интенсивными связями: производственными, деловыми, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и прочими, а также совместным использованием ресурсов агломерационного ареала» [5, с. 92].

Обычно выделяют следующие признаки городской агломерации [5, с. 23–34; 6; 7]:

1. Скопление городов, поселков, деревень и других населенных мест и пространство между ними.
2. Один или два города составляют ядро, остальные – периферию, города-спутники.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Московской городской Думы о проверке конституционности ч. 3 ст. 3 Градостроительного кодекса РФ и пп. 42 п. 2 ст. 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Определение КС РФ № 468-О от 01.12.2005. *Вестник КС РФ*. 2006. № 2.

3. Наличие тесных связей между ними. Важно уточнить критерий, по которому связи можно считать тесными, ведь практически все города, даже очень отдаленные, связаны между собой. В качестве базовых обычно принимаются трудовые связи. В российской науке наиболее распространенным критерием для оценки интенсивности связей между населенными пунктами считаются регулярные маятниковые миграции – ежедневные поездки населения на работу и с работы. Границы агломерации обычно близки к пределам 1,5-часовой транспортной доступности до места работы, т. е. поездки большей длительности статистически малочисленны. В США для оценки интенсивности связей используется критерий занятости – если 25 % жителей населенного пункта работают в городе-ядре, то он относится к данной агломерации.

4. Компактность расположения. Обычно 1,5-часовая транспортная доступность возможна в радиусе приблизительно 50 км.

5. Людность (постоянное население) должна быть выше минимального порога. Для агломераций разных масштабов называются разные пороговые величины. В Стратегии пространственного развития РФ⁷ установлены значения 500 тыс. населения для крупной городской агломерации и 1 млн – для крупнейшей.

6. Совместное использование инфраструктуры (транспорт, электроснабжение, газоснабжение, полигоны твердых бытовых отходов, больницы, университеты, экологический каркас и многие другие виды инфраструктуры).

В географической и градостроительной науках разработаны многочисленные методики определения точных границ городских агломераций и их картографического отображения с использованием данных признаков. Для них определение точной границы агломерации как объекта, реально существующего в пространстве, имеет принципиальное значение.

Целями управления городскими агломерациями градостроители считают уменьшение транспортных заторов, выравнивание уровня жизни населения города-центра и городов-спутников и улучшение экологической обстановки в городских агломерациях. Важнейшим направлением муниципальной политики считается стимулирование переселения предприятий из центров городов в пригороды; спланированное, а не хаотичное освоение новых районов или реконструкция старых. Управленческо-правовыми средствами достижения этих целей могут быть регулирование цен на землю путем установления территориальных зон, установление правовых ограничений застройки определенных территорий, нормирование параметров строительства (этажность, плотность

застройки, нормы отступа от красных линий улиц и дорог и другие показатели). Иногда вводятся дополнительные налоги или льготы с целью стимулирования перемещения предприятий и офисов из центрального города агломерации в пригороды.

При таком подходе к пониманию городских агломераций ускорение экономического развития обычно не рассматривается в качестве главной управленческой цели – это, скорее, закономерный эффект правильной градостроительной политики, подчиненной принципам сбалансированности разных сторон развития.

Второе значение термина – экономическое.

В рамках экономических наук изучается агломерация предприятий, агломерация экономической активности, под которыми в самом общем виде понимается процесс территориального сближения предприятий. Агломерация экономической активности обычно изучается во взаимосвязи с агломерационным эффектом, именуемым также агломерационной экономией, который понимается как «добавочный социально-экономический эффект благодаря концентрации экономических субъектов и росту их взаимодействия по сравнению с распыленным и автономным их развитием» [8, с. 119]. Такой эффект возникает при близком расположении либо нескольких предприятий одной отрасли (этот процесс именуется *концентрация*), либо нескольких предприятий разных отраслей (этот процесс именуется *агломерация*) [9, р. 87].

Для признания существования агломерации экономической активности не имеет принципиального значения, находятся ли предприятия в городе или в сельской местности, является ли этот город единственным или это «созвездие городов». Установление четких пространственных границ этого явления в экономической науке также не принципиально – главное, чтобы взаимное расположение предприятий действительно снижало их издержки и увеличивало эффективность их работы. В отличие от географо-градостроительного подхода, четко связывающего городскую агломерацию со строго определенным уровнем системы расселения, в экономической науке процесс агломерации может рассматриваться в разных масштабах – начиная от группирования нескольких кафе и ресторанов на одной улице и заканчивая анализом пространственной структуры мировой экономики [8, с. 120; 10, р. 142].

Управление процессами агломерации экономической активности преследует цель усиления экономической эффективности, ускорения экономического роста и научно-технического развития. Эти цели уже давно стали стержневыми темами политической риторики. Интересно, что и слово *кластер*, активно используемое политиками разного ранга, происходит

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019. СЗ РФ. 18.02.2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

из этого же направления экономической науки (процесс *кластеризации* иногда называют синонимом процесса *агломерации* [10, р. 142]).

Наиболее активно используемые организационно-правовые средства управления агломерацией экономической активности – создание особых экономических зон различного типа и участие государства в финансировании крупных проектов путем предоставления субсидий или государственно-частного партнерства.

Группирование предприятий наиболее часто происходит в городах. Поэтому между агломерацией как процессом концентрирования экономической активности и агломерацией как группой городов имеется взаимосвязь. Эта взаимосвязь двойственная: с одной стороны, процесс сближения предприятий является причиной возникновения городов, с другой – уже существующие города сами вызывают все большее уплотнение экономической активности.

Таким образом, понятия агломерации как группы населенных пунктов и агломерации как экономического процесса означают разные явления, пересекающиеся лишь частично. Разное понимание агломерации влечет формирование разных наборов целей управления и разных инструментов, используемых для их достижения.

В ст. 2 Закона представлено следующее определение: «агломерация – это группа муниципальных образований в Кемеровской области – Кузбассе, объединяемых в определенных ими границах исходя из их географического положения и социально-экономических интересов для развития хозяйственных, трудовых, транспортных, научно-образовательных, культурных, рекреационных и иных связей в целях повышения качества жизни населения, улучшения условий ведения хозяйственной деятельности, реализации крупных инфраструктурных проектов»⁸.

Анализ приведенного определения и иных положений данного Закона показывает, что в нем совмещаются экономический и градостроительный подходы к пониманию агломерации. На это указывает ряд обстоятельств:

1. В Законе говорится о группе муниципальных образований, но нет указания на масштаб этой группы, на традиционные для градостроителей критерии 1,5-часовой транспортной доступности, пределов ежедневных маятниковых миграций или плотности населения. Здесь наблюдается смешение двух концепций. С одной стороны, незначительное внимание к территориальному масштабу агломерации характерно для экономического подхода. С другой – само понимание агломерации как группы населенных пунктов (или муниципальных образований) ближе к градостроительному подходу, поскольку это характеризует объект, а не процесс.

2. Цель создания агломераций, декларируемая в ст. 3 Закона, характерна только для экономического подхода к управлению агломерациями, в частности, целью создания агломераций является обеспечение устойчивого экономического роста, инвестиционной привлекательности и улучшение качества жизни населения. Градостроительный подход к управлению агломерациями в качестве главных целей управления называет сбалансированность развития агломерации, снижение загруженности дорог, рациональное распределение населения и мест работы и улучшение качества городской среды (все это можно объединить одной фразой: «город, комфортный для людей»). А для экономического подхода характерен приоритет роста экономики, усматриваемый в ст. 3 Закона.

3. О приоритете экономического подхода косвенно свидетельствует используемая в Законе терминология: вместо принятого в градостроительстве термина *городские агломерации* Закон говорит просто об *агломерациях*.

4. Принципы развития агломераций, приведенные в ст. 6 Закона, могут быть использованы для управления в рамках обоих подходов.

5. Конкретные направления поддержки развития агломераций, предусмотренные ст. 10 Закона, характерны для градостроительного подхода.

Возможно, причина подобного совмещения подходов связана со схожим совмещением, наблюдаемом в Стратегии пространственного развития РФ: в ней приводится классическое градостроительное определение городских агломераций, однако в дальнейшем по тексту Стратегии вопросы их развития рассматриваются уже преимущественно в экономическом контексте.

Совмещение градостроительного и экономического понимания агломерации теоретически допустимо, но несет в себе серьезный управленческий риск: необходимо сбалансированно совместить способы управления городскими агломерациями как группой населенных пунктов со способами стимулирования экономического развития. Важно «не потерять» задачу создания комфортного города при одновременном решении задачи ускорения экономического роста. Чрезмерный упор на развитие экономики может повлечь утрату внимания к вопросам охраны окружающей среды, гармоничного совмещения разных видов активности в рамках ограниченного пространства, решить проблему транспортных пробок, потерю зеленого пояса вокруг городов и нарастание социально-экономического отставания городов-спутников от города-ядра. В некоторых странах этому уделяется особое внимание через инструмент стратегического планирования (стратегического планирования рисков, экологического планирования, стратегии зонирования и др.) [11; 12].

⁸ О создании и развитии агломераций в Кемеровской области – Кузбассе...

Второй риск совмещения подходов – сложности с определением понятия агломерации и, как следствие, отсутствие четкого подхода к определению границ агломерации. Только градостроительный подход дает критерии для определения границ реально сложившейся агломерации (имеется широкая практика их применения и проведения специализированных изысканий). В противном случае границы агломерации будут определяться произвольно, без учета реально сложившихся взаимосвязей населенных пунктов. Без четких критериев агломерацией можно назвать любые населенные пункты или совокупность населенных пунктов, объединенных в некую макрорегиональную экономическую зону.

Указанные риски нивелировались в управленческой практике успешных городских агломераций России (например, Самарско-Тольяттинская, Саратовская, Челябинская, Пермская, Барнаульская агломерации, Агломерация «Горный Урал») путем разработки в тесной взаимосвязи двух стратегических документов: Концепции (или Стратегии) развития агломерации и Схемы территориального планирования агломерации (или изменений в Схему территориального планирования субъекта РФ). В Концепции фиксируются границы агломерации, определяются основные агломерационные проекты и расположение территориальных кластеров, в Схеме – более точные границы, список объектов федерального, регионального и местного значения (необходимых для реализации агломерационных проектов), а также территориальные зоны, отражающие расположение кластеров. При этом во всех изученных нами примерах разработки Концепции (стратегии) развития агломерации границы агломераций определялись по итогам специальных градостроительных изысканий.

Принципы развития городских агломераций и их обеспечение регулятивными нормами

Принципы развития городских агломераций закреплены в ст. 6 Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях, среди которых названы: обеспечение равных возможностей для реализации конституционных прав и свобод граждан РФ на всей территории Кемеровской области – Кузбасса; дифференцированный подход к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития агломераций с учетом демографической ситуации, особенностей системы расселения, уровня и динамики развития экономики и специфических природно-климатических условий; комплексный подход к социально-экономическому развитию агломераций; содействие развитию межрегионального и межмуниципального сотрудничества; обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного природопользования

и образа жизни; рациональное природопользование, сохранение природного и историко-культурного наследия, обеспечение доступа к природным и культурным ценностям; учет интересов и мнения населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития агломераций.

Основополагающие идеи, заложенные в указанном Законе, создают правовые условия для их реализации как в его правовых нормах, так и в нормах иных правовых актов. Так, к регулятивным нормам можно отнести положения Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях, закрепляющие компетенцию органов государственной власти Кемеровской области – Кузбасса в сфере развития агломераций (ст. 7, 8, 9), формы поддержки агломераций со стороны органов государственной власти Кемеровской области – Кузбасса (ст. 10), полномочия межмуниципального координационного совета по развитию агломерации (ст. 12), регулирующие финансирование агломерационных проектов (ст. 11).

Однако регулятивных норм, содержащихся в Законе Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях, недостаточно для реализации всех принципов развития агломераций. Принципы дифференцированного подхода к направлениям и мерам государственной поддержки социально-экономического развития агломераций, обеспечения гарантий прав коренных малочисленных народов, рационального природопользования, сохранения природного и историко-культурного наследия, обеспечения доступа к природным и культурным ценностям; учета интересов и мнения населения и бизнеса при планировании социально-экономического развития агломераций не нашли своего выражения в регулятивных нормах Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях.

При этом реализация данных принципов возможна путем использования правовых механизмов, содержащихся в отраслевом законодательстве федерального уровня. Развитие городских агломераций связано с использованием территории, что предопределяет необходимость учета правовых норм различных отраслей права и законодательства. Применение только Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях к регулированию общественных отношений, складывающихся в процессе развития агломераций, невозможно. Закон содержит недостаточно регулятивных норм, чтобы обеспечить реализацию всех принципов развития агломераций.

С точки зрения соотношения принципов развития агломераций с принципами градостроительного, экологического, земельного, транспортного, энергетического законодательства наибольший интерес вызывают такие принципы развития агломераций, как комплексный подход, обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов, рациональное

природопользование. Очевидно, что развитие городских агломераций не должно нарушать нормы федерального законодательства. Принципы развития городских агломераций должны не противоречить принципам федерального законодательства, закрепляющих начала охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, а также сбалансированного развития территорий [13].

Так, развитие городских агломераций непосредственно будет затрагивать вопросы застройки территории. Это подтверждается тем, что в Законе закреплена деятельность органов государственной власти Кемеровской области – Кузбасса, направленная на комплексное освоение территории. Вопросы для территориального планирования и градостроительного зонирования имеют существенное значение для развития городских агломераций в условиях межмуниципального сотрудничества. Застройка агломерации может сопровождаться подготовкой документов территориального планирования части субъекта РФ. Комплексное и устойчивое развитие территории агломерации может быть обеспечено подготовкой схемы территориального планирования части территории субъекта РФ. Такая ситуация будет реализацией комплексного подхода к социально-экономическому развитию агломераций. В этой связи с точки зрения развития городских агломераций необходимо соблюдение принципов, заложенных в ст. 2 Градостроительного кодекса РФ⁹.

На территории Кузбасса находится большое число промышленных предприятий, которые могут стать одним из механизмов развития городских агломераций (например, путем создания трудовых миграций на территории агломерации). В то же время нужно учитывать, что деятельность таких предприятий сопряжена с негативным воздействием на окружающую среду. Развитие промышленности, деятельность промышленных предприятий должны происходить исключительно при соблюдении правовых предписаний, регулирующих отношения по охране окружающей среды. Развитие агломераций не должно приводить к повышению уровня негативного воздействия на компоненты окружающей среды. Реализация принципов экологического законодательства позволит обеспечить право человека на благоприятную окружающую среду, благоприятные условия для жизни на территории агломерации. Развитие агломерации должно сопровождаться мерами по сокращению миграции населения из Кузбасса и улучшению качества жизни. Представляется крайне важным обеспечивать экологическое развитие агломераций в Кузбассе через реализацию принципов охраны окружающей среды, заложенных в ст. 3 ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁰.

Принципы развития городских агломераций подчеркивают социально-экономический характер межмуниципального сотрудничества. Решение социально-экономических задач не должно приводить к сокращению значимости вопросов охраны земли как компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве. Застройка территории агломерации не должна приводить к нарушениям принципов земельного законодательства, необоснованного сокращения сельскохозяйственных и лесных земель.

Управленческая модель, формируемая в агломерациях Кемеровской области – Кузбасса

Анализ правового регулирования и практики по созданию и развитию городских агломераций в субъектах РФ позволяет выделить несколько моделей управления городскими агломерациями:

1. **Города федерального значения** (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), опыт которых относительно слабо применим для решения юридических проблем агломераций Кемеровской области – Кузбасса.

2. **Горизонтальная модель** основана на активности муниципалитетов, координируемых без участия региона путем межмуниципального сотрудничества (к примеру, Барнаульская, Екатеринбургская, Челябинская агломерации, агломерация «Горный Урал»).

3. **Вертикальная модель** основана на передаче полномочий, связанных с управлением агломерациями, на уровень региона. Органы местного самоуправления юридически продолжают существовать, но остаются практически полностью без полномочий в сфере градостроительства и земельных отношений. Органы местного самоуправления не являются юридически и политически значимыми участниками процесса управления агломерацией (например, Владивостокская и Нижегородская агломерации, Саратовская агломерация (переходит к вертикальной модели с 2023 г.)).

4. **Смешанная модель** основана на создании специального совещательного органа – Координационного совета, позволяющего координировать решения и действия как органов государственной власти субъекта РФ, так и органов местного самоуправления. При такой модели передачи полномочий обычно не происходит (встречаются исключения по отдельным узким вопросам). В дополнение к Координационному совету, как правило, используются межмуниципальные договоры и / или межмуниципальные юридические лица (к примеру, Новосибирская, Самаро-Тольяттинская, Пермская агломерации).

Исходя из наличия Координационного совета и отсутствия правовых актов о масштабной передаче

⁹ Градостроительный кодекс РФ. ФЗ № 190 от 29.12.2004. СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

¹⁰ Об охране окружающей среды. ФЗ № 7 от 10.01.2002. СЗ РФ. № 2. Ст. 133.

полномочий в сфере градостроительства и земельных отношений, в Кемеровской области – Кузбассе формируется смешанная модель управления. При этом, по сравнению с практикой иных субъектов РФ, опыт управления агломерациями Кузбасса имеет существенную юридическую особенность. Во многих российских агломерациях (например, Новосибирск, Саратов, Пермь, Самарско-Тольяттинская агломерация, Екатеринбург, Владивосток, Барнаул, агломерация «Горный Урал», Челябинск) первичным документом, фиксирующим создание агломерации как юридического объекта, было соглашение между муниципальными образованиями (в некоторых случаях – с участием региона). Именно в нем фиксировалось намерение будущего регионально-муниципального сотрудничества, состав участников, границы управляемой территории, иногда – вопросы передачи полномочий. Сами создаваемые агломерации юридически чаще всего представляли собой «союз городов» (кроме случаев вертикальной модели).

В Кузбассе предусмотрен иной механизм. Агломерация как юридический объект создается путем рассмотрения инициативы Законодательным Собранием Кемеровской области – Кузбасса (ст. 5 Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях). Согласие муниципальных образований фиксируется решениями их представительных органов о выражении согласия, которые должны прилагаться к документу, выражающему инициативу создания агломерации. Первичным документом, фиксирующим создание агломерации как юридического объекта, будет решение Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса о создании конкретной агломерации. Такой механизм создания полностью соответствует представлениям о порядке создания специальных территориальных единиц субъекта РФ, к которым мы предлагаем относить агломерацию как юридический объект.

В то же время опыт других регионов по созданию и развитию городских агломераций можно использовать в Кемеровской области – Кузбассе. Так, полезен опыт г. Новосибирск в части создания при Координационном совете экспертного совета, с которым органы местного самоуправления обязаны согласовывать генеральные планы, проекты планировки территории и правила землепользования и застройки. При этом Консультационный совет выдает заключение о соответствии этих актов документам территориального планирования агломерации (это может быть схема территориального планирования агломерации или схема территориального планирования субъекта РФ).

Представляется полезным опыт объединения различных необходимых для развития агломерации рабочих групп в рамках Координационного совета. К примеру, в Самарско-Тольяттинской агломерации при Координационном совете были созданы ряд

рабочих групп (по реализации проекта развития, оптимизации занятости населения, выработке предложений по реновации промышленных площадок и выносу промышленных объектов из центральных частей городских округов, входящих в Самарско-Тольяттинскую агломерацию, экологической политике на территории Самарско-Тольяттинской агломерации), Консультационный совет в сфере градостроительного планирования территории Самарско-Тольяттинской агломерации и Межведомственная рабочая группа по реализации земельной политики на территории Самарско-Тольяттинской агломерации [14].

Позитивен опыт научной разработки стратегий (концепций) развития городской агломерации. Стратегия (концепция) развития городской агломерации – ключевой документ для успеха любых агломерационных проектов и основа для дальнейшей разработки Схемы территориального планирования. Во многих российских агломерациях (Екатеринбург, Новосибирск, Самаро-Тольяттинская агломерация, Челябинск, Саратов, Пермь, Улан-Удэ) такой документ разрабатывался целым консорциумом экспертов, включая местных и приглашенных специалистов.

Заключение

Принятие Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях создало правовые условия для формирования агломераций в Кузбассе в целях устойчивого социально-экономического и экологического развития региона для повышения качества жизни населения в нем. Принципы создания и развития городских агломераций, поскольку закреплены в нормах Закона, носят обязательный характер, но нуждаются в конкретизации. Их применение невозможно без учета основополагающих положений земельного, градостроительного законодательства, законодательства об охране окружающей среды и др.

Понятие агломерации, содержащееся в данном Законе, носит, скорее всего, неправовой характер, совмещая в себе градостроительное и экономическое понимание агломерации. Это обуславливает необходимость определения наиболее эффективной модели управления агломерациями в регионе. В соответствии с Законом Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях выбрана смешанная модель управления. При этом сохраняется юридическая самостоятельность органов местного самоуправления по осуществлению ими полномочий в отношении территорий муниципальных образований, входящих в состав агломерации.

Уникальность Закона Кемеровской области – Кузбасса об агломерациях по сравнению с правовым регулированием иных субъектов РФ заключается в максимальном приближении агломерации к специальной территориальной единице.

Однако исследование опыта иных регионов по созданию и развитию городских агломераций позволило сделать ряд предложений, направленных на совершенствование правового регулирования агломерационных процессов в Кемеровской области. Представляется необходимым наличие стратегий (концепций) развития агломераций, заключение межмуниципальных соглашений о взаимодействии, согласование с Координационным советом документации о территориальном планировании и градостроительном зонировании.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Соглашение № 23-28-0-0458 от 12.01.2023.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Agreement No. 23-28-0-0458 dated December 12, 2023.

Литература / References

1. Чертков А. Н. Развитие территориального устройства субъекта Российской Федерации в связи с новеллами федерального законодательства. *Политика и Общество*. 2019. № 4. С. 20–28. [Chertkov A. N. Territorial organization of a constituent entity of the Russian Federation due to the novelty of federal legislation. *Politics and Society*, 2019, (4): 20–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2019.4.31285>
2. Авакьян С. А. Конституционное право России. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; Инфра-М, 2014. Т. 2. 911 с. [Avakyan S. A. *Constitutional law of Russia*. 5th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2014, vol. 2, 911. (In Russ.)]
3. Юридическая техника, ред. В. М. Баранов. М.: Проспект, 2021. 648 с. [*Legal technique*, ed. Baranov V. M. Moscow: Prospekt, 2021, 648. (In Russ.)]
4. Перцик Е. Н. Геоурбанистика. М.: Академия, 2009. 430 с. [Pertsik E. N. *Geo-urbanistics*. Moscow: Akademiia, 2009, 430. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qtqkan>
5. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с. [Lappo G. M. *Cities of Russia. Geographer's perspective*. Moscow: Novyi Khronograf, 2012, 504. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qklezx>
6. Антонов Е. В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 1. С. 180–202. [Antonov E. V. Urban agglomerations: approaches to the allocation and delimitation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, 13(1): 180–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-1-10>
7. Смирнягин Л. В. Агломерация: за и против. *Городской альманах*. 2008. Т. 3. С. 152–168. [Smirnyagin L. V. Agglomeration: pros and cons. *Gorodskoy almanakh*, 2008, 3: 152–168. (In Russ.)]
8. Павлов Ю. В. Систематизация факторов агломерационного эффекта. *Journal of New Economy*. 2021. Т. 22. № 4. С. 116–138. [Pavlov Yu. V. Systematization of factors behind the agglomeration effect. *Journal of New Economy*, 2021, 22(4): 116–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-4-7>
9. Rastvortseva S. N. Economic activity of Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, 11(1): 84–99. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6>
10. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future. Fifty years of regional science. *Advances in Spatial Science*, eds. Florax R. J. G. M., Plane D. A. Berlin-Heidelberg: Springer, 2004. P. 139–164. https://doi.org/10.1007/978-3-662-07223-3_6
11. Chen C., Zhao D., He F., Sun F. A comprehensive multi-hazard risk assessment model for an urban agglomeration with multiple factors. *Journal of Safety Science and Resilience*, 2023, 4(1): 43–51. <https://doi.org/10.1016/j.jnlssr.2022.09.008>
12. Liu H., Zhang M., Du J., Zhou Y., Yi Y. Exploring zonation strategy in land management of urban agglomeration. *Ecological Indicators*, 2022, 145. <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2022.109664>
13. Ma S., Cai Y., Xie D., Zhang X., Zhao Y. Towards balanced development stage: Regulating the spatial pattern of agglomeration with collaborative optimal allocation of urban land. *Cities*, 2022, 126. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103645>
14. Шугрина Е. С., Миронова Г. В. Общая характеристика российских агломераций: соотношение de jure и de facto. *Местное право*. 2018. № 1. С. 3–24. [Shugrina E. S., Mironova G. V. General characteristics of Russian agglomerations: de jure vs. de facto. *Mestnoe pravo*, 2018, (1): 3–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xviyep>

оригинальная статья

Государственный строй Малаккского султаната

Арутюнян Рубен Артури

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, Москва

arutyunyan-ra@rudn.ru

Поступила в редакцию 03.03.2023. Принята после рецензирования 31.03.2023. Принята в печать 05.04.2023.

Аннотация: Предпринята попытка представить развитие государственного строя в Малакке в XIV–XV вв. Рассмотрена общественно-политическая ситуация на Малайском полуострове к моменту создания Малаккского султаната. В ходе исследования выявлено заимствование и адаптация Малаккским султанатом, с учетом исламизации Малакки, организации структуры органов власти королевства Сингапур. Отдельно рассмотрены процесс исламизации Малакки, проходивший с начала XV в., и последующая в течение всего столетия гармонизация традиционной правовой культуры с исламской, характеристика государства и общества в соответствии с мусульманским правом – шариатом. Проанализирован юридический документ «Малаккский кодекс», который по праву считается первым унифицированным законодательным актом на Малайском архипелаге. Кодекс является ценным источником, в который наряду с нормами исламского права вошли элементы обычного права. Кодекс позволял регулировать широкий спектр вопросов, включая торговые отношения, семейные отношения, судопроизводство, а также в нем зафиксированы принципы организации государственной власти. «Малаккский кодекс» впервые закрепил право собственности на землю и практически стал основным источником в регулировании земельных отношений. В нем были выделены различные категории земель и территорий, облагаемых земельным налогом. Обозначены роли и полномочия ведущих политических фигур в государстве – султана и основных сановников: бендахары, теменггонга, лаксаманы и шахбандара. Анализируется влияние исламской правовой системы на традиционное общество Малакки и гармонизация этих двух систем в течение XV в.

Ключевые слова: Малаккский султанат, Малаккский кодекс, исламизация, бендахара, теменггонг, лаксамана, шахбандар

Цитирование: Арутюнян Р. А. Государственный строй Малаккского султаната. *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 7. № 2. С. 224–230. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-224-230>

full article

State Organization of the Malacca Sultanate

Ruben A. Arutyunyan

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

arutyunyan-ra@rudn.ru

Received 3 Mar 2023. Accepted after peer review 31 Mar 2023. Accepted for publication 5 Apr 2023.

Abstract: The article traces the state system of the Malacca Sultanate in the XIV–XV centuries. Starting with the pre-Malacca socio-political situation on the Malay Peninsula, it follows the Islamization processes, which brought about the Singaporean governmental pattern. Further Islamization changed the state and society in accordance with the Islamic law of Sharia. The research also featured the Malacca Code, the first unified legislative act in the Malay Archipelago. The Code combined the Islamic law with some elements of the customary law. It regulated a wide range of issues, including trade, family relations, legal proceedings, and state management. The leading political figures included the Sultan and his ministers Bendahara, Temenggong, Laksamana, and Shahbandar. The Islamic legal system affected the traditional social structure of Malacca. However, the two systems coexisted as a single unity throughout the entire XV century.

Keywords: Malacca Sultanate, Malacca Code, Islamization, Bendahara, Temenggong, Laksamana, Shahbandar

Citation: Arutyunyan R. A. State Organization of the Malacca Sultanate. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki, 2023, 7(2): 224–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-224-230>

Введение

В географическом центре исследуемого государства находится Малаккский пролив, через который в средние века проходили товары и торговцы со всей Азии к берегам острова Суматра и Малайского (Малаккского) полуострова. Самой влиятельной в данном центре в период с VII–XII вв. была Шривиджая – морское государство с центром в Палембанге на острове Суматра.

В эпоху Шривиджайи сформировался малайский язык, который стал официальным, однако ряд памятников, сохранившихся до наших дней и носящих сакральный характер, были выполнены на санскрите, что является свидетельством утверждения в VII–VIII вв. на малайском полуострове индуизма и буддизма, включая остров Сингапур. Складывание малайской культуры происходило на базе развития самобытной культуры малайских племен, обогатившейся достижениями индийской, а позднее мон-кхмерской и яванской цивилизациями [1, с. 26]. Также в эту эпоху сформировалась малайская народность. Предками малайцев были минангкабау, которые на рубеже нашей эры стали расселяться с Падангского нагорья на Суматре по западному, восточному и южному побережью острова [1, с. 25].

Шривиджая объединяла под своей властью огромную часть малайского архипелага. Основную часть ее экономики составляла морская торговля. Однако нет данных, достоверно подтверждающих наличие каких-либо правовых кодексов в этой империи, которые могли бы регулировать торговую деятельность на суше и на море. В то же время нельзя отрицать существования морских правил и других правовых документов при дворе Шривиджайи.

К XIII в. распад Шривиджайи развязал конкуренцию за господство на торговых путях вокруг Малайского полуострова, архипелага Риау и западной части Южно-Китайского моря. Два государства боролись за то, чтобы заполнить вакуум после упадка Шривиджайи. На севере находился Сиам, государство, укреплявшее свою власть на территории современного Таиланда и расширявшее свое влияние вплоть до Малайского полуострова. На юге располагалось государство Маджапахит с центром на острове Ява. Последний также распространял свое влияние на части восточной Суматры и Малайского полуострова.

Оба государства, Сиам и Маджапахит, претендовали на Сингапур (Тумасик) – именно в нем кроются истоки возникновения города Малакка. Сингапур был одним из преемников Шривиджайи. Государство Сингапур (*The Kingdom of Singapura*, или *Kerajaan Singapura*) было основано шривиджайским принцем Санг Нилом Утама (1299–1347) в конце XIII в. и просуществовало до конца XIV в., когда он был окончательно завоеван яванцами [2, с. 123; 3]. Торговый город с одноименным названием располагался у оконечности

Малайского полуострова и достиг своего расцвета в XIV в. Малайская историческая легенда, отраженная в трудах мореплавателя Томе Пиреша, историка Жоао де Барроша и сына завоевателя Малакки Браша де Альбукерке, напрямую связывает упадок Сингапура с подъемом Малакки на рубеже XIV–XV вв. [4].

Известно, что в 1299–1398 гг. Сингапур был самостоятельным городом-государством, в Малайских анналах прослеживается иерархическая структура органов власти королевства Сингапур, которая позже была частично заимствована и адаптирована с учетом исламизации Малаккой. Высшим должностным лицом, обладавшим абсолютной властью, был раджа, после которого шла знать, назначаемая из определенных семей или кланов, статус которой передавался из поколения в поколение по наследству. Бендахара (*bendahara*) – первый министр в королевстве, советник раджи – исполнял все функции последнего в его отсутствие. В подчинении бендахары находились люди знатного происхождения и дети вельмож. Затем шли другие представители знати: пердана ментери (*perdana menteri* – премьер-министр), пенгулу бендахари (*penghulu bendahari* – казначей) и хулубаланг бесар (*hulubalang besar* – главный военачальник) – большая четверка знати (*orang besar berempat*). Пердана ментери помогал бендахаре в управлении внутренними делами королевства и обычно сидел напротив бендахары в королевском дворе, в то время как пенгулу бендахари отвечал за финансовые дела королевства. Хулубаланг бесар исполнял обязанности главного военачальника и командовал несколькими другими хулубалангами (командирами).

Актуальность темы статьи обусловлена исследованием государственного устройства Малаккского султаната, раскрытием его особенностей и рецепцией мусульманского права на территорию Малайского полуострова в Средневековье. Рассматривается общественно-политическая ситуация на Малайском полуострове к моменту создания Малаккского султаната с осмыслением географии ислама, его влияния и развития в Юго-Восточной Азии. Анализируется юридический документ «Малаккский кодекс» – первый унифицированный законодательный акт на Малайском архипелаге, в котором впервые официально зафиксирована новая концепция государственной власти.

Большую роль в исследовании играет историография по теме, т. к. на данный момент она является во многом малоизученной, и перед исследователем встает задача поиска и сопоставления позиций различных ученых по проблематике во всей ее многоаспектности. К таким работам можно отнести многоплановые исследования Е. В. Ревуненковой, в частности перевод на русский язык с комментариями одной из версий малайской рукописи «Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение», привезенной

из Малайи в 1798 г. И. Ф. Крузенштерном. Рассказы рукописи содержат конкретные исторические сведения и описания жизни и быта жителей Малайско-Индонезийского региона.

Цель статьи – исследовать процесс становления государства *Малаккский султанат* и его развитие на протяжении XV в. Задачи:

- Раскрыть особенности влияния ислама на малайское общество и государственный строй Малаккского султаната.
- Провести анализ источников малайского права («Малаккский кодекс» и «Морской кодекс») с точки зрения выявления принципов и особенностей организации публичной власти в Малаккском султанате.
- Провести анализ системы государственных органов власти Малаккского султаната.
- Рассмотреть обязанности высших должностных лиц государства *Малаккский султанат*.

Методы и материалы

Использовались общенаучные и частно-научные методы, в частности методика сравнительно-правового метода. Применен цивилизационный подход. В основу проведенного исследования легли основные труды отечественных ученых, таких как Е. В. Ревуненкова, С. В. Тхор, В. А. Тюрин, Т. В. Дорофеева и др., и зарубежных авторов и исследователей – T. Pires, Y. F. Liaw, P. Borschberg, R. O. Winstedt.

Источниками послужили малайский исторический памятник (XV–XVI вв.) «Сулалат-ус-Салатин», более известный как «Седжарах Мелайю», или «Малайские анналы», памятник малайского права «Малаккский Кодекс», разработанный при султана Мухаммад-шахе (1424–1444) и дополненный морскими законами («Морской кодекс») султаном Музаффар-шахом (1446–1459), воспоминания и записки португальских путешественников, среди которых наиболее известна Восточная Сума (*Suma Oriental*) Томе Пиреша, считается написанной в 1513–1515 гг., широко цитируется, возможно, считается единственным наиболее авторитетным источником, объясняющим учреждение Малакки и ее торговую политику до 1511 г.

Образование Малаккского султаната

В конце XIV в. Парамешвара – принц Палембанга, первый правитель Малаккского султаната, который, позже приняв ислам под именем султана Искандара Шаха (1389–1424), послужил примером для своих подданных (они тоже стали обращаться в новую веру – ислам), бежал с острова Суматра и нашел убежище в Сингапуре, правил Сингапуром в течение нескольких лет. Парамешвара превратил Сингапур в ключевой порт в Малаккском проливе, создал условия для привлечения китайских товаров и купцов с целью развития города. В результате грамотной торговой политики

китайские товары привлекли других зарубежных торговцев. Рост этого государства во многом был связан с укреплением торговли Китая с другими странами Юго-Восточной Азии [2, с. 123; 5, р. 23; 6, р. 110; 7, р. 32], успех и значимость Сингапура в региональной торговой политике послужили причиной вторжения в 1396 г. Королевства Сиам. Сиам предпринял ряд удачных нападений на Сингапур, по результатам которых Парамешвара вынужден был бежать с острова со своими приближенными. В регионе шла борьба за господство на море над проливами, в которой конкурирующие державы стремились к торговой экспансии.

История Малаккского султаната берет свое начало с момента основания Парамешварой города Малакка в начале XV в. Территория Малаккского султаната в XV в. включала большую часть Малайского полуострова, острова Риау и части центральной и восточной Суматры. Малакка стал центром основанного Парамешварой княжества *Малаккский султанат*, в состав владений которого со второй половины XV в. входил Сингапур [8]. Так на смену империи Шривиджая пришло и стало активно развиваться новое мощное государство – Малаккский султанат.

В XIII–XIV вв. в малайском мире происходит смена идеологических ориентиров. В обществе место индо-буддизма занимает ислам [9, с. 86]. Такая перемена отразилась не только на экономике, политике, социальной жизни общества, но повлияла и на дальнейший ход развития малайского права, малайского языка и литературы. Ислам объединил многонациональные общества, проживавшие в прибрежных зонах малайского архипелага, и дал мощный толчок к развитию интенсивной морской торговли с участием иностранных купцов из Индии, Персии и арабских стран. Малайский язык стал языком торговли не только на архипелаге, но и по всей Юго-Восточной Азии. Малакка подверглась исламизации в 1414 г. (согласно другим данным, в 1409 г.) [9, с. 86].

Влияние ислама на малайское общество и государственный строй Малаккского султаната

Мусульманское право начало складываться в VII–X вв. в Арабском Халифате. Свообразие Арабского халифата и других государств мусульманского мира было непосредственно связано с их ригидной, универсальной религией – исламом, исходящим из неделимости духовной и светской власти, что было органически связано с теократической идеей о всемогуществе, всесии и неделимости самого Аллаха, нашедшей выражение в Коране: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его». Ислам определял в мусульманском мире характер и социальной структуры, и государственных учреждений, и правовых институтов, и морали – всю духовную сферу мусульман. Так, религиозно-правовым

основам мусульманского общества соответствовала особая социальная структура, характеризующаяся определенной обезличенностью господствующего класса, отсутствием системы наследственно передаваемых титулов и привилегий, избранности и пр. Здесь были все равны, а скорее – в равной степени бесправны перед теократическим государством, его главой – халифом, султаном [10].

Решающую роль в укоренении ислама как на малайской земле, так и в Юго-Восточной Азии в целом сыграли индийские торговцы-мусульмане, посещавшие Архипелаг в XII в. [11]. Возрастающая роль ислама и увеличение объемов морской торговли стали факторами, способствующими развитию государства *Малаккский султанат*. В связи с этим возникла потребность в регулировании торговых отношений, правители стали разрабатывать определенные налоговые правила и следить за их исполнением. Именно восприятие ислама позволило выработать законодательное регулирование, т. к. с новой религией в регион проникли основы мусульманского закона – шариат, а также исламская юриспруденция – фикх [12, с. 63].

Самым значимым результатом деятельности малаккских законодателей стал первый унифицированный правовой документ на архипелаге «Малаккский Кодекс», разработанный при султана Мухаммад-шахе (1424–1444) и дополненный морскими законами (Морской кодекс) султаном Музаффар-шахом (1446–1459). Этот юридический акт позволял регулировать широкий спектр отношений, включая торговые отношения, семейные отношения, судопроизводство, а также в нем зафиксированы принципы организации государственной власти. С. В. Тхор в труде, посвященном историографическому и текстологическому анализу «Малаккского кодекса», утверждает, что большинство из списков всё же относят появление кодекса к правлению последнего султана Махмуда Шаха (1488–1511), и в них присутствует большое количество бугийских терминов [13].

В «Малаккском кодексе» впервые официально зафиксирована новая концепция государственной власти [13]. Исламизация Малакки вместе с вышеупомянутым кодексом привели к важным изменениям в правительстве. Многие из старых (индуистских) титулов, в том числе раджа, сохранились, как и исключительное использование желтого цвета для членов королевской семьи. Например, согласно ст. 1 «Малаккского кодекса» рядовым гражданам было запрещено носить желтую или прозрачную одежду или кинжалы с золотым наконечником. Тем не менее была изменена форма абсолютной монархии, связанной с индуистскими правителями. Универсализм ислама, основополагающая

идея мусульманской идеологии и политической теории о слитности духовного и светского определили и особое место государства в исламском обществе, его безусловное абсолютное господство над обществом, его теократическую авторитарную форму [10].

Верховный правитель – султан – являлся неограниченным владыкой своих подданных и единственным справедливым судьей их поступков. Султан и члены его семьи стояли на вершине социальной иерархии. Султан при жизни назначал наследника. Но система наследования не была упорядочена, и многочисленные дети султана от разных жен и наложниц боролись за престол и влияние при дворе. Султан назначал главных должностных лиц (сановников) – помощников, советников и министров.

Смертная казнь осуществлялась только с санкции султана, но это право могло делегироваться помощникам и главному министру. Без ведома правителя и главного министра право вершить смертную казнь предписывалось сановникам в исключительных случаях. Так, в ст. 9 «Малаккского кодекса» установлены случаи и полномочия ряда должностных лиц, имеющих право вершить смертную казнь. Казнить во время отсутствия правителя имел право бендахара, теменггонг во время задержания людей, шахбандар за неисполнение приказов, управляя лодкой и судном в широком устье реки, и капитан во время плавания в открытом море [14].

Примечательно, что подобная система подчинения применялась и в мореплавании. В «Морском кодексе» сказано, что капитан в судовой иерархии «подобен халифу или правителю на суше» [15, р. 388; 16]. Регулирование отношений на корабле строилось на основе жесткой и четкой внутрикорабельной иерархии, во многом копирующей структуру малайского государства с централизованной властью и абсолютным подчинением капитану.

Система государственных органов власти

В Малакке выработалась новая концепция публичной власти, в которой органично сочетались суннитские шариатские установки и обычаи, в преамбуле «Малаккского кодекса» установлена шариатская норма, согласно которой в функции правителя входит назначение высших должностных лиц (сановников): «правителям следует назначать вельмож дабы (они его) замещали (в делах управления), дабы избежать (ему) излишнего бремени. Первым (им следует) назначить бендахару, а вторым назначить теменгунга, а третьим назначить пенгулу бендахари, а четвертым назначить шахбандара, и да пусть эти (должностные) лица будут окружать заботой и вниманием своих правителей»¹ [14].

¹ Перевод С. В. Тхор представлен в диссертации «Свод законов "Унданг-Унданг Мелака" ("Малаккский кодекс") как источник по истории Средневековой Малайи: XIV–XVI вв.» (М., 2005).

Новый порядок, подкрепленный вышеуказанными кодексами Малакки, предусматривал, что мусульманский правитель делегировал повседневное управление государственными делами своим министрам, особенно первому министру бендахаре. Бендахара вместе с теменггонгом (*temenggong* – главный судья, глава полиции), лаксаманом (*laksamana* – адмирал) и шахбандаром (*shahbandar* – начальник порта) представляли четырех великих сановников Малакки. Среди других важных министров были пенгулу бендахари и хулубаланг бесар, которые обычно также носили титул Шри Биджа ди Раджа (*Sri Bija di Raja*) [17]. Должность лаксамана утверждена в четверке сановников во время правления султана Мансур-шаха (1456–1477). Остальные сановники занимали различные должности при дворе или являлись мандуликами (*mandulika* – наместники областей, составлявших ядро султаната) [1, с. 33].

Бендахара выступал в роли ведущего официальных приемов и церемоний, принимал официальные подарки от иностранных сановников и узаконивал придворные действия посредством ритуала. В его полномочия входила юрисдикция над теми, кто занимал должность, над теми, кто занимал звание *господин (tuan)* или *придворные чиновники (sida)*, и над детьми высокопоставленных знатных чиновников [14; 17]. Бендахара в своем лице воплощал исполнительную и судебную власть [2, с. 101].

Теменггонг являлся вторым из четырех великих сановников Малакки, разрешал торговые споры, выступая в качестве судьи, и получал взносы за товары. В полномочия входили вопросы безопасности, пенитенциарной и таможенной сфер, участие в принятии политических решений в тесном контакте с правителем и бендахарой. В его ведении были тюрьма и аресты [17; 18, р. 264].

Лаксамана был чиновником, чья власть базировалась на должности хулубаланг бесара и титуле Шри Биджа ди Раджа [19, р. 24–25]. Ее традиционно занимали представители известных кланов из Сингапура и Бинтана. Неудивительно, что лаксамана, полномочия которого связаны с обороной, получал значительную поддержку со стороны сообществ оранг-лаут (*orang laut* – морские люди), населявших воды и острова вокруг Сингапура и Риау [17]. Известно, что оранг-лауты служили лаксаманам Малакки, а затем и Джохора в качестве гребцов, работали они только за еду [18]. Согласно законам Малакки, лаксамана был раджа лаутов, «морским царем» [17]. Он командовал королевским флотом, отвечал за дипломатический протокол и за прием иностранных посольств. В полномочия входило взаимодействие с иностранными купцами и контроль за деятельностью иностранных судов, ряд обязанностей иногда пересекался с обязанностями шахбандара.

Шахбандар обладал полномочиями одного из главных чиновников по торговым вопросам,

буквально – царь порта. Его основная функция заключалась в контроле иностранных торговых сообществ, посредничестве между иностранными купцами и бендахарой, а в более поздние времена в полномочия вошла выдача морских пропусков [14; 20, р. 42]. Шахбандар был хранителем мер, весов и монет; он собирал якорные сборы и взносы; обладал полномочиями третейского суда для разрешения споров между иностранными купцами и, кроме того, осуществлял юрисдикцию во всех делах, касающихся иностранных купцов, иностранных судов, сирот и лиц, пострадавших от несправедливости. Законы Малакки описывают положение шахбандара подобно «отца и матери иностранных купцов» [14]. На практике шахбандар выступал в качестве представителя морских торговых интересов правителя.

Во времена султаната, а позже и в некоторых других малайских и яванских портовых государствах шахбандар нередко не был уроженцем страны, являлся иностранцем, и эта должность была высшим званием и честью, которых могли достичь иностранцы [21]. Учитывая обязанности шахбандара по надзору и разрешению споров между иностранными купцами, это имело смысл, поскольку он должен был знать обычаи и языки иностранных купцов, которых представлял. Помимо установления торговли между Малаккой и Камбеем (Индия), Малакка расширила свою сеть до Османской империи и арабского мира [22, р. 122–124], исламские сети торговли специями могли породить идею глобального панисламизма [23, р. 47–49]. Таким образом, шахбандар был могущественным посредником, который пользовался доверием иностранных купцов, доверием правителя и его главных министров. В малайских государствах шахбандары были назначены для наблюдения за портами, расположенными как вдоль побережья, так и на берегах основных рек [24, р. 354–365].

Мандуликами могли быть как представители четверки сановников, так и другие министры, военачальники и приближенные султана. Правители подчиненных территорий и держатели земельных владений должны были не только оказывать почтение, но и периодически посещать правителя в столице. Их прямой обязанностью было следить за тем, чтобы налоги время от времени поступали в казну. Однако не на каждой подчиненной территории был свой раджа. Были территории, которые отдавались во владение тем, кто хорошо служил правителю. Владельцы бывали двух типов – постоянные и отсутствующие. Можно предположить, что на местных жителей была возложена ответственность за непосредственное управление владением.

Новым явлением в эпоху Малаккского султаната стало развитие частной земельной собственности. Права и обязанности в земельных отношениях регулировались отдельными статьями «Малаккского кодекса» –

ст. 19.1, 19.2, 19.3, 20.1, 21.1, 21.2, 21.3, 22.1, 22.2, 43.3. Право собственности на землю закреплялось в ст. 19.3, 20.1, 20.2 [14]. Если в эпоху существования городов-государств внутренние районы оставались практически неосвоенными, то теперь происходит постепенное заселение этих территорий. Крестьяне-общинники расчищали лес и проникали все глубже во внутренние районы полуострова. Малаккские султаны – верховные собственники всей земли султаната в XV – начале XVI в. – постоянно совершали дарения земли. Землевладельцы получали право на сбор десятины – поземельного налога, а также на принудительный труд крестьян. «Малаккский кодекс» специально подчеркивал обязанность крестьян подчиняться владельцу земли, на которой они «сидят» [1, с. 33].

Согласно «Малаккскому кодексу», в особую территориально-административную единицу выделялись т. н. территории *yang takluk*, т. е. подчинённые, зависимые территории (ст. 0.1). Большинство этих территорий облагалось земельным налогом. Малакка много унаследовала от Шривиджайи. Территории, находившиеся за пределами Малакки, делились в свою очередь на *kampung* (кампунг, или деревня) (ст. 19.1, 19.3, 32.2), где концентрировалась основная часть населения, и *dusun*, что означает в дословном переводе «сельское поселение, деревушка, обжитой клочок земли» (ст. 0.1, 11.4, 13.4, 14.1, 15.6, 19.2, 19.3, 44.11) [14]. Согласно «Малаккскому кодексу», бендахара и вельможи обладали правом забрать у кого-либо и отдать третьему лицу кампунг, как с ведома правителя, так и без него (ст. 19.1). Кампунги и дусуны объединялись в различные отдельные по размеру политико-административные образования – своеобразные округа или районы (*jajahan* или *daerah*), которые относились к юрисдикции территориального главы родом из не султанской семьи, но аристократического происхождения. Согласно португальским источникам, за пределами Малакки находилось 1150 поместьев [25].

Несмотря на формирование новых экономических отношений, продолжали сохраняться и традиционные обычаи. В качестве источников права в бракоразводных отношениях наряду с обычаями начинают применяться нормы шариата, которые вошли в «Малаккский кодекс». Согласно шариату, судебным расторжением брака пользуется главным образом жена. Малайская судебная система имела много общего с мусульманской судебной системой, в «Малаккском кодексе» непосредственное участие судьи упоминается более чем в пятидесяти случаях, и около тридцати статей и подстатей освещают его обязанности. В статьях, посвященных судопроизводству, используются уже мусульманские термины

и названия должностных лиц (*hakim* или *kadi*). В хронике «Седжарах Мелаю» основной акцент делается на судебных полномочиях султана, а роли судьи отводится второе место. В Малаккском султанате были все еще сильны традиционные обычаи, когда сила и власть судебного решения полностью принадлежала лишь верховному правителю, а ее фактическими исполнителями были три основных государственных сановника (бендахара, теменггонг, шахбандар), а в кампунге на местах – сельские старосты (*penghulu*). В кодексе очень четко проведены границы действия малаккских законов. Территория другой страны закону не подвластна, поэтому, если «человек убежал за море в чужое государство», то его больше не разыскивали и не преследовали в судебном порядке, или только «при посредничестве вельмож этого государства» (ст. 13.1) [14].

Заключение

Становление Малаккского султаната как государства происходило параллельно с исламизацией. Так, Малакка подверглась исламизации в начале XV в., однако в течение всего столетия происходила гармонизация традиционной правовой культуры с исламской. Ислам привнес в Малакку новую систему отношений, при которой правитель обладал полнотой светской и религиозной власти. Султан и члены его семьи стояли на вершине социальной иерархии. Он являлся неограниченным владыкой своих подданных и единственным справедливым судьей их поступков.

Высшими должностными лицами в государственной системе управления являлись сановники султана, которых назначал султан, представителями могли быть как члены его семьи и знати, так и иностранцы. Высшими должностными лицами являлись бендахара, теменггонг, лаксамана и шахбандар. Среди других важных министров были пенгулу бендахари и хулубаланг бесар.

Также исламизация затронула такие отрасли права, как земельное право, уголовное право, судопроизводство и др. «Малаккский кодекс» впервые закрепил право собственности на землю и практически стал основным источником в регулировании земельных отношений. В нем были выделены различные категории земель и территорий, облагаемых земельным налогом.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М.: Наука, 1980. 189 с. [Tyurin V. A. *History of Malaysia. Brief essay*. Moscow: Nauka, 1980, 189. (In Russ.)]
2. Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 672 с. [Revunenkov E. V. *Sulalat-us-salatīn. Krusenstern's Malay manuscript, its cultural and historical value*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2008, 672. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxilkmd>
3. Linehan W. The Kings of 14th Century Singapore. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, 1947, XX(2): 117–127.
4. Borschberg P. The Melaka Empire, c. 1400–1528. *Empires of the Sea: Maritime Power Networks in World History*, eds. Strootman R., van den Eijnde F., van Wijk R. Leiden: Brill, 2019, vol. 4, 263–293. http://dx.doi.org/10.1163/9789004407671_012
5. Ginsburg N. G., Roberts C. F. *Malaya*. Seattle: University of Washington Press, 1958, 524.
6. Moorhead F. Y. *A history of Malaya and her neighbours*. L.: Longmans, Green & Co, 1957, vol. I, 245.
7. Winstedt R. O. A history of Malaya. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, 1935, XIII(1): 1–254.
8. Осипова М. Г. Сингапур на перекрестке дорог (от доколониального развития острова до Сингапура – центра колонии Стрейтс Сеттелментс). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. 2. № 3. С. 206–212. [Osipova M. G. Singapore at the crossroads (from the pre-colonial development of the island to Singapore - the center of the Straits Settlements colony). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2018, 2(3): 206–212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywyyuap>
9. Дорофеева Т. В. История письменного малайского языка (VII – начала XX веков). М.: Гуманитарий, 2001. 289 с. [Dorofeeva T. V. *The history of the Malay language in letter*. Moscow: Gumanitarii, 2001, 289. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yldaot>
10. История государства и права зарубежных стран, под общ. ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 480 с. [*History of the state and law of foreign countries*, eds. Krashennikova N. A., Zhidkov O. A. Moscow: NORMA-INFRA, 1998, 480. (In Russ.)]
11. Кочеткова Е. В. Ислам в Малайзии. *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2021. № 4. С. 371–384. [Kochetkova E. V. *Islam In Malaysia. Ekonomicheskie, sotsialno-politicheskie, etnokonfessionalnye problemy afro-aziatskikh stran*, 2021, (4): 371–384. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31696/978-5-907384-70-5-371-384>
12. Брагинский В. И. История малайской литературы VII–XIX веков. М.: Наука, 1983. 496 с. [Braginskii V. I. *The history of Malay literature of the VII–XIX centuries*. Moscow: Nauka, 1983, 496. (In Russ.)]
13. Тхор С. В. Свод законов «Унданг-Унданг Мелака» («Малаккский кодекс») как источник по истории Средневековой Малайи: XIV–XVI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 23 с. [Tkhor S. V. *Undang-Undang Melaka Code of Laws (Malacca Code) as a source on the history of Medieval Malaya: XIV–XVI centuries*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zncob>
14. Liaw Y. F. *Undang-Undang Melaka. The laws of Melaka*. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, 1976, 211.
15. Wijaya D. N. *Malacca beyond European colonialism (15th–17th centuries)*. Thesis of History. 2022, 407.
16. Liaw Y. F. *Undang-undang Melaka dan Undang-undang Laut*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2003, 301.
17. Iskandar Y., Tate D. J. M. *The Malay Sultanate of Malacca. A study of various aspects of Malacca in the 15th and 16th centuries in Malaysian history*. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka and Ministry of Education, 1992, 340.
18. Pires T. *Suma Oriental. An account of the East from the Red Sea to Japan. Written in Malacca and India in 1512–1515*. London: Hakluyt Society, 1943, vol. II, 383.
19. Borschberg P. *Admiral Matelieff's Singapore and Johor, 1606–1616*. Singapore: NUS press, 2016, 260.
20. Meilink-Roelofs M. A. P. *Asian trade and European influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630*. The Hague: Nijhoff, 1962, 471.
21. Schrieke B. J. O. *Indonesian sociological studies*. The Hague and Bandung: Van Hoeve, 1955, vol. II, 330.
22. Hasanuddin Y. *Menjejak Hubungan Daulah Uthmaniyah & Kesultanan Melaka*. Zhafran Empire Sdn Bhd, 2019, 244.
23. Kadi I. H., Peacock A. C. S. *Ottoman-Southeast Asian relations: Sources from the Ottoman archives*. Leiden: Brill, 2019, 1038.
24. *Studying Singapore before 1800*, eds. Kwa C. G., Borschberg P. Singapore: NUS Press, 2018, 600.
25. Thomaz L. F. F. R. Malaccas society on the eve of the Portuguese conquest. A tentative interpretation based on the extant Portugues documents. *Siri Wacana sejarah dan falsafah sains*, ed. Othman M. Y. Hj. KL: University of Lisbon, 1992, vol. 1, 22–59.

оригинальная статья

Совет биев как архетип традиционной правовой культуры казахов в XXI в. (из серии статей про архетипы)

Бакирова Айгуль Муратовна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, Москва

Товарищество с ограниченной ответственностью «SILA Central Asia (СИЛА Централ Азия)», Казахстан, Астана
aigulya_2050@mail.ru

Поступила в редакцию 06.10.2022. Принята после рецензирования 16.01.2023. Принята в печать 14.03.2023.

Аннотация: Статья посвящена исследованию причин возрождения Совета биев и процесса современного апробирования традиционного института с учетом инноваций. Использован сравнительно-правовой подход. Продолжено рассмотрение материала по архетипам традиционной правовой культуры казахов: судостроительство; опыт осуществления судопроизводства биями, который использовался казахами на протяжении многих столетий при разрешении правовых конфликтов и спорных вопросов, возникавших в жизнедеятельности кочевников. Объяснены причины возрождения данного архетипа традиций. Приведена статистика, показывающая увеличение процента досудебного разрешения дел Советом биев, что снижает нагрузку рассмотрения правовых конфликтов судами первой и второй инстанций. Показано, что основой развития казахской правовой системы являются обычное и мусульманское право. Особое внимание уделено правовому статусу биев, значению данного традиционного института. Отмечено преимущественно практическое развитие обычного права в казахской степи. Рассмотрены случаи, которые разбирают современные бии; приведены данные статистики по количеству рассмотренных споров; особо подчеркнут тот факт, что вынесенные биями решения не оспариваются и исполняются сторонами, что содействует снижению в стране нагрузки на суды общей юрисдикции. Подведены итоги относительно необходимости заимствования традиций в настоящее время.

Ключевые слова: суд присяжных, шариатский суд, культура, традиции, трансляция опыта, Совет биев, Суд биев, бии, правовой нигилизм

Цитирование: Бакирова А. М. Совет биев как архетип традиционной правовой культуры казахов в XXI в. (из серии статей про архетипы). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 231–239. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-231-239>

full article

The Biy Council as an Archetype of Traditional Legal Culture of Kazakh in the XXI Century (from a Series of Articles on Archetypes)

Aigul M. Bakirova

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

SILA Central Asia Limited Liability Partnership, Republic of Kazakhstan, Astana
aigulya_2050@mail.ru

Received 6 Oct 2022. Accepted after peer review 16 Jan 2023. Accepted for publication 14 Mar 2023.

Abstract: The Biy Council in its modern and innovative version is a test for this traditional institution. The present research used a comparative legal approach to study various models of traditional institutions in the legal system of Kazakhstan. This article discusses the archetypes of the traditional legal culture of the Kazakhs, namely the judicial proceedings by the *biys*, which were used by the Kazakhs for many centuries in resolving legal conflicts and controversial issues of nomadic life. The article explains the reasons behind the revival of this archetype and the legal status of the *biys*. According to the statistics, the percentage of pre-trial resolution of cases by the Biy Council keeps increasing, thus relieving the burden on the first and second instance courts. The decisions made by the *biys* are not contested and are executed by the parties, which also reduces the load on the courts of general jurisdiction in the country. The Kazakh legal system is based on customs and the Muslim law, which makes the development of customary law in the Kazakh steppe predominantly practical. The article introduces some cases resolved by the modern *biys* and provides statistics on the number of disputes considered. The author also sums up the extent to which borrowing of traditions is necessary at the present time.

Keywords: Trial by jury, Sharia court, culture, traditions, transmission of experience, Biy Council, Biy Court, biy, legal nihilism

Citation: Bakirova A. M. The Biy Council as an Archetype of Traditional Legal Culture of Kazakh in the XXI Century (from a Series of Articles on Archetypes). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 231–239. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-231-239>

Введение

Внедрение традиционных систем в Казахстане стало свидетельством включения норм обычного права в существующую нормативную базу страны. Готовность государства воплотить нормы казахского обычного права свидетельствует о том, что они социально оправданы и содействуют совершенствованию действующего права в Казахстане. Одним из таких возрожденных традиционных регуляторов стал Совет биев [1, с. 140]. Отметим, что необходимо различать Суд биев и Совет биев. Совет биев существовал еще до Великой российской революции как орган публичной власти, и его следует отличать от Ханского совета, который часто называли Малым советом.

Было время, когда подобные органы существовали и на Руси – это были совет бояр, совет князя. Совет биев имел большой авторитет в народе и, хотя был при хане, фактически не был с ним связан, но имел огромное влияние над ханской властью, потому что Суд биев мог отменить, оспорить любое решение хана. Совет биев – это своего рода орган народовластия, орган-арбитр, сосредоточивший в своих руках не только административную и законодательную власть, но и судебную, которая была одной из основных в его деятельности.

Поэтому авторитет этого института в дореволюционном Казахстане был непререкаем, а утверждения некоторых дореволюционных деятелей об отсталости и примитивности судопроизводства биев не выдерживали критики. И. В. Ерофеева приводит случаи, когда советы биев судили султанов-Чингизидов, считавшихся подсудными исключительно семейному совету [2, с. 406]. Степное правосудие зиждилось на принципах гуманности, справедливости, состязательности, приоритете примирительных процедур, все это было присуще суду биев, который также базировался на основах неподкупности и справедливости образа судьи, это обеспечивало столь долгое существование данного органа правосудия. Казахские кочевники, обращаясь в Суд биев, точно знали, что истина будет установлена.

Проведенное в 2020 г. анкетирование позволило выяснить, что в целом население Казахстана достаточно положительно отнеслось к возрождению института биев¹.

Причины возрождения института биев

Причиной возврата к прерванной традиции казахского обычного права является не только генетическая память народа, но и реальная причина развития современной правовой действительности в Казахстане, учитывая возрождение института биев на протяжении веков. В настоящее время Совет биев является консультативно-совещательным органом при акимате², целью которого является реализация поручений бывшего главы государства, разработка способов внесудебного решения споров, поддержание социальной стабильности, повышение осведомленности населения путем восстановления исконных навыков урегулирования споров мирным путем. Деятельность Совета биев во многом основана на практике посредничества, что обеспечивает урегулирование правовых конфликтов и высокую степень ее эффективности.

Данный институт соотносится с мероприятиями Верховного Суда Республики Казахстан «Быстрые результаты» 2018 г. (в рамках проекта «7 камней правосудия») по вопросам развития досудебного примирения по уголовным делам³.

Совет биев создается на основании решения маслихата⁴ города республиканского значения, столицы, города областного значения (далее – маслихат) в границах одного или нескольких избирательных округов по выборам депутатов городского маслихата, и их деятельность регулируется типовым «Положением о Совете биев», утверждаемым решением маслихата.

Вместе с тем, наряду с непосредственным разрешением судебных дел, необходимо реализовывать функции судебной власти по защите от незаконного, необоснованного ограничения прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, по своевременному

¹ Результаты анкетирования, проведенного в 2020 г. среди представителей различных возрастных групп в рамках написания диссертационной работы «Традиции и инновации в правовой культуре Казахстана». Опрошено 50 респондентов, изучено 45 бланков опроса.

² Акимат – местный исполнительный орган в Республике Казахстан.

³ 7 камней системы: Асанов высказался о дальнейшей работе судей. *Tengri News*. 18.01.2028. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/7-kamney-sistemyi-asanov-vyiskazalsya-dalneyshey-rabote-336239/ (дата обращения: 01.09.2022).

⁴ Маслихат – местный представительный орган в Республике Казахстан, избираемый населением области, города республиканского значения и столицы или района.

принятию предусмотренных законом мер, направленных на их восстановление, а также компенсацию причиненного вреда.

В данном исследовании речь пойдет о Совете биев, работа которого основана на методе разрешения споров, не идущим вразрез с интересами заявителей, а учитывающим мнения сторон правового конфликта.

Суд биев – яркий пример правового института, уходящего корнями в глубь веков. Правосудие в казахской степи осуществлялось этим учреждением веками вплоть до 1922 г. Суд биев после установления советской власти стал терять свое значение и был упразднен в неразрешимом конфликте с советской правовой системой. Советская правовая культура не восприняла Суд биев, считая его пережитком феодального государства. Как отметил В. Г. Графский, «разновидности восприятия советского права и правовой культуры отличает один общий признак – все они исходят из системно-целостного восприятия культуры, без подразделения ее на культуру индивида, группы, профессии, нации и т. д.» [3, с. 170]. Поэтому, учитывая обобщенный подход советской идеологии, национальные особенности, соответственно существовавшие традиционные институты обычного казахского права приравнивались к пережиткам прежнего строя, от которых необходимо было избавиться.

Параллельно с процессом национальной самоидентификации Казахстана был возрожден институт биев, который в настоящее время является своеобразным общенациональным правовым и социальным экспериментом с определенными положительными результатами. Во-первых, для снижения судебной нагрузки; во-вторых, для решения правовых конфликтов, споров в коллегиальном порядке: когда стороны не могли быть услышанными; в-третьих, состав Совета биев порой впечатляет своей авторитетностью, и решения, принятые с 2018 г., в дальнейшем конфликтующими сторонами до настоящего времени не оспаривались и исполнялись.

Думается, что успешность данного органа кроется в отношении к традициям – той ценности, которая на протяжении столетий являлась регулятором общественных отношений кочевников [4, с. 135]. Совет биев является традиционным институтом, зарекомендовавшим себя только с положительной стороны, т. к. любой член казахского рода, независимо от своего социального или имущественного положения, имеет доступ к структуре этой степной судебной власти. Зачастую биями⁵ становились выходцы из простого народа, обладающие определенными качествами для рассмотрения споров.

Один из известных исследователей казахского обычного права Р. Ю. Почекаев писал: «одним из существенных показателей уровня правовой культуры того или иного общества являются знатоки права – те, кого мы сегодня называем юристы» [5, с. 336], в казахской степи такими знатоками права являлись бии.

Совет биев больше известен в народной памяти как Суд биев. Суд биев фактически являлся формой осуществления не только судебной, но и законодательной власти. Изучая деятельность самих биев в дореволюционный период, можно отметить, что в их функции входила административная, судебная, дипломатическая и даже военная деятельность. Главными отличиями выбора бия были его безупречная репутация и знание норм обычного права [6, с. 59–60]. Таким образом, на сегодняшний день роль Совета биев остается ограниченной судебными функциями, хотя сам институт создавался не при судах, а при акиматах в некоторых областях.

Современный Совет биев сформировался в современных реалиях как традиционно-инновационный орган, вобравший в себя нормы древнего института родоплеменной организации, в котором присутствуют новые элементы как судебного, так и общественно-административного, консультационно-совещательного органа. Как писал А. А. Демичев, данный орган был внедрен через эпоху, он отмечал, что правовая традиция может быть прерванной и ставит вопрос – может ли быть после перерыва возрождение традиции [1, с. 140]. В случае с возрождением Совета биев наглядно видно, что прерванная традиция получила новый импульс в XXI в. М. В. Немытина отмечает: «Перенести какой-либо институт с одной исторической почвы на другую даже в масштабах одной страны никогда не удастся. Было бы более уместным вести речь о возможностях реконструкции отдельных элементов, пригодных к адаптации в иной социальной плоскости» [7].

Заемствованные традиционные институты в правовой системе Казахстана

В 1920-е гг. система биев была упразднена, т. е. выросло целое поколение, не знавшее этой степной демократической системы, но с готовностью принявшее возрождение этой традиционной системы. Есть много вопросов, связанных с этим правовым явлением. В советский период полностью распалась государственная структура и сформировалась новая идеология, Суд биев утратил свою актуальность и рассматривался советским государством как пережиток родоплеменного строя.

⁵ Бий: в понятие казахские бии дореволюционного периода – судебные и политические деятели, которые внесли значимый вклад в развитие и единение казахских племен. Они призывали людей к единству и сплоченности, защищали интересы рода, обладали ораторскими способностями и мудростью; бии в настоящее время – это члены Советов биев, к которым как таковых требований нет для нахождения в составе данного органа, но в большинстве это ветераны, аксакалы, почетные граждане районов, городов и др. административно-территориальных единиц.

С 1990-х гг. в ходе национального развития Казахстана как независимого и суверенного государства страна начала возвращаться к правовой системе, существовавшей в дореволюционный период.

При изучении различных моделей традиционных институтов в правовой системе Казахстана мы использовали сравнительно-правовой подход. Как отмечала А. С. Туманова, плодотворность данного подхода при изучении историко-правового материала состоит в том, чтобы умело и грамотно его использовать и не заниматься «притягиванием за уши», т.е. сравнивать только сравнимые и однородные явления, избегать вульгаризации сравнительного метода [8, с. 177].

Казахстан в погоне за улучшением международного рейтинга по укреплению юрисдикционной защиты прав и свобод лиц решил имплементировать в казахстанскую судебную систему институт суда присяжных и 1 января 2007 г. принял Закон «О суде присяжных».

Хотя суды присяжных действуют в Казахстане уже более десяти лет, этому институту так и не удалось занять свое должное место в казахстанской судебной системе. В таблице⁶ приведены данные до эпидемии коронавируса в отношении отправления правосудия в 2009–2018 гг., по последующим годам Генеральной прокуратурой РК дополнительных сведений не приводится⁷.

Казахстан, внедрив суд присяжных, рассчитывал, что данный институт станет эффективным противовесом институту профессиональных судей. Однако на практике институт присяжных не получил должного

развития, связано это, скорее всего, с высоким риском пересмотра дел с участием присяжных заседателей.

Поэтому в настоящее время данная модель рассмотрения уголовных дел в Казахстане не получила распространения, не стала близкой формой рассмотрения для казахстанцев и практически не применяется на территории страны.

Здесь бы хотелось отдельно отметить, что не только суды присяжных чужды казахстанской правовой системе, но и шариатские суды, которые, несмотря на конфессиональность казахстанского общества, имеют определенные исторические корни еще с дореволюционного периода, однако не получили своего развития на территории Казахстана в современный период. Исторически шариат плохо приживался среди кочевников. Упомянув о шариатских судах, многие исследователи казахского обычного права утверждали, что много норм в сложившемся казахском обычном праве заимствовано из шариата [9, с. 314; 10]. В дореволюционном Казахстане многие российские чиновники, собиравшие сведения о казахском праве, в 1870–1880-е гг. раскритиковали утверждения о том, что казахское обычное право содержит нормы религиозного характера. По версии российских исследователей, представители мусульманского духовенства в казахской степи старались убедить в более значительной роли мусульманского права, что, по мнению ученых, не являлось действительностью [11; 12, с. 73]. Даже в дореволюционном Казахстане шариатские суды не получили должного развития, соответственно внедрение данных судов, чего хочет в настоящее время Духовное управление мусульман Казахстана, в светском Казахстане – идея, не имеющая под собой применения.

Поэтому также и институт суда присяжных в массовом сознании казахстанцев несовместим с правовой культурой Казахстана, образ присяжного не уживается в мировоззрении современного жителя Казахстана, и здесь можно провести интересную параллель о прерванной традиции. М. В. Немытина отмечала в своей статье, посвященной правовой культуре, что пример прерванности отечественной правовой традиции иллюстрирует связь двух категорий – правовая традиция и правовая культура – и предполагает историческую преемственность в праве, его самобытность [13, с. 36].

Апробация и внедрение Совета биев в правовую систему Казахстана

Успех 4-летней кампании Совета биев с 2018 г. был обусловлен снижением роли казахстанской судебной системы и недоверием к судебным решениям. Многие отечественные ученые считают, что в ряде случаев

Табл. Данные Генеральной прокуратуры РК об отправлении правосудия за 2009–2018 гг.

Tab. Administration of justice based on the data from the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, 2009–2018

Год	Количество судебных дел с публичным обвинением, тыс.	В том числе с участием присяжных заседателей
2009	33,334	60
2010	29,094	270
2011	21,304	339
2012	17,847	289
2013	21,379	198
2014	20,006	65
2015	26,839	42
2016	26,469	47
2017	29,378	72
2018	27,817	44

⁶ Статистические отчеты. URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat> (дата обращения: 01.09.2022).

⁷ Согласно данным Комитета по правовой статистике Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

возрождение архетипов может привести к нивелированию традиционных институтов, однако с возрождением Совета биев наблюдается иная ситуация.

Представляется, что большую роль играет доверие людей к роли биев, бии – это древняя правовая система, существующая с незапамятных времен, и кочевники относятся к ней с большим энтузиазмом, поскольку бии с пониманием относятся к сторонам, которые обращаются, стараясь принять во внимание и учесть все доводы сторон и не принимать решений, противоречащих интересам другой стороны.

В. С. Стёпин отмечает, что культура исторична, она всегда включает два аспекта – традиции, то, что передается от поколения к поколению, и трансмутации традиций, их изменение [14, с. 110]. Ведь традиция – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени⁸.

Поэтому население Казахстана достаточно положительно отнеслось к возрождению данного дореволюционного правового института, для понимания деятельности данной формы осуществления как законодательной, так и судебной власти представим в рамках хронологического среза описание исследуемого древнего института родоплеменной организации.

Популярность Суда биев была очень высока, что объясняет его долгое существование вплоть до начала XX в. Ведь в Казахстане старейшины (бии) представляли институт правосудия, внесли значительную лепту в совершенствование степного законодательства, норм обычного права. Никакой современный суд не может похвастаться таким количеством примирения сторон и полного возмещения причиненного вреда, как было при Суде биев. В современной системе казахстанского правосудия судья-медиатор, «лениво» подключаясь к процедуре примирения, не заинтересован в осуществлении своих функций, порой не понимая, что целью его работы является примирение и завершение судебного спора. В казахской же степи бии с незапамятных времен вершили правосудие и принимали важнейшие судебные решения, которые удовлетворяли все стороны, каким бы сложным ни было дело и как бы ни были обострены взаимоотношения обратившихся за разрешением спора.

17 августа 2018 г. в Казахстане начал работу Совет биев. Государство заявило, что, по его мнению, оно проявило некоторую осторожность при использовании определения *Совет биев*, а не *Суд биев*, возложив на совет функцию отправления правосудия, но только в сфере мелких споров в судебной системе.

Таким образом, в настоящее время государством проводится работа по возрождению древнего опыта разрешения споров казахстанскими биями. Учитывая положительный эффект от деятельности биев, государство считает, что советы повышают правовую грамотность населения и минимизируют уровень конфликтных ситуаций. Большинство респондентов упомянутого выше опроса боялись, что созданные Советы биев как орган разрешения споров будут носить формальный характер. Однако на деле на протяжении последних лет советы с помощью примирительных процедур при рассмотрении различных конфликтов и споров добивались внушительных результатов, позволивших разгрузить местные суды первой инстанции.

Например, в 2020 г. в Атырауской области, учитывая активную работу Совета биев, филиал правящей партии Nur Otan⁹ даже подписал Меморандум о сотрудничестве. Это свидетельствует об эффективности функционирования и деятельности Совета биев, который, рассматривая спорные ситуации, в целом снижает конфликтность и правовой накал в обществе. Что интересно отметить, ведущая политическая партия страны расценивает практически Совет биев как орган, имеющий огромное влияние на казахстанскую общественность. Учитывая тот факт, что данный орган разрешения споров попал в поле зрения Nur Otan, заключенный Меморандум является свидетельством равноправного и конструктивного диалога с институтами гражданского общества, включая политические партии, и проявлением необходимой формы сотрудничества для развития страны. Данный Меморандум о сотрудничестве обязал проявить участие ведущую партию страны в урегулировании конфликтов. В Меморандуме предусмотрены планы по разработке методов Института биев и других альтернативных способов разрешения конфликтов. В рамках Меморандума планируется проведение общественных приемных партии совместно с Советом биев.

В конце 2018 г. в целях реализации проекта «Примирение: до суда, в суде» в органах юстиции зарегистрировано общественное объединение «Совет биев Атырауской области». В состав совета вошли известные общественные деятели региона, представители интеллигенции и судьи в отставке. Возглавил совет Габбас Хисметуллин, членами стали Катимолла Ризуанов, Кенес Косыбаев, Абат Кенжегалиев и Раиса Аккулова. Основными функциями совета были определены оказание практической помощи при разрешении социальных, религиозных и иных конфликтов между жителями региона. Объединение состоит из 60 членов, из них в городе работают 14, остальные действуют в районных центрах в качестве рабочих

⁸ Большой энциклопедический словарь, гл. ред. А. М. Прохоров. М.-СПб.: БРЭ, 1998. С. 1217.

⁹ Правящая партия Nur Otan переименована в партию Аманат в 2022 г.

групп. За три месяца в 2018 г. советами было рассмотрено и разрешено 16 споров, в частности, о выселении, взыскании долга и т. д.¹⁰

На Востоке страны в г. Семей в 2019 г. под руководством председателя судебной коллегии действующими судьями, судьями в отставке, секретарем маслихата, представителями сферы образования в рамках проекта «Примирение: до суда, в суде» был утвержден персональный состав Совета биев. По сути, Совет биев, состоящий из старейшин с их жизненным опытом, придает импульс разрешению споров до и вне суда. В состав Совета биев были включены уважаемые земляки, представители в области семейной психологии, образования, медицины, а также ветераны судебной системы и почетные граждане области. Они высказались о принятии Положения, регламентирующего деятельность совета, составили план работы, внесли ряд предложений и рекомендаций по деятельности биев¹¹.

Создание Совета биев по всей стране по инициативе именно судебных органов связано с тем, что деятельность данных общественных органов разрешения споров показала свою эффективность.

Северный Казахстан стал следующим регионом, в котором был создан Совет биев. Инициатором его создания в г. Петропавловск выступил Областной суд, под черкнув положительный опыт деятельности Советов биев в селах Кайрат и Кулыколь Уалихановского района Северо-Казахстанской области.

Касаемо рассмотрения различных спорных ситуаций члены Советов биев исходят из своего жизненного опыта, разрешают путем примирения сторон конфликты различной степени сложности, помогают разобраться и во внутрисемейных спорах. Уникальность их работы заключается в том, что споры разрешаются окончательно, при этом у конфликтующих сторон впоследствии не возникает негативных чувств: неприязни, осадка или недовольства. И эти споры разрешаются до обращения в суд.

Так, в одном конфликте между супругами на заседании Совета биев были установлены причины разрушения их брака. Таковой оказалось чрезмерное злоупотребление супруга алкоголем. Члены совета вразумили супруга, примирили его с женой, и семья была сохранена.

Также благодаря Совету биев был исчерпан конфликт между представителями двух соседних сел. Мудрость и опыт членов Совета биев помогли

предотвратить нарастающее напряжение сельчан и завершили спор, укрепив достигнутый мир принесением взаимных извинений спорящих.

Представителями государственной власти Северо-Казахстанской области, руководителями района, акими сельских округов и медиаторами отмечена заслуга советов в проведении воспитательной и профилактической работы среди населения¹².

В Южном Казахстане в конце 2018 г. в Жамбылском областном суде состоялась встреча судей, членов советов биев, представителей Центра медиации и права «Бітімгер» и Таразского инновационно-гуманитарного университета. Было отмечено, что наблюдается рост числа судебных дел и возникла необходимость развития института медиации и биев. Поэтому создание во всех районах Жамбылской области советов биев необходимо с целью их содействия при разрешении некоторых споров.

Заместитель председателя Союза ветеранов области Сансызбай Жорабеков и руководитель Центра примирения «Бітімгер» Лариса Сафонова поддержали начинания областного суда. По словам Л. Сафоновой, в регионе активно работают, предоставляя свои услуги, более 60 медиаторов. «Считаю, любой гражданский спор можно закончить миром, но для этого нужен толчок с нейтральной стороны, и мы его даем. Большинство переживающих конфликт приходит к консенсусу и заключает медиативные соглашения. Оставшиеся другие проинформированы об их праве на примирение»¹³. Л. Сафонова акцентировала внимание на необходимости расширения применения медиации до суда, особенно по семейным спорам и уголовным правонарушениям. По мнению декана факультета послевузовского обучения Таразского инновационно-гуманитарного университета Жангали Бактыхожаева, нынешние бии должны не только призывать спорящих к единомыслию, но и напоминать им о милосердии, любви к ближнему, стремиться погасить раздор до суда и найти достойный путь сохранения цивилизованных отношений.

Интересен диалог судебной власти и Совета биев, когда именно представители судов объясняют членам совета методы и этапы примирения сторон до суда и в суде. Заинтересованность судей в успешной работе Совета биев связана с тем, что как результат рассмотрения споров биями наблюдается спад обращений в суды первой инстанции.

¹⁰ В Атырау разработан Устав Совета Биев. *Верховный суд Республики Казахстан*. 26.10.2018. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/v-atyrau-gazrobotan-ustav-soveta-biev> (дата обращения: 01.09.2022).

¹¹ В Семее создан Совет биев. *Верховный суд Республики Казахстан*. 13.02.2019. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/v-semee-sozdan-sovet-biev> (дата обращения: 01.09.2022).

¹² Анализ деятельности Советов биев показал свою эффективность. *Верховный суд Республики Казахстан*. 14.01.2019. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/analiz-deyatelnosti-sovetov-biev-pokazal-svoyu-effektivnost> (дата обращения: 01.09.2022).

¹³ В любом гражданском споре стороны можно примирить. *Верховный суд Республики Казахстан*. 21.12.2018. URL: <https://sud.gov.kz/rus/news/v-lyubom-grazhdanskom-spore-storonny-mozhno-primirit> (дата обращения: 01.09.2022).

Члены Советов биев подробно изучают Закон Республики Казахстан «О Медиации»¹⁴, обмениваются опытом примирения с сельчанами и трудностями, с которыми приходится им сталкиваться при разрешении конфликтов. На биев возложена высокая степень доверия со стороны обращающихся и ответственности за выносимые решения.

Как отмечает известный ученый историк Казахстана Ж. С. Мажитова, «В настоящее время в условиях методологического плюрализма основные направления проблемного дискурса о путях развития Казахстана вновь приобретают актуальность» [15, с. 4].

Сформировавшись в плоскости новой истории, казахстанская судебная-правовая система сегодня во многом заимствована, стандартизирована и интегрирована в мировую правовую систему, при этом стремится к гармонизации национальных ценностей. К ним относится, например, текущая деятельность Совета биев, которая выполняет юрисдикционные функции по разрешению правовых споров. Рассмотрению в настоящее время советами биев подлежат дела различного направления: и дела о расторжении брака, и решение мелких конфликтов, семейных споров, конфликтов с родственниками, соседями, между молодоженами.

Беспрецедентному искусству биев вникать в суть проблемы, выслушивать все стороны и находить нужные мудрые слова для каждого могло бы позавидовать любое современное государственное учреждение. Совет биев – самый действенный способ уменьшить людские споры и банальные взаимные претензии.

Таким образом, Совет биев является образцом правосудия, деятельность которого оказала положительное влияние на современное общество, благодаря чему этот традиционный институт официально признан обществом и государством.

Готовность государства воплотить национальные традиции сегодня показывает, что эти правила, применяемые с древних времен, являются социально обоснованными и способствуют совершенствованию действующего законодательства в Казахстане.

Подводя итог, считаем, что в настоящее время необходимо учиться на опыте биев в примирении сторон. Не секрет, что многие люди судились друг с другом, а испорченные отношения перерастали в сложные конфликты. Эти факторы влияют на социальную стабильность государства.

Например, нередко дела о прекращении дела в административном суде в сфере семейных отношений. Однако количество дел, поступающих в суд, не уменьшилось. В таких случаях мировое соглашение сторон является наилучшим способом завершения дела, поскольку стороны дела (обычно супруги) удовлетворены достигнутым результатом.

Практика рассмотрения административных правонарушений может применяться и в Совете биев по отдельным статьям в сфере семьи и семейных отношений Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях¹⁵. Ведь дела по этим постановлениям возбуждаются только по заявлению потерпевшего и прекращаются после урегулирования спора с лицом, совершившим административное правонарушение. Мировое соглашение основывается на письменном соглашении, подписанном потерпевшим и правонарушителем.

Практика показала, что из всех вышеперечисленных дел, в которых применяется обращение в административные суды и применяется примирение, большое количество приходится на сферу семейных отношений. В последнее время в судебном сообществе изучается международный опыт, а также правоприменительная практика относительно альтернативных методов разрешения семейных конфликтов, и одним из таких институтов в разрешении споров может стать Совет биев¹⁶.

Мы верим, что уникальный орган примирения в виде Суда биев по гражданским и административным делам будет способствовать сохранению семейных ценностей и стабильности нации в целом.

Известно, что в 2018 г. в Алматинской области во внесудебном порядке было урегулировано порядка 985 споров¹⁷. В отдаленных населенных пунктах и сельской местности восьми районов Алматинской области суд инициировал формирование советов биев. Практика показала, что их деятельность является своевременным и необходимым институтом развития внесудебной медиации и снижения уровня социальной конфликтности. В состав советов биев входят общественные деятели, представители интеллигенции, авторитетные местные активисты и уважаемые аксакалы. Они взяли на себя функции разрешать споры в основном между соседями, супругами и родственниками. Даже в случае отрицательного исхода профилактической беседы старейшин совета со сторонами спора процедура внесудебного примирения удваивает шансы

¹⁴ О медиации. Закон Республики Казахстан № 401-IV от 28.01.2011. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁵ Об административных правонарушениях. Кодекс Республики Казахстан № 235-V ЗПК от 05.07.2014. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235> (дата обращения: 01.09.2022).

¹⁶ Нургалиев Е. Аксакалы плохого не посоветуют. Старейшины активно улаживают споры. *Знамя труда: Жамбылская областная газета*. 24.09.2022. URL: <https://ztgzt.kz/aksakaly-plohogo-ne-posovetuyut-starejshiny-aktivno-ulazhivayut-sporu/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁷ Советы биев популяризируют примирение. *Верховный суд Республики Казахстан*. 19.02.2019. URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/sovety-biev-populyariziruyut-primirenje> (дата обращения: 01.09.2022).

на успех в свете реализуемых пилотных проектов, в том числе «Татуласу: сотқа дейін, сотта» (с казахского – Примирение: до суда, в суде). Таким образом, с 2018 г. в Панфиловском районе порядка 60 споров разрешены до суда. В качестве одного из таких примеров можно привести спор, возникший между Оглям и Тимуром, который, введя ее в заблуждение, оформил на ее имя три товарных кредита на покупку смартфонов и написал расписку о возврате 760160 тенге, обязавшись выплачивать ежемесячно по 20000 тенге, однако обещание по погашению задолженности не сдержал. Старейшина Совета биев Панфиловского района Ергали Сабденбеков после обращения Оглям предпринял меры по урегулированию данного спора с участием матери Тимура. В результате в пользу Оглям должник ежемесячно направляет по 40000 тенге.

Преимущества Совета биев очевидны. Отсутствие излишней волокиты и высокий личный авторитет бия, кандидатура которого согласовывается всеми участниками процесса. Состав биев в Казахстане в основном одинаков, обычно они состоят из ветеранов, почетных граждан и представителей интеллигенции. Эти советы в основном создаются в районах страны с высокой плотностью населения и равноудаленных от центра, в основном в сельской местности.

В рамках дальнейшего развития этого института законодателю необходимо обратить внимание на вопрос досудебного урегулирования уголовных дел, когда в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан отдельные категории уголовных дел могут быть прекращены в связи с урегулированием спора либо заключением медиативного соглашения. Поэтому в качестве апробации необходимо передать данную категорию дел на рассмотрение Совета биев, когда стороны могут добиться досудебного урегулирования уголовных дел.

Литература / References

1. Демичев А. А. Соотношение категорий «правовая традиция» и «исторический опыт в праве»: методологические проблемы: право России: новые подходы. *Возможности адаптации зарубежного опыта*, редкол.: М. В. Немытина, А. А. Тарасов, В. А. Хохлов. Саратов: Науч. кн., 2005. Вып. 1. С. 137–153. [Demichev A. A. Correlation between the categories of legal tradition and historical experience in law: methodological problems: Russian law: new approaches. *Possibilities of adapting of foreign experience*, ed. board: Nemytina M. V., Tarasov A. A., Khokhlov V. A. Saratov: Nauch. kn., 2005, iss. 1, 137–153. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vozidn>
2. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. 3-е изд., испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с. [Erofeeva I. V. *Khan Abulkhair: commander, ruler, and politician*. 3rd ed. Almaty: Daik-Press, 2007, 456. (In Russ.)]
3. Графский В. Г. Советская правовая культура в сравнительном освещении. *Правовые культуры. Жидковские чтения*: Всерос. науч. конф. (Москва, 25 марта 2011 г.) М.: РУДН, 2012. С. 163–170. [Grafsky V. G. Soviet legal culture in comparative coverage. *Legal cultures. Zhidkov Readings*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 25 Mar 2011. Moscow: PFUR, 2012, 163–170. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpawkn>
4. Бакирова А. М. Архетипы традиционной культуры в XXI веке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. Т. 6. № 2. С. 134–141. [Bakirova A. M. Archetypes of traditional culture in the 21st century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2022, 6(2): 134–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-134-141>

Заключение

Ровно четыре года назад Совет биев активно включился в решение актуальных вопросов местного населения, в том числе в сфере разрешения и предотвращения конфликтов, формируя традицию досудебного разрешения споров как эффективный орган общественной юрисдикции.

Факторами, объясняющими возрождение традиционного правового института, являются:

Во-первых, казахстанское общество по социально-экономическим, политическим и другим причинам нуждается в новом преодолении правового нигилизма, порожденного сложным отношением к судебной системе в Казахстане. Поэтому возрождение Совета биев как органа досудебного урегулирования стало своевременным для казахстанского общества.

Во-вторых, у традиций должна быть связь с историческим опытом в этой стране. Поэтому, например, попытки внедрить шариатские суды или суды присяжных, не имеющие корней в казахстанском обществе, в целом не оправдались.

В-третьих, традиция должна соответствовать современному менталитету и мироощущению одновременно, если такого понимания нет, то традиция не будет заимствована и не получит распространение в обществе (такие примеры мы видим по отрицательному отношению к таким традициям, как насильное похищение невест, сватовство, аменгерство).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

5. Почекаев Р. Ю. «Юристы» в тюрко-монгольских государствах XIII–XIX вв. (к вопросу об особенностях правовой культуры в системе традиционного права). *Правовые культуры. Жидковские чтения*: Всерос. науч. конф. (Москва, 25 марта 2011 г.) М.: РУДН, 2012. С. 336–345. [Pochekaev R. Yu. "Lawyers" in the Turkic-Mongolian states of the XIII–XIX centuries (to the question of the peculiarities of legal culture in the system of traditional law). *Legal cultures. Zhidkov Readings*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 25 Mar 2011. Moscow: PFUR, 2012, 336–345. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpavtp>
6. Алимжан К. А. Суд биев как обычно-правовое учреждение и институт обычного права. *Право и государство*. 1998. № 3. С. 59–63. [Alimzhan K. A. Bii court as an institution of customary law. *Pravo i gosudarstvo*, 1998, (3): 59–63. (In Russ.)]
7. Немытина М. В. Модели правосудия: содержание понятия. *Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве*: Всерос. науч.-метод. семинар. (Санкт-Петербург, 28–30 июня 2004 г.) СПб., 2004. [Nemytina M. V. Models of justice: the content of the concept. *Foreign experience and domestic traditions in Russian law*: All-Russian Sci. and Methodological Seminar, St. Petersburg, 28–30 Jun 2004. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sbveup>
8. Туманова А. С. Компаративный подход в историко-правовых исследованиях: возможности и пределы использования. *Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения*: Всерос. науч. конф. (Москва, 30 марта 2012 г.) М.: РУДН, 2013. С. 168–177. [Tumanova A. S. Comparative approach in historical and legal research: possibilities and limits of use. *Methodology of comparative legal research. Zhidkov Readings*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 30 Mar 2012. Moscow: PFUR, 2013, 168–177. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/syygyd>
9. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. X+333, [1] с. [Levshin A. I. *Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes. Pt. 2. Historical news*. St. Petersburg: Tip. Karla Kraia, 1832, X+333, [1]. (In Russ.)]
10. Материалы по казахскому обычному праву казахов, общ. ред. С. В. Юшков. Алма-Ата: Изд-во и тип. Акад. наук Каз. ССР, 1948. Сб. 1. 350 с. [Materials on the Kazakh customary law, ed. Yushkov S. V. Alma-Ata: Izd-vo i tip. Akad. nauk Kaz. SSR, 1948, iss. 1, 350. (In Russ.)]
11. Козлов И. А. Обычное право киргизов. *Памятная книжка Западной Сибири*. Омск: Тип. Окр. штаба, 1882. С. 319–338. [Kozlov I. A. Customary law of the Kirghiz. *Memorable book of Western Siberia*. Omsk: Tip. Okr. shtaba, 1882, 319–338. (In Russ.)]
12. Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I. Материальное право. Омск: Тип. Окр. штаба, 1886. 84 с. [Makovetsky P. E. *Materials for the study of the legal customs of the Kirghiz. Issue I. Substantive law*. Omsk: Tip. Okr. shtaba, 1886, 84. (In Russ.)]
13. Немытина М. В. Интерпретация категории «правовая культура». *Правовые культуры. Жидковские чтения*: Всерос. науч. конф. (Москва, 25 марта 2011 г.) М.: РУДН, 2012. С. 29–36. [Nemytina M. V. Interpretation of the category "legal culture". *Legal cultures. Zhidkov Readings*: Proc. All-Russian Sci. Conf., Moscow, 25 Mar 2011. Moscow: PFUR, 2012, 29–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpawax>
14. Стёпин В. С. История и философия науки. М.: Акад. проект; Трикта, 2011. 423 с. [Stepin V. S. *History and philosophy of science*. Moscow: Akad. projekt; Triksta, 2011, 423. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxaofb>
15. Мажитова Ж. С. Институт биев в Российской и Казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 56 с. [Mazhitova Zh. S. *Institute of the biys in Russian and Kazakhstan historiography: comparative analysis (XVIII – early XXI centuries)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2016, 56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqaxtl>

оригинальная статья

Выявление лиц, склонных к актам поджигательства, включая пироманов (судебно-медицинские, психологические и оперативно-разыскные аспекты)

Драпезо Роман Григорьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0001-5818-0057>

uri_nit@kemsu.ru

Поступила в редакцию 08.06.2022. Принята после рецензирования 29.11.2022. Принята в печать 29.11.2022.

Аннотация: Применен комплексный подход к изучению природы лиц, склонных к поджигательству и убийству, сопряженному с огнем, который включил изучение психологических, судебно-медицинских и оперативно-разыскных аспектов личности поджигателя-убийцы. По разработанной анкете изучались материалы уголовных дел и акты судебно-медицинского исследования обгоревших трупов. Изучены данные официальной уголовной статистики. Сформулирована нулевая гипотеза о том, что лица, склонные к актам поджигательства, самоподжигательства, убийствам с применением огня или имитации несчастного случая, в силу психологических свойств личности формируют на месте происшествия уникальные ситуации, нигде более не встречающиеся. Также указанные лица оставляют на месте происшествия специфические следы (емкости с остатками горючего вещества, подпорки, следы аминазина в крови потерпевшего, особый механизм сожжения тела и т. п.), на основании которых выдвигаются версии о произошедшем событии, о лице, совершившем противоправное деяние, его мотивах и т. п. Это позволяет рекомендовать органам следствия и дознания оптимальный комплекс оперативно-разыскных мероприятий, направленный на решение задач по выявлению лиц, склонных к поджигательству. Сделано предположение, что частота криминальных актов у поджигателей коррелирует не с сексуальным напряжением у последних, как думалось ранее, а с наличием у данных лиц расстройства аутистического спектра.

Ключевые слова: неконтролируемые акты поджигательства, лица склонные к актам пиромании, суицид, убийство, аутизм

Цитирование: Драпезо Р. Г. Выявление лиц, склонных к актам поджигательства, включая пироманов (судебно-медицинские, психологические и оперативно-разыскные аспекты). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 2. С. 240–249. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-240-249>

full article

Identification of Potential Arsonists and Pyromaniacs: Medical, Psychological, and Operational Investigative Aspects

Roman G. Drapezo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-5818-0057>

uri_nit@kemsu.ru

Received 8 Jun 2022. Accepted after peer review 29 Nov 2022. Accepted for publication 29 Nov 2022.

Abstract: The research applied a comprehensive approach to the psychological, forensic, and investigative aspects of arson and fire-related murders. The author studied criminal cases and forensic acts that involved burnt corpses. Together with the official criminal statistics, the data made it possible to formulate the following null hypothesis: arsonists, self-immolators, and murders who use fire or imitate a fire-related accident all share a certain psychological profile and tend to develop an identifiable situation at the scene of crime. As a rule, they leave specific evidence, e.g., containers with remnants of a combustible substance, props, traces of chlorpromazine in the blood of the victim, special tools, etc., which can help to build up versions about the incident, the criminal, their motives, etc. The research resulted in an optimal set of operational-search measures aimed at solving the problems of identifying potential arsonists. The author believes that arson correlates not with sexual tension, as previously thought, but with autism disorders.

Keywords: arson, pyromaniacs, suicide, murder, autism

Citation: Drapezo R. G. Identification of Potential Arsonists and Pyromaniacs: Medical, Psychological, and Operational Investigative Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 240–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-240-249>

Введение

С 2009 г. в Российской Федерации участились социально-опасные пожары с большим количеством жертв в интернатах, домах престарелых, психоневрологических диспансерах, в торговых центрах (например, ТРК «Зимняя вишня»), включая поджоги автомобилей, нефтебаз, военкоматов и т. п. Причины пожаров – разнообразные, от неосторожного обращения с огнем до системных причин, поджогов и т. п. Отметим, что убийства стали маскироваться под неосторожное обращение с огнем, и неизвестно, какое количество убийств так и остались нераскрытыми. Судя по таблице 1, наблюдается увеличение числа убийств, сопряженных с огнем (по числу возбужденных уголовных дел), как по РФ в целом, так и по Кемеровской области – Кузбассу, хотя по числу зарегистрированных убийств, пожаров и поджогов отмечается тенденция незначительного снижения. Следует отметить, что число зарегистрированных убийств и поджогов в Кемеровской области скорее носит скачкообразный характер и не имеет четкой тенденции к снижению.

С позиции правоохранительных органов, которые решают задачи выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, научная и практическая деятельность должна быть направлена в первую очередь на переосмысление и создание:

- оптимального тактического комплекса для выявления лиц, склонных к актам поджигательства (включая пироманию), либо лиц, осознанная или не осознанная деятельность которых ведет к возникновению «благоприятных» пожароопасных условий;
- методов своевременного выявления умысла у обозначенных лиц;
- системного профиля поджигателя;
- методов их поиска.

Опасность актов поджигательства состоит не только в их возрастающем количестве, но и в повторяющихся действиях лиц, склонных к актам пиромании, которые могут длиться не один год и с трудом поддаются выявлению и раскрытию по «горячим следам». Вообще следует разграничивать типы поджигателей на лиц, имеющих психические отклонения и признанные судебно-психиатрической экспертизой невменяемыми, и лиц, склонных к актам пиромании, как правило, признающихся вменяемыми или частично вменяемыми. Тем не менее А. В. Рагулина [1, с. 72] считает, что симптом неодолимого влечения к поджогам не исключает вменяемости, т. к., например, такие деяния, которые обусловлены гиперсексуальностью, совершаются в полном или частичном сознании. Для таких лиц речь должна идти об ограниченной вменяемости. Пока согласимся с указанным автором как по вопросу гиперсексуальности, так и по вопросу ограниченной вменяемости.

Согласно клинической психиатрии [2], пиромания определяется как осознанные и мотивированные внутренними неконтролируемыми потребностями человека акты более чем однократного поджога; лицо перед актом пиромании или при подготовке к поджогу или во время созерцания огня испытывает состояние аффекта, чувство удовлетворения, катарсис. По международной классификации болезней и проблем (МКБ-11), пиромания определяется как патологическое влечение к огню, страсть к огню, непреодолимая тяга к импульсивному поджигательству.

Случающиеся серии поджогов (имущества, частных садовых домиков, технологических строений, автомобилей и т. п.) в определенном регионе означают, что их совершает не т. н. «истинный» пироман (с установленным диагнозом), а лица, склонные

Табл. 1. Количество зарегистрированных убийств, пожаров / поджогов и рассмотренных уголовных дел, возбужденных по факту убийства, сопряженных с огнем в Российской Федерации и Кемеровской области, 2017–2021 гг.

Tab. 1. Registered murders, fires/arson, and criminal cases initiated on the fact of murder involving fire in the Russian Federation and the Kemerovo Region, 2017–2021

Показатели	2017		2018		2019		2020		2021	
	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО
Убийства	9738	302	8574	212	7948	186	7695	220	7332	198
Пожары	133077	2726	132074	3058	471537	11961	439394	10060	390859	10310
количество погибших	7824	174	7913	257	8567	189	8313	218	8473	162
Поджоги	14833	125	14021	90	14688	94	13880	95	12177	84
Уголовные дела	197	7	237	11	213	15	243	17	245	21

к актам поджигательства. Дело в том, что пироманам достаточно одного (редкого, например – один, два раза в год) акта пиромании в целях удовлетворения своих базовых биологических потребностей [3, с. 233]. Кроме того, лиц, страдающих пироманией [4], согласно отечественным и зарубежным статистическим данным, насчитывается небольшой процент от всех лиц, страдающих теми или иными маниями и импульсивными расстройствами личности. Согласно американскому источнику [5], доля «истинных» пироманов составляет в среднем 3–23 % от всех пациентов, состоящих или состоявших в психиатрических диспансерах [6, с. 76] и страдающих в той или иной степени расстройствами нехимической природы. В свою очередь, согласно старой отечественной [4] и иностранной литературе [7], лиц, склонных к актам поджигательства, или «пассивных» (скрытых) пироманов, значительно больше, и, как указывает И. Б. Галант, это самое распространенное среди людей влечение, которое отмечается даже у грудных младенцев.

«Пассивных» (скрытых) пироманов условно можно поделить на несколько групп:

1) «имитаторы», лица, которые полностью копируют вплоть до деталей действия «истинного» пиромана и, как правило, восхищаются им (**группа 1**);

2) «подражатели», лица, которые подражают действиям, не копируя в деталях «истинных» пироманов, посмотрев через СМИ информацию о серийных поджигателях (**группа 2**);

3) лица, которые уничтожают собственное имущество в целях получения страховой выгоды, либо лица, уничтожающие чужое имущество, например, у конкурентов по бизнесу, партнеров по общему делу и т. п. (**группа 3**). К этой группе по своим психофизиологическим характеристикам и мотивам близко стоят «наемные факелы». Термин введен в оборот Р. Л. Ахмедшиным [8, с. 105] и обозначает социально-дезадаптивных личностей, в основе поведения которых лежит удовлетворение базовых биологических потребностей.

Сформулируем **нулевую гипотезу**: криминальная активность лиц, склонных к актам поджигательства, самоподжигательства, убийствам с применением огня или имитации несчастного случая, самоубийства, в силу психологических особенностей личности формирует на месте происшествия уникальные судебно-медицинские и оперативно-разыскные ситуации, нигде более не встречающиеся.

Были изучены материалы 337 уголовных дел, возбужденных по факту убийства, сопряженного с огнем, по которым вынесен обвинительный приговор, за период 1989–2020 гг. (архив Кемеровского областного суда, а также официальный интернет-сайт «Судебные и нормативные акты РФ»¹), 90 актов

судебно-медицинского исследования обгоревших трупов Бюро судебно-медицинской экспертизы г. Кемерово за 2005–2020 гг., данные официальной статистики с сайтов МВД России и МЧС России. Изучены данные статистики по убийствам двух международных баз Всемирной организации здравоохранения (WHO) и Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Также проведено анкетирование следователей Следственного управления Следственного комитета РФ по Кемеровской области, дознавателей органов внутренних дел и врачей-судмедэкспертов ГБУЗ КО ОТ КОКБСМЭ по г. Кемерово.

Рассмотрим различные аспекты криминальной активности лиц, склонных к актам поджигательства, убийствам с применением огня или имитации несчастного случая с помощью огня.

Судебно-медицинские аспекты

В описанной выше совокупности специфических факторов и условий можно проследить некоторые закономерности. Во-первых, отмечается стереотипность в поведении лиц, склонных к актам поджигательства, которая сказывается на выборе типичных способов применения тех или иных видов горючих материалов, веществ и источников огня, типичных жертв, и как следствие формирование типичной следовой картины поджогов (несколько очагов возгорания, наличие в атмосфере паров горючих веществ, обнаружение емкостей с остатками горючих веществ, как правило, оставленных преступником неподалеку от места происшествия, подпорки, внешние источники поджигания, самодельные приборы, имитирующие самовозгорание или неисправности в электросети и т. п.). Во-вторых, наше исследование показывает множество достаточно сильных корреляционных связей в системе *поджигатель – жертва*, что позволяет строить типовые версии о личности поджигателя, его мотивах и целях, возможно, даже месте жительства и его профессии. Кроме того, множественные корреляционные связи обнаруживаются не только среди всей совокупности изученных материалов уголовных дел, но и внутри тех ситуаций, в условиях которых приходится действовать субъектам раскрытия и расследования преступлений. В-третьих, обнаруживаются некоторые закономерности в механизме действия огня на тело потерпевших лиц, в особенности на состояние их внутренних жидкостей (кровь, перикардальная, синовиальная жидкости) и органов.

Так, по материалам изученного уголовного дела № 1-246, рассмотренного Юргинским городским судом Кемеровской области в 2017 г., в жилом помещении обнаружен обгоревший труп мужчины. Голова подверглась сильному термическому воздействию,

¹ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.05.2022).

но травмы напоминали следы от черепно-мозговой травмы от действия тупым предметом. Это затрудняло как диагностику причины наступления смерти от удара тупым предметом или от действия огня, так и воссоздание механизма совершенного преступления. Судебно-медицинская экспертиза показала наличие очагового субарахноидального кровоизлияния правой лобной доли головного мозга. Вопрос в том, носила ли гематома посмертный характер, образовалась в результате действия высоких температур или имела прижизненный характер. Дело в том, что при посмертной гематоме насыщение HbCO должно соответствовать уровню насыщения в кровяном русле. При этом был ли потерпевший еще жив, но без сознания, или погиб, не имеет особого значения, т. к. насыщение в любом случае происходит либо в результате дыхательного акта, либо когда сосуды головного мозга обнажаются и кровь соприкасается с атмосферным воздухом. Насыщение HbCO осуществляется равномерно на протяжении всего кровяного русла. И наоборот, если гематома образовалась до воздействия огня (например, в результате черепно-мозговой травмы), то уровень содержания HbCO в прилежащих от гематомы кровяных сосудах, которые соприкасаются с атмосферным воздухом, а значит с дымом, будет превышать содержание HbCO в гематоме (видимо из-за того, что сосуды гематомы не имеют контакта с дымом, хотя частичная диффузия угарного газа все же наблюдается). Для субъектов раскрытия и расследования преступлений это имеет существенное значение при формировании версий. Первая ситуация показывает нам, что потерпевший мог погибнуть во время действия огня. Если следствием будет установлено, что имело место убийство, тогда выдвигается версия о действии т. н. «наемных факелов», которые изменяют обстановку места совершения преступления с помощью огня, имитируя таким образом несчастный случай, хотя сами к убийству отношения не имеют. Вторая ситуация указывает на версию об убийстве. Если быть точнее, то в контексте рассматриваемых проблем будет иметь место сокрытие следов убийства посредством огня, что характерно для некоторых типов «скрытых» поджигателей (например, для групп 1 и / или 2), а также для убийц-поджигателей.

Результаты материалов приведенного выше уголовного дела соответствовали второй ситуации, т. е. травмы на голове потерпевшего, скорее всего, носили не посмертный характер, а получены до воздействия огня в результате черепно-мозговой травмы. На этапе предварительного расследования выдвинутая версия нашла свое подтверждение, когда обвиняемый признал свою вину и давал показания.

В зарубежных источниках, в частности в работах [9; 10, р. 110], уделяется внимание дифференциальному диагнозу между прижизненным и посмертным

происхождением сгустка крови в экстрадуральном пространстве головного мозга в процессе термического воздействия. Однако авторы не проводили экстраполяцию полученных результатов на материалы уголовных дел и не строили связи с выдвигаемыми версиями об убийстве или несчастном случае.

Материал другого уголовного дела (№ 2-74/2013), рассмотренного Хабаровским краевым судом в 2013 г., описывает более сложную ситуацию по разграничению криминального действия лиц, склонных к поджигательству, «наемных факелов», убийц и лиц, склонных к инсценировке собственного самоубийства. В заброшенном здании найден сильно обгоревший труп мужчины с резким запахом горючей жидкости. Рядом с трупом обнаружены куртка с сотовым телефоном внутри и ксерокопией паспорта, а также пять стеклянных емкостей с остатками ацетона. Судебно-медицинское исследование показало наличие следов сажи в трахеях и бронхах, что указывает на прижизненное нахождение в атмосфере огня. В крови, кроме HbCO с содержанием около 8 %, обнаружен этиловый спирт (2,7 промилле) и присутствие аминазина.

Результаты осмотра места происшествия, трупа, судебно-медицинского исследования, относительное расположение найденных предметов, отсутствие признаков насильственной смерти свидетельствовали о самоубийстве. Однако мать погибшего (на которую удалось выйти по ксерокопии паспорта и записям в телефоне) не опознала своего сына, а опознала его близкого знакомого. Субъекты расследования пришли к выводу об инсценировке заподозренным лицом собственного самоубийства после сопоставления следующего ряда фактов и несостыковок в деле:

1. Незадолго до инсценировки самоубийства было возбуждено уголовное дело по факту изнасилования несовершеннолетней, подозреваемый по которому отсутствовал. Однако имелись свидетельские показания, что с несовершеннолетней видели знакомого им некоего гр. Т., обгоревший труп которого якобы обнаружен в заброшенном здании, который так и не был опознан матерью.

2. Нехарактерное для потерпевшего расположение кольца и часов на руках.

3. Ступни, пятки, пальцы и кисти рук потерпевшего по сравнению с другими частями тела мало подверглись обгоранию.

Ранее было замечено, что лица, желающие совершить суицид, чтобы смерть была быстрой и менее мучительной, полностью обливают себя горючей жидкостью, охватывая нижние и верхние конечности. И наоборот, если это умысел третьих лиц (убийство), то преступники, действуя в сжатых временных рамках, обливают горючей жидкостью голову и туловище, в меньшей степени заботясь о конечностях. Надо сказать, что судебно-медицинские эксперты США

отмечали похожие ситуации. Например, по данным М. Alexandri и др. [11], в собственном доме, частично разрушенном под действием высоких температур, было обнаружено сильно обгоревшее тело мужчины. Возле дома стояла машина, которая также подверглась воздействию огня. Тело было опознано как труп владельца дома и автомобиля 64-х лет. Труп обнаружили лежащим спиной на специально сделанном деревянном ложе (что напоминает действие «наемных факелов» [12, с. 82]) и на возвышенности из почти полностью обгоревших денежных купюр (что напоминает «ритуальное» убийство). Рядом найдено ружье. Также были обнаружены маслянистые следы нефтепродуктов и пустая пластмассовая емкость с остатками бензина.

О причине возгорания выдвинута версия о поджоге, на что указывали множество очагов прогорания, начавшегося почти одновременно в разных участках места происшествия. Сбор данных о потерпевшем показал, что он был разведен, имел дочь, с которой много лет не общался, ему был диагностирован рак легких, и был зафиксирован один акт незавершенного суицида. При судебно-медицинском исследовании обнаружено наличие следов сажи в трахеях и бронхах, в крови содержание НbСО оказалось около 10 %. Спина была нетронута огнем, по трупным пятнам установлено время наступления смерти, что редко удается по обгоревшим трупам. Ступни и пятки потерпевшего, а также пальцы и кисти рук тогда по сравнению с другими частями тела подверглись более сильному обгоранию. Эксперты США пришли к схожим выводам, но в данной ситуации – о суициде.

1. Наличие в крови потерпевшего следов аминазина. По данным эмпирической базы, такое поведение заподозренных, когда перед сожжением потерпевшего заживо его приводят в бесчувственное состояние, подмешивая препараты, содержащие аминазин, характерно для «черных риелторов» в попытке тем самым сымитировать несчастный случай или самоубийство.

2. В ближайшем хозяйственном магазине одним покупателем приобретены пять бутылок ацетона.

3. Выяснено, что потерпевший страдал рядом психических расстройств, которые, по данным судебной психиатрии, как правило, не могут спровоцировать акты суицида. То есть у потерпевшего отсутствовали мотивы самоубийства.

4. Изъятый у заподозренного лист бумаги с рукописными номерами телефонов. При осмотре номера совпали с номерами из электронной книги телефона, обнаруженного на месте преступления.

Таким образом, изучив материалы уголовных дел, судебной практики, опыт зарубежных авторов, сделаем промежуточный вывод: лица, склонные к поджигательству, инсценировке самоподжигательства, оставляют свои специфические следы, по комбинации которых

можно строить типовые версии о произошедшем криминальном событии, о лице, совершившем противоправное деяние, его мотивах и т.п. Соответственно для следователей, оперативников, судебно-медицинских экспертов можем рекомендовать следующие действия, необходимые для разграничения убийств, самоубийств, инсценировок самоубийства:

- установление того факта, когда имело место воздействие высоких температур на тело потерпевшего – прижизненно или посмертно;
- изучение свидетельских показаний на предмет того, когда в последний раз видели потерпевшего, с кем;
- опрос продавцов ближайших магазинов, не закупал ли кто-нибудь легковоспламеняющиеся жидкости, какое количество и т.п.;
- выяснение того, не возбуждено ли уголовное дело по тяжкому преступлению, совершенному незадолго до «самоубийства», по которому отсутствует заподозренный;
- сбор прижизненного анамнеза потерпевшего (были ли диагнозы с неблагоприятными прогнозами, имеются ли психические отклонения), социального статуса (отношение с семьей, в трудовом коллективе, карьерные амбиции, финансовые проблемы), наличие в прошлом попыток суицида, контактов с представителями криминальной среды и т.п.;
- изучение незаметных деталей при осмотре трупа, например нехарактерное расположение кольца, часов на руках и т.п., изучение внутреннего содержимого телефона при его обнаружении;
- анализ судебно-медицинских критериев, включая положение трупа потерпевшего в пространстве, позволяющих судить о событиях убийства или суицида;
- установление наличия в крови трупа антипсихотических седативных препаратов;
- установление степени обгорания ступней ног и кистей рук трупа;
- установление причины пожара (поджог, неосторожное обращение с огнем).

Следует отметить, что сбор анамнеза напоминает судебно-психологическую аутопсию, описанную в монографии В. А. Образцова и С. Н. Богомоловой [13, с. 123], но со спецификой нашего исследования.

Из вышеизложенного можем заключить, что изучение подобных сложных ситуаций, возникающих на практике, позволяет более четко формулировать критерии разграничения:

- 1) убийства от самоубийства, несчастного случая, имитации суицида и действий «наемных факелов»;
- 2) убийства от «ритуального убийства» и действий «наемных факелов»;
- 3) «простое самоубийство» (где используется один способ лишения жизни) от «сложного самоубийства» (где используется два и более способов лишения жизни) и от имитации самоубийства.

Анкетирование среди следователей и оперативных сотрудников показало, что только в 23,9 % случаев, где есть подозрение на инсценировку самоубийства, собирается анамнез потерпевшего. При осмотре трупа и места происшествия не всегда обращают внимание на незаметные с первого раза детали. Про использование аминазина «черными риелторами» слышали только 2 % опрошенных лиц. Все ответили отрицательно о знании особенностей обгорания ступней ног и кистей рук у самоубийц. Опрос врачей-судмедэкспертов показал 100 % осведомленность об особенностях разграничения убийства от самоубийства в случае обнаружения в крови потерпевшего аминазина, 42,7 % врачей-судмедэкспертов ответили, что знают о существовании такого критерия, как наличие / отсутствие обгорания ступней ног и кистей рук трупа потерпевшего. Однако в экспертном заключении такой критерий не указывают в силу того, что он носит пока научный (дискуссионный) характер и не предусмотрен п. 33.11 Приказа № 346н «Об утверждении порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». Тем не менее судмедэксперты при личной беседе со следователями, оперативными сотрудниками указывают на наличие или отсутствие данного критерия в конкретной ситуации.

Оперативно-разыскные аспекты

При решении задач по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых лицами, склонными к поджигательству, необходимо применять подход «от преступления к поджигателю». Исходя из множества типов лиц, склонных к актам поджигательства, можно предположить существование множества видов мотиваций, начиная от получения страховых выплат или снятий сексуального напряжения до более сложных мотивов, как, например, имитация «ритуального» убийства, несчастного случая или сложного самоубийства. В свое время известный немецкий криминалист Ганс Кестле [7] установил мотивы, которыми руководствуются поджигатели (рис.). Нами установлен больший спектр существующих целей и мотивов, дополняющий классификацию немецкого ученого (рис.). Например, найм исполнителей при серийных поджогах (действия «наемных факелов»), повышенный уровень стрессированности в случаях поджогов чужого имущества, наркомания, алкоголизм, кризис при поджогах своего имущества, «безмотивные» поджоги, убийства с помощью огня, имитирующие «ритуальные» убийства или несчастные случаи (простые и сложные самоубийства), и т. п.

В своей книге Г. Кестле [7] частично объясняет описанные выше феномены, в частности, автор установил зависимость между экзогенными (обусловленными окружающей средой) и эндогенными (обусловленными

психофизиологией) факторами и предрасположенностью поджигателя. Научные представления В. С. Овчинского, изложенные в монографии [14, с. 53] о природных (биосоциальных) началах преступного поведения человека вполне согласуются с результатами, полученными в свое время И. С. Ноем [15, с. 107], В. П. Эфроимсоном [16], Г. Кестле, и нашими исследованиями [17, с. 55]. Действительно, мы можем наблюдать сходство с теоретическими представлениями И. С. Ноя и В. П. Эфроимсона о том, что зарождение «потенциального поджигателя-убийцы» – проблема биологическая (нейромедиаторная и гормональная), а не только генетическая, которая проявляется не так часто [18, с. 228], тогда как развитие и реализация личности в преступную личность – проблема уже не только биологическая, но и социальная.

Можно констатировать, что социальные факторы запускают уже существующие биологические программы, способные изменить поведение человека, т. е. действуют как триггер, но при условии, что индивид «попадает» в необходимую «благоприятную» криминогенную среду и проявляет себя как преступник.

Так или иначе научно-практический интерес, связанный с выявлением и поиском пироманов и особенно лиц, склонных к поджигательству, только возрастает. Как было отмечено выше, практики построения типичных оперативно-разыскных ситуаций, направленных на выявление актов поджигательства, пиромании, в нашей стране пока еще недостаточно. Поэтому попытаемся смоделировать ситуацию следующим образом.

В таблице 2 представлена модель оперативно-разыскной ситуации, направленной на выявление лиц, склонных к актам поджигательства и пиромании. Наибольший интерес в целях поиска лиц, имеющих склонность к поджогам, представляют такие оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ), как опрос, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, сбор образцов для сравнительного исследования и оперативный эксперимент.

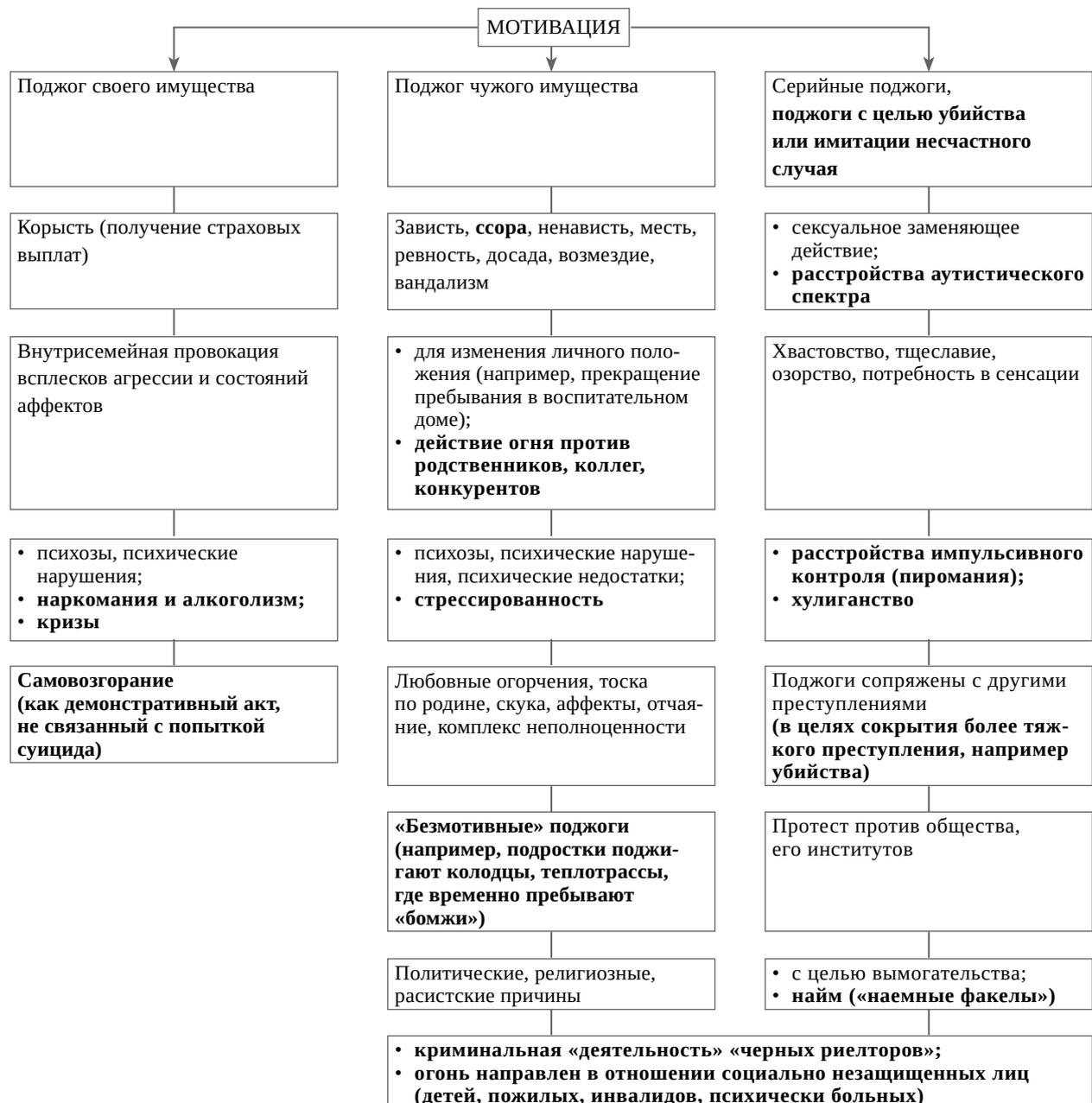
Опрос, например, предполагает обнаружение оперативниками с помощью технических средств следов присутствия вероятного «поджигателя» в сети Интернет и установление с ним контакта. Итак, в случае обнаружения в блогах, форумах сети Интернет, включая сектор *darknet*, сообщений от некоего лица о том, что он готовит акт поджигательства либо рассказывает о своих предыдущих поджогах, либо выражает пристрастие к огню, оперативники продумывают следующие тактические элементы: 1) создается легенда в целях установления контакта с заподозренным лицом; 2) тщательно составляются вопросы (лучше это делать с криминальным психологом), направленные на выявление его возможного

имени и фамилии, места жительства, работы или учебы; 3) выясняются время и место следующего предполагаемого акта поджигательства.

Наблюдение может заключаться в следующем: оперативно-техническая служба производит съемку мест поджогов, желательно сразу после акта поджигательства, когда собирается много любопытных граждан. Цель – установление лиц, которые часто встречаются на видеоизображениях. Нередки случаи, когда пироманы осуществляют звонок

в правоохранительные органы, что дает оперативно-техническим службам возможность в дальнейшем отождествить голос звонившего.

Применение технических средств видеонаблюдения, прослушивания, снятия информации с технических каналов связи, получения компьютерной информации способно зафиксировать приискание средств поджога, убийства, возможно, имитации «ритуального» убийства, самоубийства, начало воплощения криминального замысла.

Прим.: по Г. Кестле, с нашими дополнениями (выделены полужирным начертанием).

Рис. Классификация мотивов поджога
 Fig. Classification of arson motives

Табл. 2. Оптимальный комплекс оперативно-разыскных мероприятий при решении задачи по выявлению лиц, склонных к актам пиромании

Tab. 2. Operational-search measures in identifying potential pyromaniacs

Событие преступления	Типичные ситуации	Типичная следовая картина	Комплекс ОРМ (тактический комплекс)
Вероятность поджогов либо поджог как свершившийся факт	Действие лица, склонного к поджигательству	• наличие красной материи; • торчащие трусы у разрабатываемого лица; • сведения о том, что заподозренное лицо много времени уделяет красному цвету; • сведения о наличии емкости с горючим веществом в квартире заподозренного лица; • размещение информации на блогах, форумах и т. п. сети Интернет о готовящемся, совершенном поджоге или сведениях о пристрастии к огню, либо об огне как сексуальном раздражителе; • сведения о наличии у лица оперативной заинтересованности изображений, видеоматериалов об огне; • сведения о беспричинном наличии у лица оперативной заинтересованности большого количества зажигалок, спичек	• опрос; • наблюдение; • отождествление личности; • обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; • сбор образцов для сравнительного исследования; • получение компьютерной информации; • оперативный эксперимент

При проведении оперативного эксперимента не допускается провокация лица, склонного к поджигательству (включая гибель людей) или акту пиромании, со стороны оперативных подразделений. Для легализации полученных результатов ОРМ в доказательства требуется создание не провоцирующих, а благоприятных условий для выявления намерения лица, совершающего поджоги. Мы солидарны с мнением В. С. Комиссарова и П. С. Яни [19, с. 4]: несмотря на то что оперативник, проводящий оперативный эксперимент, хотя формально и выступает в роли «подстрекателя», тем не менее исполнение его профессиональных обязанностей представляют собой частный случай крайней необходимости (т. е. меры вынужденной).

Психологические аспекты

Факт, описанный Г. Кестле, когда огонь может рассматриваться как средство снятия сексуального напряжения или как сексуально замещающее действие, рассмотренный нами выше, встречается и в руководствах по психиатрии [3, с. 233]. Дело в том, что пироман может долго не совершать поджогов. Для создания благоприятных условий в виде провокации возможен сексуальный раздражитель (например, частые встречи в подъезде или на улице с красивыми девушками, мимолетные знакомства и т. п.). Нарастающее сексуальное напряжение создаст необходимые условия для подготовки разрабатываемым лицом следующего поджога.

Зарубежные ученые [20, р. 801; 21; 22, р. 307] достаточно давно (начиная с 1950–1960-х гг.) обнаружили тесные корреляционные связи между психическими расстройствами лиц, склонных к актам поджигательства, и их побуждением к действиям криминального характера, например, к актам поджигательства или убийства, где огонь использовался как орудие причинения смерти или как способ сокрытия иных тяжких преступлений. Вместе с этим интересно отметить, что обнаруживались слабые корреляционные связи между частотой криминальных актов у поджигателей с нарастающим сексуальным напряжением у последних.

В развитие этого положения отметим, что в 1990-х гг. канадскими учеными [23, р. 203] в нативном эксперименте не была подтверждена идея, что сексуальная мотивация имеет сильные корреляции с неконтролируемыми актами поджигательства. В 2019 г. ученому из Великобритании С. S. Allely [24, р. 89] удалось показать сильную корреляционную связь между расстройствами аутистического спектра и частотой совершаемых актов поджигательства. Также данным автором установлено, что среди поджигателей, пироманов, «наемных факелов», лиц, которые совершаемые ими убийства маскируют как несчастные случаи, используя огонь для этих целей, высок процент расстройств аутистического спектра. Ученым сделан вывод, что лица, применяющие огонь в криминальных целях, независимо от мотивов, страдают той или иной

степенью аутизма, тем не менее не мешающей им вести (по крайней мере внешне) обычный образ жизни.

Органам, осуществляющими ОРД, в качестве тактического элемента при создании благоприятных условий в процессе проведения оперативного эксперимента, побуждающего лиц с расстройством аутистического спектра (особенности их поведения можно проследить в работе Д. Ж. Акбаевой и В. В. Бобровой [25, с. 54]) к криминальной активности, можно использовать близкий эмоциональный контакт, разнообразие средовой обстановки, другими словами – все то, что создает неопределенность условий среды, усиливающую эмоциональную напряженность последних.

В связи с этим не согласимся с А. В. Рагулиной [1, с. 72] – связи между актами поджигательства и гиперсексуальностью не прослеживается. При этом лиц изучаемой категории с расстройством аутистического спектра в некоторых случаях можно признавать вменяемыми.

Заключение

Нами показано, что типичность следовой картины мест происшествия выступает фактором, определяющим содержание типичных оперативно-разыскных ситуаций, которые в свою очередь определяют выбор оперативниками тактических комплексов, оптимальных решению задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, сопряженных с огнем. Нулевая гипотеза, сформулированная во введении, находит свое подтверждение.

Литература / References

1. Рагулина А. В. Критерии ограниченной вменяемости. «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2002. № 2. С. 70–74. [Ragulina A. V. Criteria of limited sanity. "Chernye дыry" v Rossiiskom zakonodatelstve, 2002, (2): 70–74. (In Russ.)]
2. Каплан Г. И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 1994. Т. 1. 672 с. [Kaplan G. I., Sadok B. J. *Clinical psychiatry*. Moscow: Meditsina, 1994, vol. 1, 672. (In Russ.)]
3. Старшенбаум Г. В. Динамическая психиатрия и клиническая психотерапия. М.: Высш. шк. психологии, 2003. 367 с. [Starshenbaum G. V. *Dynamic psychiatry and clinical psychotherapy*. Moscow: Vyssh. shk. psikhologii, 2003, 367. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qldyih>
4. Галант И. В. Психозы в творчестве Максима Горького. Л.: Практическая медицина, 1928. Вып. 2. Т. IV. 112 с. [Galant I. V. *Psychoses in the works of Maxim Gorky*. Leningrad: Prakticheskaja meditsina, 1928, iss. 2, vol. IV, 112. (In Russ.)]
5. *The American psychiatric press textbook of psychiatry*. 3rd ed., eds. Hales R. E., Yudofsky S. C., Talbott J. A. Washington: American psychiatric press, 1999, 1762.
6. Лебедева Д. С. Аддиктивное поведение: современный взгляд на старые проблемы. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*. 2004. № 4. С. 76–79. [Lebedeva D. S. Addictive behavior: a modern look at old problems. *Zhurnal psikhiiatrii i meditsinskoj psikhologii*, 2004, (4): 76–79. (In Russ.)]
7. Kästle H. *Brandstiftung. Erkennen, Aufklären, Verhüten*. Stuttgart: Borberg-Verlag, 1992, 245.
8. Ахмедшин Р. Л. Психолого-криминалистическая характеристика социально-дезадаптированной личности преступника: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 180 с. [Akhmedshin R. L. *Psychological and criminalistic characteristics of a socially maladapted criminal personality*. Cand. Law Sci. Diss. Tomsk, 1999, 180. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nlnfcp>
9. Simonit F., Da Broi U., Desinan L. The role of self-immolation in complex suicides: a neglected topic in current literature. *Forensic Science International*, 2020, 306. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2019.110073>

Для следователей, оперативных работников, судебно-медицинских экспертов рекомендуем ряд действий, направленных на разграничение убийств, самоубийств, инсценировок самоубийства.

По результатам нашего исследования была дополнена классификация мотивов поджигателей немецкого криминалиста Г. Кестле. Установлен больший спектр целей и мотивов, например, найм исполнителей при серийных поджогах, повышенный уровень стрессированности, наркомания, алкоголизм, кризы при поджогах своего имущества, «безмотивные» поджоги, убийства с помощью огня, имитирующие «ритуальные» убийства или несчастные случаи, и т. п.

При моделировании оперативно-разыскной ситуации предложен оптимальный комплекс оперативно-разыскных мероприятий при решении задачи по выявлению лиц, склонных к актам пиромании.

В целом предлагаемый подход направлен на повышение эффективности выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, например, неочевидных поджогов и убийств, где огонь применяется как орудие (способ) сокрытия преступления.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

10. Tatsumi S., Noda H., Sugiyama S. An autopsy case of a charred body which committed suicide after arson. *Legal Medicine*, 2000, 2(2): 110–114. [https://doi.org/10.1016/S1344-6223\(00\)80034-6](https://doi.org/10.1016/S1344-6223(00)80034-6)
11. Alexandri M., Koukoulis A.-N., Tsellou M., Papadodima S. A burned body with a shotgun head injury found on an "altar" made of banknotes: A case report from Greece and brief review of the literature. *Legal Medicine*, 2021, 51. <https://doi.org/10.1016/j.legalmed.2021.101882>
12. Драпезо Р. Г. Оперативно-разыскная характеристика «наемного факела» в сети Интернет с некоторыми элементами тактики. *Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: теория и практика: XVIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Барнаул, 29 июня 2020 г.) Барнаул: АлтГУ, 2020. С. 82–88. [Drapezo R. G. Operational and investigative characteristics of the "hired torch" on the Internet with some elements of tactics. *Problems of combating crime in the context of digitalization: theory and practice: Proc. XVIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Barnaul, 29 Jun 2020. Barnaul: ASU, 2020, 82–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/dtrtrr>
13. Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология: методы, рекомендации, практика раскрытия преступлений. М.: ЮНИТИ, 2002. 448 с. [Obraztsov V. A., Bogomolova S. N. *Forensic psychology: methods, recommendations, and investigation practice*. Moscow: IuNITI, 2002, 448. (In Russ.)]
14. Овчинский В. С. Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005. 192 с. [Ovchinskii V. S. *Criminology and biotechnology*. Moscow: Norma, 2005, 192. (In Russ.)]
15. Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Сарат. ун-т, 1975. 222 с. [Noy I. S. *Methodological problems of Soviet criminology*. Saratov: Saratov University, 1975, 222. (In Russ.)]
16. Эфроимсон В. П. Гениальность и генетика: биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности. 5-е изд. М.: Время знаний, 2011. 374 с. [Efroimson V. P. *Genius and genetics: biosocial mechanisms and factors of the highest intellectual activity*. 5th ed. Moscow: Vremia znanii, 2011, 374. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qycofn>
17. Драпезо Р. Г., Гольдшмидт Е. С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления. *Психология и право*. 2020. Т. 10. № 1. С. 55–72. [Drapezo R. G., Goldschmidt E. S. Socio-forensic profile of the identity of homicide using fire as a tool for crime concealing. *Psychology and Law*, 2020, 10(1): 55–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/odpfv>
18. Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1989. 351 с. [Dubinin N. P., Karpets I. I., Kudryavtsev V. N. *Genetics, behavior, and responsibility: the nature of antisocial acts and ways to prevent them*. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1989, 351. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zgwszd>
19. Комиссаров В. С., Яни П. С. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки. *Законность*. 2010. № 9. С. 3–8. [Komissarov V. S., Yani P. S. Provocative and inciting activities in relation to an executive officer as a condition releasing from liability imposed for bribetaking. *Zakonnost*, 2010, (9): 3–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbgxqz>
20. Eliasberg W. Review of Pathological Firesetting (Pyromania), by H. Yarnell & Nolan D. C. Lewis. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*, 1953, 43(6): 801–802. <https://doi.org/10.2307/1139764>
21. Grant J. E., Won Kim S. Clinical characteristics and psychiatric comorbidity of pyromania. *The Journal of clinical psychiatry*, 2007, 68(11): 1717–1722. <https://doi.org/10.4088/JCP.v68n1111>
22. Vinkers D. J., Beurs E. de, Barendregt M., Rinne T., Hoek H. W. The relationship between mental disorders and different types of crime. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2011, 21(5): 307–320. <https://doi.org/10.1002/cbm.819>
23. Quinsey V. L., Chaplin T. C., Upfold D. Arsonists and sexual arousal to fire setting: correlation unsupported. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 1989, 20(3): 203–209. [https://doi.org/10.1016/0005-7916\(89\)90024-4](https://doi.org/10.1016/0005-7916(89)90024-4)
24. Alley C. S. Firesetting and arson in individuals with autism spectrum disorder: a systematic PRISMA review. *Journal of Intellectual Disabilities and Offending Behaviour*, 2019, 10(4): 89–101. <https://doi.org/10.1108/JIDOB-11-2018-0014>
25. Акбаева Д. Ж., Боброва В. В. Коэффициент людей с расстройством аутистического спектра в мире и альтернативные методы его коррекции и лечения. *Научное обозрение. Педагогические науки*. 2019. № 1. С. 54–58. [Akbaeva D. Zh., Bobrova V. V. The rate of people with autism spectrum disorder in the world and alternative methods of its correction and treatment. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*, 2019, (1): 54–58. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yznapb>

оригинальная статья

Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования

Сенотрусова Евгения Михайловна
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Россия, Иркутск
<https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>
evg-suranova@yandex.ru

Иванчей Вячеслав Витальевич
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Россия, Иркутск
<https://orcid.org/0000-0001-5320-1605>

Поступила в редакцию 12.08.2022. Принята после рецензирования 12.09.2022. Принята в печать 21.10.2022.

Аннотация: Освещаются проблемы несоблюдения страховщиком требований добросовестности на стадии формулирования условий договора страхования и его заключения. На основе анализа доктринальных разработок и судебной практики приводятся примеры недобросовестного (в объективном смысле) поведения страховщика: включение в текст договора страхования несправедливых условий, в том числе посредством использования мелкого, трудночитаемого шрифта; значительное ограничение страхового покрытия; установление необоснованно коротких сроков уведомления страховщика о наступившем страховом случае, неожиданное сужение территории страхования и др. Приведен пример недобросовестности страховщика в субъективном смысле – фактическая осведомленность об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска, или наличия реальной возможности получения информации о таковых. Обосновывается необходимость более широкого применения механизма, закрепленного в ст. 428 ГК РФ, а также правила *contra proferentem* в целях борьбы с несправедливыми договорными условиями и дисбалансом в страховых отношениях. Обсуждается возможность предоставления суду права выйти за пределы исковых требований в целях оценки договора страхования на предмет наличия в нем недобросовестных или несправедливых условий.

Ключевые слова: добросовестность, страховой случай, несправедливые договорные условия, неравенство переговорных возможностей

Цитирование: Сенотрусова Е. М., Иванчей В. В. Недобросовестность страховщика на этапе заключения договора страхования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2023. Т. 7. № 2. С. 250–258. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-250-258>

full article

Mala Fides Insurance Agents at the Stage of Acquisition

Evgenia M. Senotrusova
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Russia, Irkutsk
<https://orcid.org/0000-0001-8292-1193>
evg-suranova@yandex.ru

Vyacheslav V. Ivanchey
Irkutsk Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Russia, Irkutsk
<https://orcid.org/0000-0001-5320-1605>

Received 12 Aug 2022. Accepted after peer review 12 Sep 2022. Accepted for publication 21 Oct 2022.

Abstract: The article features the unconscionability of insurance agents at the stage of affecting the insurance contract. It describes such cases of *mala fides* as unfair conditions, fine and unreadable print in contract texts, poor insurance coverage, short notice periods, and unexpected narrowing of the insurance territory. Subjective unconscionability means that the insurance agent is aware of the circumstances essential to determine the probability of an insurance risk or the possibility to obtain such information. In this regard, Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation and the *contra proferentem* may prevent unfair contractual conditions and imbalance. Courts need to be granted the right to go beyond the plaintiff's claims in order to evaluate the contract.

Keywords: conscientiousness, insured event, unfair contractual conditions, inequality of negotiation opportunities

Citation: Senotrusova E. M., Ivanchey V. V. *Mala Fides* Insurance Agents at the Stage of Acquisition. *Vestnik Kemarovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(2): 250–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-250-258>

Введение

В настоящей работе предпринята попытка исследования недобросовестных практик страховщика как более сильной стороны на этапе заключения договора страхования. Анализ поведения страховщика с точки зрения добросовестности именно на данной стадии видится необходимым, поскольку на ней происходит согласование воли контрагентов, установление существенных условий договора и юридическое оформление всего страхового правоотношения. Потребность в исследовании выбранной тематики подтверждают и такие обстоятельства, как активное применение в страховой сфере стандартных условий договора, вынужденность (в известном смысле этого слова) заключения договора страхования со стороны страхователя, навязанная, к примеру, банковской организацией [1, с. 32–33], недостаточная информированность страхователей и др.

Для работы использованы научные труды таких выдающихся ученых, как А. А. Волос, В. Г. Голубцов, К. В. Нам, И. Б. Новицкий, Т. В. Новикова, О. А. Кузнецова, Ю. Б. Фогельсон и др. Эмпирической базой исследования, помимо научных работ указанных и иных цивилистов по вопросам сущности добросовестности и проблемным аспектам страховых отношений, послужили материалы правоприменительной практики.

Методологическая основа исследования представлена всеобщим диалектическим методом, методами анализа и синтеза, индукции и дедукции, системным и формально-юридическим методами.

О добросовестности в частном праве

Добросовестность, являясь важнейшей категорией цивилистики, получила свое официальное признание в качестве основного начала гражданского права сравнительно недавно¹. В 2013 г. в процессе реформирования гражданского законодательства ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) была дополнена нормами, согласно которым субъекты гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, а также при исполнении гражданских обязанностей. Добросовестность, признаваемая доктриной и правоприменителем и до 2013 г., «получила полноценную охраноспособность» и стала своего рода «метарежимом частного права» [2, с. 492] именно после своего закрепления в тексте кодифицированного акта.

Нельзя отрицать и то, что добросовестность является многоаспектным явлением, представленным в самом общем виде в качестве универсального механизма противодействия нечестности в имущественном

обороте [2, с. 494]. Указанное явление, находясь в сфере права, полностью «очищается» от нравственного наполнения, образуя известный объективный идеал поведения участников оборота, который, безусловно, может совпадать с нравственным, но таковым не является.

Понятие добросовестности в цивилистике принято рассматривать в объективном и субъективном значениях. Последний подход считается превалирующим; его сторонники – Е. Е. Богданова [3, с. 11–12], А. А. Волос [4, с. 195], К. В. Нам [5, с. 78], А. И. Пименова [6, с. 208], О. А. Кузнецова [7, с. 33], А. Г. Карапетов и др. [8, с. 174]. При этом названные категории являются самостоятельными, отражают суть взаимосвязанных и дополняющих друг друга, но тем не менее разных правовых явлений [9, с. 82].

Добросовестность в объективном смысле понимается как основное начало гражданского права, взаимодействующее с нормами морали, но не тождественное им [10; 11, с. 8; 12, с. 45], требование, адресованное участникам оборота и суду [13], критерием для оценки соблюдения которого выступает заботливое и честное поведение всякого среднего участника оборота, ожидаемое от него другими лицами². В таком понимании добросовестность обеспечивает регулирование общественных отношений [14, с. 287], восполнение пробелов, адекватную интерпретацию закона, его дополнение и исправление, социализацию и этический ренессанс частного права [15, с. 112–113], построение партнерских отношений между участниками оборота [16, с. 147].

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой «извинительное» заблуждение, неосведомленность лица о юридически значимых фактах и обстоятельствах, которое такое лицо не смогло преодолеть, несмотря на разумно принятые для этого меры [17, с. 76–77]. Субъективная добросовестность обычно находит отражение в тексте закона в виде неких формул следующего рода: «не знал», «не знал и не должен был знать». Добросовестность в субъективном смысле также устанавливается по вполне объективным, выработанным законодателем или правоприменителем критериям, т. е. критериям, определяемым не каждым участником оборота самостоятельно по своему усмотрению и исходя из собственных представлений о честном поведении, а с учетом обычного поведения среднего законопослушного участника оборота и правомерных ожиданий его контрагентов [18, с. 169]. В данном случае термин *субъективный* указывает на субъективное состояние лица, осознание или неосознание им определенных обстоятельств.

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ. ФЗ № 302-ФЗ от 30.12.2012 (в ред. от 04.03.2013). СПС КонсультантПлюс.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ. Постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015. СПС КонсультантПлюс.

Объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора

Анализ правоприменительной практики показывает, что объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора выражается, как правило, во включении в него несправедливых договорных условий.

Распространенность названной недобросовестной практики объясняется легально признанным правом страховщика использовать стандартные формы договора, а также заключать договор страхования путем вручения страхователю страхового полиса. Исходя из буквального толкования п. 3 ст. 940 ГК РФ, п. 1 ст. 943 ГК РФ условия договора страхования могут содержаться не в одном документе, а в нескольких, в том числе в заявлении, послужившем основанием для выдачи страхового полиса³. Риски включения несправедливых условий увеличиваются и за счет формального ознакомления либо неознакомления страхователя с правилами страхования в связи с непредставлением ему их текста в письменном виде, отсутствием объективно требуемого времени для их прочтения и истолкования. Нельзя исключать и возможность разработки страховщиком правил страхования в одностороннем порядке с намеренным нарушением требований юридической техники, оставлением пробелов и допущением противоречий. К примеру, имеют место случаи включения условий об обязанностях страхователя или исключениях из страхового покрытия в разделы договора, посвященные иным вопросам.

В качестве второй наиболее часто встречающейся недобросовестной практики следует указать включение в договор страхования оговорки в виде безусловной запретительной франшизы. К примеру, договором страхования, заключенным между гражданином и акционерным страховым обществом, устанавливалась безусловная запретительная франшиза в размере 95 % от страховой суммы, если страховой случай по риску «ущерб, гибель от ДТП» произошел вследствие действий лица, проехавшего на запрещающий сигнал светофора. Из условий договора оставалось неясным, идет ли речь в данном случае про действия самого страхователя или иного, третьего лица. Поскольку страховой случай произошел в связи с проездом иного лица на запрещающий сигнал светофора, страхователь страховое возмещение не получил⁴.

Еще один пример недобросовестного поведения – значительное ограничение страхового покрытия в правилах страхования посредством формулирования ряда обстоятельств, при наличии которых наступившее событие не квалифицируется как страховой случай. Безусловно, указание отдельных исключений из покрытия может быть вызвано объективными факторами, связанными с повышенными рисками и, соответственно, готовностью их принять страховщиком только при условии дополнительной страховой премии. Однако страховщикам следует напрямую информировать страхователя о таких случаях, предлагать последнему ознакомиться с их единым исчерпывающим перечнем, изложенным доступным и понятным языком.

Приведем некоторые примеры недобросовестного исключения из страхового покрытия. Так, между страхователем и страховщиком заключен договор страхования автотранспортного средства по рискам «ущерб» и «хищение». В полисе страхования какие-либо исключения из названных рисков не указывались. Вместе с тем, согласно правилам страхования, утвержденным страховщиком в одностороннем порядке, в число страховых случаев не входит хищение автотранспортного средства, не оборудованного противугонными системами, соответствующими установленным страховщиком требованиям⁵. Указанный пример интересен и тем, что в нем проиллюстрирована еще одна недобросовестная практика – «камуфлирование» обязанностей страхователя под видом иных условий договора, в частности под видом исключения из страхового покрытия.

Другой пример: по правилам страхования, страховым случаем не является ущерб в результате повреждения транспортного средства, если на момент такого повреждения окна автомобиля были открыты⁶. Несправедливость приведенного условия заключается в появившейся возможности со стороны страховщика отказать в выплате возмещения со ссылкой на открытость окна вне зависимости от степени такой открытости и причинно-следственной связи между указанным обстоятельством и наступившим событием (безусловно, в части т. н. «исключаемых рисков» подобная оговорка может явиться справедливой, но только при условии наличия связи между соответствующим исключением и материализацией риска [19, с. 36]).

³ О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан. Постановление Пленума ВС РФ № 20 от 27.06.2013. СПС КонсультантПлюс. Аналогичная позиция высказывалась ранее Президиумом ВАС РФ. См., например: Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 75 от 28.11.2003. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Апелляционное определение ВС Республики Татарстан от 03.07.2014 по делу № 33-8996/2014. СПС КонсультантПлюс.

⁵ Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2017), утв. Президиумом ВС РФ 16.02.2017. СПС КонсультантПлюс.

⁶ Правила страхования автотранспортных средств. URL: https://www.ingos.ru/Upload/info/pravila_kasko/For_Motor_Vehicle_Insurance_Moscow_2020_preview.pdf (дата обращения: 11.04.2022).

В договорах личного страхования распространены условия, согласно которым страховым случаем не является факт установления лицу инвалидности, если период с момента диагностирования заболевания, ставшего причиной такой инвалидности, превышает установленный страховщиком в одностороннем порядке срок [20, с. 50].

Недобросовестность страховщика при формулировании условий договора и его заключении может проявляться при необоснованно узком и неожиданном для страхователя определении территории, на которую заключенный договор распространяется (к примеру, указание мелким шрифтом в виде таковой небольшого населенного пункта по месту нахождения страхового агента, действующего в интересах страховщика⁷), или установлении неразумных сроков уведомления страховщика о наступлении страхового случая⁸. Допускаются случаи предъявления к страхователям излишне обременительных требований по предоставлению необоснованно широкого перечня документов, указания на выплату страхового возмещения при наступлении страхового случая только после окончания срока действия договора и др.

Таким образом, объективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора может выражаться во включении в него несправедливых договорных условий или оговорок в виде безусловной запретительной франшизы, в существенном ограничении страхового покрытия, установлении неразумных сроков уведомления страховщика о наступлении страхового случая, предъявлении требований по предоставлению необоснованно широкого перечня документов и др.

Субъективная недобросовестность страховщика на этапе заключения договора

Добросовестность в субъективном смысле представляет собой «извинительное» заблуждение лица о юридически значимых обстоятельствах, которое такое лицо не смогло преодолеть, несмотря на принятые меры. В сфере страховых отношений субъективная добросовестность предусмотрена п. 1 ст. 944 ГК РФ, согласно которому при заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления, если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику.

Исходя из содержания приведенной нормы следует, что «неизвинительное заблуждение» страховщика

будет иметь место в случае, когда страховщик обладал сведениями об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска, либо когда страховщик хотя и не был осведомлен о таких обстоятельствах, но, проявив требуемую от него как от профессионала степень внимательности и предусмотрительности, должен был узнать о них. В данном случае поведение страховщика сравнивается со стандартом поведения всякого среднего, разумного страховщика, обладающего необходимой компетенцией; считается, что последний имел возможность узнать о таких обстоятельствах посредством включения соответствующих вопросов и оговорок в бланк заявления на выдачу полиса, направления письменных запросов и проч. Последствием несоблюдения субъективной добросовестности будет являться невозможность страховщика требовать признания сделки недействительной и применения последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ.

Приведем пример. Страховщик обратился в суд с иском к страхователю о признании договора недействительным на том основании, что последний при заключении договора не сообщил о неудовлетворительном состоянии электрической проводки в застрахованном здании, что послужило причиной возгораний и пожара, произошедших в течение двух лет, предшествующих заключению договора. Суды, отказывая в удовлетворении иска, указали, что в стандартном бланке заявления не содержалось вопросов о состоянии электропроводки в здании, а сообщенные страхователем сведения (ответы на вопросы в стандартном бланке заявления) являются достоверными. Таким образом, если при заключении договора страхования страхователь умолчал об известных ему обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения степени риска, которые не были и не должны были быть известны страховщику и которые не были оговорены страховщиком в стандартной форме договора страхования или в его письменном запросе, то основания для признания договора страхования недействительным отсутствуют⁹.

В приведенном примере неосведомленность страховщика носит неизвинительный характер, поскольку он, являясь лицом, осуществляющим профессиональную деятельность на рынке страховых услуг и вследствие этого более сведущим в определении факторов риска, имел реальную возможность выяснить все обстоятельства, влияющие на возможность возникновения пожара, в частности состояние проводки (нельзя не отметить, однако, что вопрос об информационной

⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11.08.2014 по делу № А56-44820/2013. СПС КонсультантПлюс.

⁸ Определение ВС РФ № 305-ЭС21-3981 от 16.04.2021. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 75 от 28.11.2003. СПС КонсультантПлюс.

обязанности страхователя по предоставлению сведений, имеющих существенное значение для заключения договора страхования, является дискуссионным, высказано немало предложений о необходимости усиления ответственности страхователя как за сообщение заведомо ложных сведений, так и за их умолчание¹⁰ [21]).

Таким образом, проявлением субъективной недобросовестности является заявление страховщиком требований о признании сделки недействительной и применении последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ, при его осведомленности об обстоятельствах, имеющих существенное значение для определения вероятности страхового риска. Субъективная недобросовестность будет иметь место и тогда, когда страховщик, хотя и не был осведомлен о таких обстоятельствах, но проявив требуемую от него как от профессионала степень внимательности и предусмотрительности, должен был узнать о них.

О механизмах борьбы с недобросовестным поведением страховых организаций

Для противодействия недобросовестности страховщика в объективном смысле требуется более активное применение защиты прав, закрепленных в ст. 428 ГК РФ и заключающихся в возможности механизмов присоединившейся к договору стороны или более слабого контрагента требовать расторжения или изменения договора в части несправедливых, явно обременительных условий. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день они активно применяются лишь в отдельных сферах (наиболее активно – в сфере кредитования), в то время как в других только начинают признаваться.

К примеру, постановлением суда кассационной инстанции по требованию индивидуального предпринимателя в порядке ст. 428 ГК РФ изменен кредитный договор путем исключения из него положения, устанавливающего право банка по своему усмотрению и без объяснения причин увеличивать размер процентов за пользование кредитом, а также сокращать срок возврата кредита. Суд признал, что положения договора, об исключении которых просил истец, содержат явно обременительные условия для присоединившейся стороны, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора. Спорные положения не соответствуют принципу добросовестности в коммерческой деятельности, они явно обременительны для заемщика, поэтому существенным

образом нарушают баланс интересов сторон, т. к. предоставляют кредитору возможность в одностороннем порядке изменять согласованные сторонами условия договора, которые являются существенными для договоров такого вида. Тот факт, что в договоре имелись и условия, согласованные сторонами индивидуально (сумма кредита, сроки возврата и т. п.), не препятствует применению ст. 428 ГК РФ к положениям кредитного договора, в отношении которых заемщик был вынужден принимать навязанные ему условия¹¹.

В сфере страхования подобную практику трудно назвать широко распространенной или устоявшейся, однако единичные решения в пользу страхователей встречаются. Одним из знаковых решений представляется следующее. К., являясь собственником автомобиля, заключил договор добровольного страхования транспортного средства с ООО СК «Согласие» по рискам «ущерб» и «хищение». 17 августа 2013 г. автомобиль истца был похищен. Постановлением следователя СО ОМВД России по г. Анапе по данному факту возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество). Страховщик отказал в выплате страхового возмещения со ссылкой на то, что хищение автомобиля путем мошенничества не является страховым случаем.

Установлено, что договор страхования между сторонами заключен путем выдачи страховщиком страхового полиса, в котором в качестве событий, на случай которых осуществляется страхование, указаны ущерб и хищение. Каких-либо исключений относительно данных страховых рисков в полисе не содержится. Исключение содержалось в утвержденных страховщиком в одностороннем порядке Правилах страхования (ссылка на которые приведена в полисе страхования мелким шрифтом), согласно которым из числа страховых случаев исключены любые другие виды и способы хищения, кроме кражи, грабежа или разбоя. Суды, принимая во внимание принцип добросовестности, правило *contra proferentem* и требования законодательства о защите прав потребителей в части установления обязанности исполнителя доводить информацию об услуге до потребителя в наглядной и доступной форме, удовлетворили требования К. к страховщику, обязав последнего произвести страховую выплату¹².

Интерес представляет и дело об оспаривании страховщиком предписания территориального управления Роспотребнадзора об устранении допущенных требований закона, а именно изложение ряда существенных условий договора страхования очень мелким, трудно

¹⁰ Концепция развития положений части второй ГК РФ о договоре страхования. Одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства № 202/оп-1/2020 от 25.09.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений ГК РФ о кредитном договоре. Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 147 от 13.09.2011. СПС КонсультантПлюс.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 18-КГ15-47 от 21.04.2015. СПС КонсультантПлюс.

воспринимаемым шрифтом, что не соответствует критериям наглядности и доступности информации для потребителя; невыдача страхователю разработанных страховщиком в одностороннем порядке правил страхования. Указанные правила страхования (добровольного страхования транспортных средств и спецтехники, индивидуального страхования от несчастных случаев и проч.) устанавливали перечень страховых рисков и страховых случаев, включая т.н. исключения из страхового покрытия, регламентировали порядок определения страховой выплаты, предъявления соответствующих требований и иные вопросы, имеющие существенное значение для заключения и исполнения договора потребителем. Кроме того, согласно указанию закона, названные правила являются неотъемлемой частью договора страхования и в обязательном порядке должны выдаваться потребителю. Решениями судов предписание уполномоченного органа признано законным и подлежащим исполнению¹³.

Вместе с тем на сегодняшний день наиболее распространенным является другой подход. Так, в одном из споров судами отказано в удовлетворении требований К. об исключении условий договора страхования, значительно ограничивающих круг событий, являющихся страховым случаем и прописанных мелким, трудно читаемым шрифтом. Суд, не усмотрев в поведении страховщика противоправности, мотивировал свое решение тем, что гражданин полностью понимал все условия договора страхования, что подтверждается его подписью. Доводы о незаметности текста суд посчитал неубедительными, т.к. договор был подписан без каких-либо оговорок¹⁴.

Схожая позиция представлена и по другому делу. Судами признан недействительным договор личного страхования, поскольку на момент заключения договора у Л. было диагностировано тяжелое заболевание. Страхователь пояснил, что при заключении договора личного страхования условие, в соответствии с которым он подтверждает отсутствие у себя на момент заключения договора тяжелых заболеваний и указанное мелким шрифтом в стандартном бланке, осталось им незамеченным. Однако суд посчитал, что использование мелкого шрифта не препятствовало страхователю ознакомиться с соответствующими условиями страхования, а добровольное выражение волеизъявления на вступление в обязательство и согласие со всеми условиями заключаемого договора подтверждается его

собственноручной подписью¹⁵. Аналогичный подход прослеживается и в решениях других судов¹⁶.

Не оценивая приведенные выше решения судов на предмет правомерности и справедливости, остается выразить надежду на более активное применение инструмента, закрепленного в ст. 428 ГК РФ, в сфере страхования. Страхователь, будучи профессиональным участником рынка, может стремиться установить более выгодное для себя положение в страховом правоотношении за счет ожидаемой невнимательности контрагента [22, с. 264], что, безусловно, противоречит сущности страхования как меры защиты и обеспечения спокойствия страхователей [23, с. 92–110].

Слабая переговорная позиция страхователя обуславливает необходимость формирования патерналистского подхода в вопросах защиты его прав, в связи с чем представляется возможным предоставление суду в страховых спорах права выхода за пределы заявленных требований с целью оценки договора страхования на предмет наличия в нем несправедливых или иных недобросовестных условий. В случае, если страхователем выступает потребитель, а договор ущемляет его права по сравнению с обычными условиями, суду, на наш взгляд, следует предоставить право по собственной инициативе применять последствия ничтожности сделки в указанной части. Такие полномочия следует трактовать в качестве права выйти за пределы исковых требований, а не обязанности; необходимость подобного выхода суд оценивает самостоятельно, принимая во внимание все обстоятельства дела. Более того, нельзя не согласиться с предложением о внедрении превентивного механизма защиты потребителей и иных лиц от несправедливых условий, содержащихся в разработанных бизнесом стандартных договорах [24, с. 179].

В ряде случаев видится необходимым и обращение к правилу *contra proferentem*, широко применяемому в зарубежных правовых системах и в сфере международного частного права. Указанное правило было введено в отечественное правовое пространство во многом благодаря усилиям Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, разъяснившего в своем постановлении о свободе договора необходимость толкования неясных условий соглашения в случае невозможности установить действительную общую волю сторон в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия¹⁷.

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-793/15 от 07.04.2015 по делу № А60-13459/2014. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Апелляционное определение ВС Республики Башкортостан от 23.12.2020 по делу № 33-18368/2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Определение ВС РФ № 2-3676/2018 от 09.06.2020 по делу. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ Апелляционное определение Мурманского областного суда от 29.11.2021 по делу № 33-3505/2021; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 20.01.2016 по делу № 33-376/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2017 по делу № 33-36380. СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ О свободе договора и ее пределах. Постановление Пленума ВАС РФ № 16 от 14.03.2014. СПС КонсультантПлюс.

Требуется и активизация работы по информированию населения по вопросам страховой грамотности, формированию ее компонентов хотя бы на базовом уровне [25, с. 129]. Необходимым представляется подготовка и распространение тематических буклетов и брошюр с основными терминами в сфере страхования, разработка перечней типичных «черных» и «серых» условий договоров страхования.

Резюмируя авторскую позицию о субъективной недобросовестности страховщика, следует отметить, что противодействие ей исчерпывается отказом в удовлетворении его требований о признании сделки недействительной и применении последствий, предусмотренных ст. 179 ГК РФ.

Заключение

Проведенный анализ судебной практики показывает, что на сегодняшний день нередки случаи нарушения страховщиком требований добросовестности на стадии заключения договора страхования. Наибольшее распространение получили проблемы включения в договор страхования несправедливых условий и использование таких недобросовестных практик, как оформление страхового полиса или правил страхования трудночитаемым шрифтом; размещение правил страхования на сайте во «второстепенных» вкладках, что требует их активного поиска; невыдача правил страхования «на руки» страхователям для ознакомления с ними; «умолчание» о существенных и невыгодных страхователю оговорках, принятых страховщиком в одностороннем порядке; предоставление существенно ограниченного времени контрагенту для ознакомления с предложенными условиями договора и др.

Верно отмечено, что добросовестность в договорных и договорных отношениях связана с пониманием договора как наивысшей формы доверия [26, с. 83], а следовательно, страховщик должен

заботиться не только о своей выгоде, но и предоставить другой стороне то, к чему она стремилась при вступлении в страховые отношения, и содействовать ей в получении необходимой информации.

Для борьбы с недобросовестным поведением страховщика требуется более активное применение специального инструмента судебного *ex post* контроля договорных условий, установленного ст. 428 ГК РФ. Кроме того, судам при разрешении страховых споров необходимо предоставить возможность выхода за пределы заявленных требований с целью оценки договора на предмет наличия в нем несправедливых или иных недобросовестных условий, а в случае участия на стороне страхователя потребителя и ограничения предоставленных ему законодательством о защите потребителей прав – возможность применения последствий ничтожности сделки. Целесообразным видится также использование превентивного механизма защиты от несправедливых условий, содержащихся в разработанных страховщиками стандартных договорах, более активное применение судами правила *contra proferentem* и повышение страховой грамотности участников гражданского оборота.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / Reference

1. Лихтер П. Л. О некоторых аспектах реализации принципа добросовестности при потребительском кредитовании: поиск баланса интересов. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 28–37. [Likhter P. L. Some aspects of implementation of the principle of integrity in consumer lending: in search for the balance of interests. *Lex Russica*, 2021, 74(5): 28–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.174.5.028-037>
2. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 45. С. 490–518. [Golubtsov V. G. Subjective good faith in the structure of the general concept conscientiousness of good faith. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, 2019, (45): 490–518. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2019-45-490-518>
3. Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 159 с. [Bogdanova E. E. *Good faith and remedies in contract law*. Moscow: IUNITI-DANA, 2010, 159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zhflf>
4. Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система. М.: Юстицинформ, 2018. 258 с. [Volos A. A. *Principles-methods of civil law and their system*. Moscow: Iustitsinform, 2018, 258. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yogdil>

5. Нам К. В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины. *Вестник гражданского права*. 2017. Т. 17. № 6. С. 74–89. [Nam K. V. The principle of good faith: some problems of epy doctrine's development. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, 17(6): 74–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ykxhdl>
6. Пименова А. И. Проблемы развития категории «добросовестность» в Гражданском праве России. *Право и правоохранительная деятельность: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Саратов, 28 апреля 2017 г.) Саратов: Саратовский источник, 2017. С. 204–207. [Pimenova A. I. Problems of the development of the category conscientiousness in the Civil Law of Russia. *Law and law enforcement: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Saratov, 28 Apr 2017. Saratov: Saratovskii istochnik, 2017, 204–207. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztsysrv>
7. Кузнецова О. А. Нормативное оформление и значение гражданско-правового принципа добросовестности. *Принцип добросовестности в гражданском праве: проблемы реализации: Междунар. науч.-практ. конф.* (Челябинск, 11–12 сентября 2015 г.) Челябинск: Полиграф-мастер, 2015. С. 27–33. [Kuznetsova O. A. Normative design and the meaning of the civil law principle of good faith. *The principle of good faith in civil law: problems of implementation: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Chelyabinsk, 11–12 Sep 2015. Chelyabinsk: Poligraf-master, 2015, 27–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzdfwo>
8. Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С., Громов А. А., Громов С. А., Калятин В. О., Карпетов А. Г., Маркелова А. А., Павлов А. А., Петроль О. Д., Рыбалов А. О., Сарбаш С. В., Суворов Е. Д., Федоров Д. В., Церковников М. А., Ягельницкий А. А. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2020. 1469 с. [Asoskov A. V., Baibak V. V., Bevzenko R. S., Gromov A. A., Gromov S. A., Kalyatin V. O., Karapetov A. G., Markelova A. A., Pavlov A. A., Petrol O. D., Rybalov A. O., Sarbash S. V., Suvorov E. D., Fedorov D. V., Tserkovnikov M. A., Yagelnitsky A. A. *The main provisions of civil law: article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow: M-Logos, 2020, 1469. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/epdmkk>
9. Соломин С. К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2016. № 2. С. 75–85. [Solomin S. K. The theory of integrity in Russian civil law: formation, development, prospects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2016, (2): 75–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wmrslt>
10. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. *Вестник гражданского права*. 2006. № 1. С. 124–189. [Novitskii I. B. The principle of good conscience in the draft law of obligations. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2006, (1): 124–189. (In Russ.)]
11. Егоров А. В. Принцип гражданской добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. *Legal Insight*. 2013. № 2. С. 4–10. [Egorov A. V. The principle of civil integrity in the Civil Code of the Russian Federation: the first steps of reform. *Legal Insight*, 2013, (2): 4–10. (In Russ.)]
12. Новикова Т. В. К вопросу об объективном значении понятия добросовестности в российском гражданском праве. *Современное право*. 2007. № 11-1. С. 45–46. [Novikova T. V. Objective meaning of the concept of bone fides in Russian civil law. *Sovremennoe pravo*, 2007, (11-1): 45–46. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kvikwx>
13. Нам К. В. Развитие принципа добросовестности (treu und glauben). Современный этап. Внутренняя систематика. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018. № 7. С. 83–114. [Nam K. V. Development of the good faith principle. Modern stage. Internal systematics. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2018, (7): 83–114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/utsruk>
14. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 160. № 2. С. 285–301. [Vinichenko Yu. V. About the presumption of good faith in Russian law. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2018, 160(2): 285–301. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yunzkk>
15. Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины. *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 11. С. 102–123. [Bogdanov D. E. Postmodernity in Russian private law: Interaction of legal and judicial doctrine. *Lex Russica*, 2021, 74(11): 102–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123>
16. Самородский Д. С., Семкина И. А., Руднев В. О. Краткий сравнительно-правовой анализ принципа добросовестности в немецком и российском законодательстве. *Образование и право*. 2021. № 9. С. 145–152. [Samorodsky D. S., Semkina I. A., Rudnev V. O. Brief comparative legal analysis of the principle of good faith in German and Russian legislation. *Obrazovanie i pravo*, 2021, (9): 145–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-145-152>
17. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лес-Книга, 2002. 160 с. [Emelyanov V. I. *Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights*. Moscow: Less-Kniga, 2002, 160. (In Russ.)]

18. Непомнящих А. А. Добросовестность в гражданском праве. *NovaUm.Ru*. 2017. № 5. С. 168–170. [Непомнящих А. А. Conscientiousness in civil law. *NovaUm.Ru*, 2017, (5), 168–170. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyccjj>
19. Кратенко М. В., Луйк О.-Ю. Исключения из страхового покрытия, не отвечающие критериям честной деловой практики: перспективы защиты прав страхователей в России и Эстонии как государстве – члене Европейского Союза. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 6. С. 34–50. [Kratenko M. V., Luik O.-J. Insurance exclusions contrary to the requirement of fair business practice: perspectives for protection of policyholder's rights in Russia and Estonia as a member of the European Union. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, (6): 34–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.6.3>
20. Ахметзянова Г. Н. Договор страхования: практические аспекты исполнения и защиты нарушенных прав. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 4. С. 49–51. [Akhmetzyanova G. N. Insurance contract: practical aspects of execution and protection of violated rights. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2021, (4): 49–51. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ycvfig>
21. Кратенко М. В. Преддоговорная обязанность страхователя по раскрытию обстоятельств риска ("duty of disclosure"): модели в европейском страховом праве и перспективы для России. *Журнал российского права*. 2020. № 5. С. 78–93. [Kratenko M. V. Policyholder's pre-contractual information duty ("duty of disclosure"): models in European insurance law and prospects for Russia. *Journal of Russian Law*, 2020, (5): 78–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.057>
22. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения. М.: ИНФРА-М, 2012. 576 с. [Fogelson Yu. B. *Insurance law: theoretical foundations and practical application*. Moscow: INFRA-M, 2012, 576. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pbdimc>
23. Фогельсон Ю. Б. Введение в страховое право. Просто о сложном. М.: БИК, 2001. 237 с. [Fogelson Yu. B. *Introduction to insurance law in simple terms*. Moscow: BIK, 2001, 237. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/supfmj>
24. Фогельсон Ю. Б. Защита от несправедливых условий договоров в российской судебной практике. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018. № 10. С. 163–179. [Fogelson Yu. B. Protection against unfair contract terms in Russian case law. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii*, 2018, (10): 163–179. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ynapat>
25. Закирова О. В., Мингазинова Е. Р. Страховая грамотность населения: оценка составляющих. *Вестник НГИЭИ*. 2020. № 9. С. 126–136. [Zakirova O. V., Mingazinova E. R. Insurance literacy of the population: assessment of components. *Bulletin NGIEI*, 2020, (9): 126–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10089>
26. Захаров Д. Е., Захарова О. Е. Некоторые аспекты осуществления права с учетом принципа разумности и добросовестности в отечественном и германском праве. *Вестник экономики, права и социологии*. 2022. № 1. С. 81–84. [Zakharov D. E., Zakharova O. E. Some aspects of the exercise of law, taking into account the principle of reasonableness and good faith in domestic and German civil law. *Vestnik ekonomiki, prava i sotstsiologii*, 2022, (1): 81–84. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/panxqn>

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

---

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор, КемГУ;
ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», КемГУ; egortrezubov@mail.ru

Печёнкина Екатерина Андреевна, ответственный секретарь,
КемГУ; j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State
University; ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction
of Law, Kemerovo State University; egortrezubov@mail.ru

Ekaterina A. Pechenkina, Executive Secretary, Kemerovo State
University; j.juredu@yandex.ru

Литературные редакторы – Екатерина Андреевна Печёнкина,
Людмила Семеновна Старикова.

Корректор – Людмила Семеновна Старикова.

Литературный редактор (английский язык) –

Надежда Владимировна Рабкина.

Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editors – Ekaterina A. Pechenkina, Luydmila S. Starikova.

Proof-reader – Luydmila S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 26.06.2023.

Дата выхода в свет 07.07.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 16. Уч.-изд. л. – 15.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemstu.ru

